

Александр Санфиров

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Annotation

Попасть снова в свою юность, зная будущее, заветная и несбыточная мечта многих и многих людей. Исправить свои ошибки, сделать карьеру, заработать много денег. Или просто путешествовать по миру, удивляясь его многообразию. И чудо свершилось. На восьмом десятке жизни, умерев на зимней рыбалке, герой обнаруживает себя в теле десятиклассника. И вроде бы перед ним сейчас открыты все пути и дороги, о которых мечталось вечерами в старости перед тлеющими в камине углями. Но жизнь есть жизнь, и в ней не всегда получается так, как хотелось, даже если ты знаешь свое будущее и будущее своей страны.

- [Александр Санфиров](#)
-

Александр Санфиров

Вторая жизнь

Сторожок на удочке не шевелился почти полчаса.

-Нет, хорош, сидеть, - подумал я. - Клева, похоже, больше не будет.

Смотав удочку, кинул ее в шарабан вместе с черпаком и несколькими хилыми окушками. Коловорот привязал к багажнику. Усевшись в седло, завел снегоход и поехал к чернеющему вдалеке берегу.

Около подозрительной трещины резко сбавил скорость и начал искать место для переправы. К старому следу ехать желания не было, и я решительно двинулся вперед. Треск льда ударил по ушам, а снегоход, вырвавшись из-под задницы, исчез в глубине. Как ни странно, паники не было. Я лихорадочно дергал молнию, стараясь снять куртку. Быстро тяжелевшие сапоги тянули вниз. Подплыв к краю промоины, вцепился в лед, выдернул себя до пояса из воды и облегченно вздохнул. В этот момент невыносимая боль в левой половине груди заставила потерять сознание, и наступила тьма.

Сколько она длилась, неизвестно. Затем, понемногу стало светлеть, в ушах болью отдалось щебетание птиц, и шум ветра.

Открыв глаза, понял, что гляжу в ясное синее небо с редкими белыми облаками.

-Что за чертовщина!? - пронеслось в голове. Вскочив на ноги, обнаружил, что стою на расстеленном, на траве покрывале, а лежа на нем, на меня удивленноглядит мой школьный приятель Вовка Третьяков.

-Ни хера себе! - мысленно воскликнул я и шлепнулся рядом с ним. Неожиданно задрожавшие ноги не удержали. Сердце судорожно бухало в груди.

-Саня, ты чего вскочил? - спросил приятель. - Так хрепел классно. Приснилось что-нибудь?

-Приснилось, - неожиданно осипшим голосом сообщил я. Огляделвшись, взял в руки лежавший под боком учебник физики за десятый класс.

-Черт, что вообще происходит? - думал я, машинально перелистывая

страницы. Только, что тонул, а сейчас лето и я с Вовкой учу физику.

Третьяков, посмотрев на меня, отвернулся и вновь задремал. Я положил учебник и встал.

Все правильно, мы загорали в нашем любимом месте у Неглинки. Закрытое от ветра косогором, оно всегда рано прогревалось солнцем.

Задумавшись, машинально зашагал в сторону речки.

-Ты куда? - пришел к жизни приятель.

-Пойду, прогуляюсь, может скучнусь, - сообщил я.

-С ума не сходи, крикнул Вовка. - Вода холоднющая.

Я шел, прислушиваясь к своему организму.

- Господи! У меня ничего не болело! Спина и колени не скрипели!

Появившаяся эйфория заставила разбежаться и сделать два сальто вперед. На втором проскользнул рукой на влажной траве и с хеканьем рухнул на мягкую землю.

После этого залез в мелкую речушку и уселся в воду между камней, заливаясь истерическим смехом.

Третьяков встал и, выйдя на берег, тревожно спросил:

-Сашка, у тебя все в порядке, ты на солнце не перегрелся?

-В порядке, Вовка, даже не представляешь в каком, - продолжая смеяться, ответил я, глядя на своего умершего друга. Последний раз я видел его лежащим в гробу четыре года назад. А сейчас он живой и здоровый стоит передо мной, ему семнадцать лет, как и мне, на дворе 1968 год и еще ничего не решено, вся жизнь впереди, лишь бы это не были мои предсмертные видения.

-Хорош дурью маяться,- буркнул приятель. - Давай физику учить, нам еще шпоры писать надо.

Я выбрался из воды, эйфория исчезла и меня била крупная дрожь. Вода действительно была ледяная.

Схватив покрывало, начал энергично растираться.

-Не Володя, все, учить физику не буду, ну, ее на хер, - сообщил я другу.

- Зачем мучиться сдам и так.

Хоть арабы и советуют никогда не жалеть о прошлом, я всегда о нем жалел. Возвращаясь к прошедшим событиям, вновь и вновь пытался их переиграть, поступить по-другому. И если сейчас неизвестная сила подарила такую возможность, то кто я такой, чтобы от нее отказаться.

В этот раз проживу совершенно другую жизнь!

Под взглядом озадаченного приятеля, оделся, сунул учебник и термос в рюкзак после чего сообщил.

-Слушай, я тут кое-что вспомнил. Мне надо срочно уйти. Ты,

оставайся, загорай.

-Да, ну, нах, - воскликнул Вовка.- Мне тут одному тоскевич. Я тоже, пожалуй, пойду.

Мы поднялись на косогор, и пошли по узкой тропке в сторону города. Наверху задувал холодный ветер, и нам пришлось прибавить шаг, чтобы не мерзнуть.

-Прохладный нынче июнь,- сообщил Вовка, надевая футболку.

-Все лето такое будет, - ответил я. Третьяков недоверчиво посмотрел на меня, но ничего не сказал. Вскоре он свернулся в сторону своего дома, дальше я пошел один.

Несмотря на прошедшие пятьдесят лет, память не подвела, я помнил каждый изгиб неприметной тропки и уверенно вышел к домам, стоявшим на краю леса.

В дворе играли малыши. На конечной остановке автобуса толпился народ.

Я быстро поднялся на третий этаж, снял с шеи, висевший на веревочке, ключ, открыл знакомую дверь. Она была совсем не такой, как я ее видел в последний раз в 2017 году. Время еще не изменило ее.

Дома никого не было.

-Отлично, есть возможность придти в себя, - подумал я. Меня еще потряхивало от волнения, мысли текли беспорядочно.

Разобрав рюкзак, положил учебник на стол и улегся на оттоманку.

-Ну, и что будем делать товарищ вселенец, - обратился сам к себе. - Спасать страну?

Спасать страну не хотелось. Хотелось всего того, чего у меня никогда не было.

В голове то и дело вертелась фраза:

"А еще жизнь хороша тем, что можно путешествовать".

Молодое тело лежать отказывалось, поднявшись с оттоманки, я оглядел комнатку.

-Надо сказать, ты, Сашка, в это время был изрядный засранец, - сообщил я сам себе и принялся за уборку.

Когда убирал ведро и тряпку в туалет, мама как раз вернулась с работы.

-Это хорошо, что совесть в тебе проснулась, - сообщила она. - Но лучше бы занялся уборкой после экзамена.

Я открыл, было, рот, сообщить, что мне экзамен на хрен не сдался, и тут же закрыл.

Мама, это вам не Вовка Третьяков. Как начнет вопить, не закончит до

вечера. Не будешь ведь ей доказывать, что резко повзросел.

-Мда, пожалуй, экзамены придется сдавать, иначе скандал будет, - подумал я и начал изучать расписание. Большинство экзаменов было позади, оставались физика, английский язык и сочинение.

-Ладно, монопенисуально, учить ничего не буду, - окончательно решил я.- Как сдам, так и сдам. Пойду, лучше прогуляюсь по городу.

-Ты куда? - воскликнула мама, когда я направился к дверям. -Кто физику будет учить? Пушкин?

-Ну, мама, - жалобно заныл я, без труда вспоминая свои увертки. - Мы сегодня с Вовкой целый день зубрили.

-Знаю, как вы учите, - сообщила мама. - Небось, на голожопых девок на пляже пялились, про учебу и не вспоминали.

-А вот и нет, мы специально на Наглинку ходили, чтобы никто не мешал. -Честно выдал я.

Куда бы направить свои стопы? - озадачился я, выйдя из дома. - О! Помню, в эти годы завидовал барменам, денег на кармане куча, девочки вокруг любые. Полгорода знакомых. Пойти, что ли в бар какой заглянуть, насчет работы разузнать?

К сожалению, сейчас в городе не так много мест, куда можно устроиться. Уже по дороге я вспомнил, что вскоре должна открыться шашлычная на улице Ленина, и решительно зашагал в ту сторону.

Идя по улице, я наслаждался забытым чувством здоровья и легкостью ходьбы. Навстречу шли сотни горожан. Редкие автобусы и троллейбусы не могли перевезти всех желающих, и большинство двигалось пешком. После забитого автомашинами города, улицы казались вообще свободными от транспорта.

Шашлычная, как и предполагал, была еще закрыта. Однако, обойдя вокруг здания, обнаружил, что задняя дверь не на замке.

Зайдя в темный коридор, пахнувший свежей краской, я прошел до какого то, кабинета, откуда слышался негромкий разговор.

Постучавшись, зашел и обнаружил там, сидящую за письменным столом толстуху и стоящего рядом мужчину грузинистого типа.

-Тебе чего, мальчик? - нетерпеливо спросила женщина, видимо, ей хотелось продолжить разговор.

-Здравствуйте, - вежливо сказал я, - Меня зовут Александр Сапаров, мне семнадцать лет. Сейчас я сдаю экзамены за десятый класс, а потом я бы хотел работать у вас в шашлычной.

-Послушайте, молодой человек,- удивленно сказала женщина,- Вы разве не хотите поступить в университет, или институт. Ради чего вы тогда

учились десять лет. Могли бы поступить после восьмого класса в ТКУ и потом прийти к нам на работу.

Я пожал плечами.

-Тогда мне хотелось учиться, а сейчас я решил пойти работать.

-А почему именно к нам? Можно ведь и в другое место.

Я улыбнулся.

-Шашлык люблю и есть и готовить. Поэтому решил к вам.

Тут в разговор вступил мужчина.

-Слушай, малчик, ты действительно шашлык-машлык любишь?

Может, ты расскажешь, как его делаешь.

-Отчего же, расскажу.

И я приступил к рассказу, после десятого рецепта маринада, мужчина возбужденно замахал руками.

-Маладэц, понимаешь, так гаварил, как будто атэц у тебя грузын. Слушай, Наталья Пётровна, бери его на работу. Такой маладэц не подведет.. Я нэ ошибаюсь никогда.

Наталья Петровна улыбнулась.

-Хорошо, Саша, давай так договоримся, ты сдаешь экзамены, и после них приходишь ко мне. Паспорт, надеюсь, у тебя уже есть, будет неплохо, если ты еще принесешь школьную характеристику, если та меня устроит, то возьму на работу учеником официанта.

Я собрался с духом и нахально спросил:

-А можно учеником бармена?

Грузин засмеялся.

-Я же тэбе гавару, парень- маладэц, хороший бармен будэт.

Наталья Петровна нахмурилась.

-Ты, оказывается бойкий малый. Ничего пока обещать не могу, когда придешь с документами, тогда поговорим.

Выйдя из шашлычной, я отстоял небольшую очередь у цистерны, купил за три копейки маленькую кружку кваса, присел на ближайшую скамейку и медленно цедил холодную жидкость, наслаждаясь настоящим вкусом напитка, забытого за десятилетия.

После этого, не торопясь, направился в сторону дома. Когда зашел домой, там аппетитно пахло ужином. Отца еще не приходил, и у мамы настроение было на нуле. Она молча накидала мне тарелку картошки с тушёной. Я также молча ее съел, запил чаем с куском батона и ушел к себе.

Разговаривать не хотелось. Видимо первые часы вселения я был слишком возбужден, и сейчас наступила реакция. Появилась слабость,

разболелась голова. Несмотря на эту боль, жутко клонило в сон.

Я только успел крикнуть маме, что хочу спать, и меня вырубило,

Утром, я не сразу сообразил, отчего ночью в старой квартире. Первая мысль была, что забурился сюда после какой-то пьянки. Но тут вспомнил вчерашние события, и сразу накатило радостное чувство второго рождения.

-Ох! Сегодня же экзамен! - вспомнил я и быстро начал одеваться.

Отец с мамой сидели на кухне и переругивались. В той жизни я старался уйти от этих разборок. Сейчас же, родители казались мне глупыми детьми, ссорящимися из-за пустяков.

Поэтому, сев за стол скомандовал:

-Заканчиваем прения, мама! Внушение ты сделала, все всё осознали, давайте лучше позавтракаем. Кстати, у меня сегодня экзамен. Так, что не надо меня нервировать.

Упоминание экзамена помогло. На кухне стало тихо. После завтрака я, сунув в карман шариковую ручку, отправился в школу. Перейдя через дорогу, нырнул в дыру в заборе и пошел по натоптанной тропке к парадному входу.

На четвертом этаже у кабинета физики уже толпились одноклассники. Большинство нервно шуршало шпорами, учебниками. Я уселся на подоконник и скучающим взглядом смотрел на всю эту суэту. Рядом со мной тут же уселась Светка Шитикова. Она уткнулась в учебник, не замечая, что сдвинула им подол платья. А там, на открытых ногах были видны стройные ряды, написанных фиолетовыми чернилами, формул.

Тронув ее за плечо, шепнул:

-Светка, одерни платье, учителя заметят.

Та быстро одернула подол и, огляделась, удивленно спросила:

-Саша, ты чего ты так сидишь? Хоть учебник почитай, напоследок.

Я махнул рукой.

-Перед смертью не надышишься. Уже начитался.

Тут к нам подошел Третьяков.

-Слушай, Саня, у меня такое ощущение, что я все забыл. Ты шпоры принес? Если я первым пойду, дашь мне?

Я засмеялся.

-Садись рядом со Светкой, она тебе даст списать. Заодно ножки покажет. Я вчера ничего сделать не успел, заснул, девяты еще не было.

Светка после моих слов порозовела, но согласно кивнула.

Вовка явно повеселел.

-Ладно, я тогда с тобой за один стол сяду.- сообщил он Светке.

Еще через несколько минут явились учителя и нас запустили в класс.

После того, как мы расселись, всех по очереди вызывали тащить билеты.

Я думал, что не смогу ответить ни на один вопрос и надеялся, что мне выставят трояк в счет старых заслуг. Но вопросы оказались довольно легкими, я вызвался отвечать почти сразу и под завистливые вздохи одноклассников отстрелялся за десять минут.

Вовку пришлось ждать почти час. Он получил четверку и был вполне доволен собой. Теперь нас ждал английский язык, который был для Третьякова Терра Инкогнита. Моя задача состояла в том, чтобы помочь ему выучить небольшой рассказ из восьми предложений про американского художника Роккуэла Кента.

Но на сегодня эта тема была пока не актуальна. Учебу планировалось начать с завтрашнего дня.

-Может по пиву? - нерешительно предложил Вовка.

-Давай, - согласился я. - Но для начала зайдем в одно место.

-Это куда? - насторожился Третьяков.

-Увидишь, - коротко хохотнул я в ответ и двинулся к автобусной остановке.

Когда кинул десять копеек в приемное гнездо контейнера и открутил пару билетов, Вовка удивленно посмотрел на меня. Обычно мы старались проехаться зайцем. Но стоять поближе к билетной кассе. Если заходил контролер, мы быстро кидали туда деньги и откручивали билеты. Но сегодня я так не поступил.

В ответ на Вовкин вопросительный взгляд я пожал плечами, мол, понимай, как хочешь.

Через три остановки мы сошли и пошли по Герцена к двухэтажному деревянному зданию.

-Ты чего в военкомате забыл? - испуганно спросил Вовка. - Тебе же восемнадцати нет, это мне осенью армия грозит, если не поступлю.

В мрачном коридоре военкомата было пустынно, весенний призыв завершился и сотрудники отдыхали от суэты.

Секретарша комиссариата с удивлением встретила наше появление.

-Чего хотели молодые люди? - недружелюбно спросила она, усердно стуча по клавиатуре пишущей машинки.

-Добрый день, - поздоровался я. - Нам бы хотелось узнать о возможности учебы в ДОСААФе на водителя,

В ответ секретарша буркнула

- Кабинет 202.

Поблагодарив, мы вышли снова в коридор.

-Ты что, совсем придурок, - возмутился Третьяков. - Ты же хотел в универ поступать. На хрена тебе этот ДОСААФ, только время зря терять.

-Послушай Володя, - проникновенно обратился я к нему. - Вчера на речке на меня озарение нашло, и я решил пойти на работу, а вечерами учиться на водителя.

Вовка что-то еще ворчал, но я уже поднимался на второй этаж. Постучавшись, я приоткрыл дверь и, спросив:

-Разрешите, - прошел в кабинет.

За столом сидел сухощавый майор и с интересом разглядывал появившихся салаг.

-Ну, что хорошего скажете? - полюбопытствовал он.

-Товарищ майор, мы с товарищем явились, чтобы узнать, о возможности получить направление в ДОСААФ для обучения на водителя грузовой и легковой автомашины, ну и на мотоцикл до кучи.

-Ого, вы, однако, шустрые мальцы!- усмехнулся майор. Но тут же принял деловой вид и спросил:

-Так, для начала, быстро доложили, кто такие, адрес возраст. Если паспорта и приписные свидетельства с собой, выкладывайте на стол.

Паспортов у нас с собой не было, свидетельств тем более. Услышав мою фамилию, майор с интересом глянул на меня.

-А я ведь с твоим батей служил, парень. Как он, кстати, все тренером работает? Давненько его не видел.

-Да, все нормально товарищ майор, без проблем.

-Ну, тогда передавай ему привет от Жилина Олега.

Помедлив, майор продолжил:

-Что-то я не пойму, Санек, зачем тебе эта учеба. Тебе прямая дорога в военное училище. Отец фронтовик, орденоносец. Сам ты спортсмен, разрядник. Примут без проблем. Будешь офицером служить. А ты все через жопу делаешь, непорядок. Батя то, хоть знает, чего ты задумал?

-Не знает,- ответил я. - А иметь водительские права еще никому не мешало.

Жилин хмыкнул

-Понятно. Лады, получишь ты направление, по блату включу тебя в спецкоманду, которая кроме категории С будут учиться на категорию В. К сожалению на категорию А придется заплатить. Бесплатно учить никто не будет. Надеюсь, родители двадцать два рубля найдут для этого.

-Найдут, товарищ майор, - заверил я.

Тот, тем временем, уже слушал Третьякова..

Выслушав, куда-то позвонил и с сожалением сообщил:

-А с тобой, паренек ничего не получится, если не пойдешь учиться в ВУЗ, в октябре призовем. Летние команды уже учатся, а осенние начнут учебу, как раз в октябре.

Вовка выслушал слова майора без особого волнения. Он пришел сюда за кампанию, и никаких планов не строил. Хотя перспектива стопроцентного призыва этой осенью его явно не обрадовала. Я то знал, что в октябре его призовут не в армию, а во флот и три года службы он проведет на атомоходе.

Когда мы вышли из мрачных глубин военкомата, дневной свет показался необычайно ярким, как и мое настроение. Пока все шло, как и планировал. Я надеялся, что в следующем году пойду служить водителем, а не просто пехтурой. Мысли откосить от службы возникали, но были сразу отброшены. На нее у меня были свои планы.

-Ну, теперь можно и по пиву- весело сообщил я и мы поспешили к ближайшему пивному ларьку. Пиво у нас в городе в 1968 году водой еще не разбавляли.

Десять минут стояния в очереди и у нас в руках по две кружки пенного напитка. Я слегка сдул пену и сделал глоток.

-Да! Это было пиво! Я пил его и думал о том, что через пару лет на пивзаводе сделают ремонт, заменят немецкое оборудование, поставленное сразу после войны на наше, и уже никогда жигулевское пиво, сваренное у нас городе, не будет таким, как раньше.

-Что рожи корчишь, как придурок? - прервал мои мысли Вовка. - Уставился куда-то и лыбишься.

-Да, так, задумался, - ответил я, не желая сознаваться, что просто балдею от своей юности, яркого летнего солнца и просто возможности пить хорошее пиво.

До дома мы шли пешком, приятель за это время изрядно надоел своей болтовней. А под конец просто раздражал.

-Блин, надо как-то перестраиваться, терпеливей быть что ли - подумал я, когда мы прощались. - Впереди еще неделя экзаменов, Александр Юрьевич, привыкай, что тебе не семьдесят лет.

Квартира встретила пустотой. Родители были на работе. Меня же переполняла жажда деятельности, поэтому, взяв ключ от гаража, я отправился туда. Гаражом у нас называлась ветхая сарайка, в которой стоял такой же ветхий "Ковровец".

В прошлой жизни, купив за стольник, батя так и не удосужился его починить. Когда же я пришел из армии, то узнал что мотоцикл год назад сперли.

Вытащив его во двор, приступил к полной разборке. Орудуя ключами, размышлял, что иметь многолетний опыт автодела в семнадцать лет очень даже неплохо. Время шло незаметно.

Когда надо мной горестно зазвучал батин голос, все запчасти были аккуратно разложены на старом брезенте. Одна рама сиротливо стояла на земле, подпертая с боков чурками.

-Ты, что паршивец натворил! - возмущался отец. - Я уже договорился с Валентиничем, что он переберет мотор, и вообще... Кто тебя просил лезть? Я уже планировал через неделю на нем на рыбалку махнуть.

В ответ я засмеялся.

-Пап, ты об этом второй год рассказываешь. Твой Валентинич с зимы пьет, не просыхая, ему не до мотоцикла. А я за пару дней его до ума доведу.

Батя скривился.

-Чтобы ты понимал молокосос. Вон, велик свой, с апреля починить не можешь, а за мотоцикл берешься.

-Давай забьемся, - предложил я спокойно.

-Давай! -оживился отец. - Только на что?

-Ну, к примеру, на сто рублей, - предложил я.

-Что, с ума сошел, где я тебе сто рублей возьму? - испугался батя. - давай на пятерку. Только, что ты со своей стороны поставишь? - тут же поинтересовался он.

- Половину первой зарплаты отдам, - сообщил я.

Отец засмеялся.

-Так, когда это будет? Ты же у нас инженером планируешь стать.

Ответом на его слова было молчание.

-Так, понятно, констатировал батя. - Уже передумал. И куда же ты пойдешь учиться?

-Мда, пока родителям ничего знать не стоит, - подумал я и сообщил:

-Да, нет, все остается в силе, хотя сомнения имеются.

Так и не доспорив, отец пошел домой, а я остался, чтобы убрать все части мотоцикла в гараж.

Пришел домой перемазанный мазутой. Мама немедленно погнала меня мыться, не забыв поинтересоваться итогами экзамена. Четверкой она осталась недовольна, но особо не выступала. К вечеру мне снова поплохело и я завалился спать в девять часов.

Прошло три дня. Сегодня у нас экзамен по английскому языку. Мы сидим с Вовкой за одним столом. Друг весь в мандраже. Перевод текста я ему уже написал. Но с билетом ему не повезло, по нашему плану на билете с рассказом о Роккуэле Кенте, должны были поставить точку. Но видимо,

не только мы были такие умные, поэтому точки стояли на нескольких билетах. Вовка не угадал, ему попался рассказ о Лондоне. И сейчас он был весь в трансе.

Я толкнул его и он, как зомби отправился к столу экзаменаторов, доброжелательно рассматривающих первого красавца класса.

Отдав им написанный корявым почерком перевод, Вовка сразу начал рассказывать вызубренные слова об американском прогрессивном художнике.

-Вова, погоди! - воскликнула наша учительница Белла Марковна. - У тебя же в билете другая тема стоит.

Третьяков вздохнул.

-Простите, Белла Марковна, я не знаю этой темы.

Экзаменаторы переглянулись.

-Хорошо, Володя, можешь взять другой билет, - предложила учительница.

Вовка взял другой билет, глянул в него, положил на стол и снова начал рассказ о Роккуэле Кенте.

-Вова, остановись, ты же снова рассказываешь о Кенте, - воскликнула Тамара Петровна, вторая англичанка.

-Скажи, пожалуйста, какие темы ты знаешь?

Вовка, вперив взгляд в пол, сообщил:

-Я знаю Роккуэл Кент.

-Хорошо, Вова, расскажи нам о Кенте,- с тяжким вздохом сказала Белла Марковна.

Получив свою тройку, потный Вовка выскочил в коридор. А я пошел к столу получать свою заслуженную пятерку.

Экзаменационная эпопея закончилась для меня благополучно. Даже лучше, чем в первый раз. Это была приятная неожиданность. Я вновь писал сочинение по роману Горького "Мать". Но если тогда получил за него тройбан, то сейчас целую четверку. По-видимому, орфография с синтаксисом у меня слегка улучшились за прошедшие пятьдесят лет, хотя не так хорошо, как бы хотелось.

Сейчас я с тревогой ждал намечающегося неприятного разговора с родителями.

Мама уже не один раз подкатывала ко мне с вопросом, не определился ли я с выбором факультета. Я, как мог, увиливал от конкретного ответа, но после того, как нам выдали аттестаты, все же решился. После очередного маминого закидона я сообщил:

-Знаете родители, я подумал и решил, что не буду пока получать

высшее образование.

Видимо, момент выбрал не очень удачный. Из маминых рук выскоцнула тарелка и ударившись о пол разлетелась на мелкие осколки.

-Саша! - трагическим шепотом сказала она. - Мне послышалось, ты действительно не пойдешь учиться?

-Вот, ты ж, сукин сын! - с чувством выругался батя.

И тут мама дала нам жару! Она молотила языком минут десять, не давая нам вставить ни слова. После чего возопила:

-Ну, чего же вы молчите! Юра, скажи хоть ты своему балбесу, какой он балбес!

-Действительно, - пробурчал батя. - Как-то неожиданно услышать такие заявы, ты, куда работать то пойдешь?

Я собрался с духом и заявил:

-Пойду работать учеником бармена в ресторан.

Наступила тишина.

Через минуту на кухне раздался плачущий мамин голос.

-Боже мой! Мой сын будет работать халдеем в кабаке. Какой позор! Нет, лучше умереть! Я же сгорю со стыда на работе.

В этот мне момент мне вспомнилось, как через двадцать с чем-то лет мама радовалась знакомству с тетей Ниной, раздатчицей в ближайшей столовой и как униженно благодарила ее за полкило вареной колбасы, или несколько сосисок. К сожалению, поделиться такими воспоминаниями с родителями было невозможно.

Вечер у нас прошел в беспрестанных наездах на меня. В конце концов, убедившись в бессмысленности уговоров, мама от меня отстала.

Напилась валерьянки и уселась смотреть телевизор, заявив напоследок:

-Как только пойдешь на работу, ни копейки от нас не жди. Сколько будешь давать за питание и квартиру, я подсчитаю. На остальные живи, как можешь. Понял?

В ответ я молча кивнул. Говорить в ответ не рискнул, боясь, что маман продолжит нравоучения.

За пару дней до выпускного вечера я отправился в школу за характеристикой. Наша классная руководительница, как обычно сидела в лаборантской комнате и что-то писала. В открытую настежь окно задувал теплый ветерок.

Увидев меня, она приветливо улыбнулась и сказала, что я вовремя зашел, еще пять минут и ее бы уже не застал.

-Галина Васильевна, не могли бы вы написать на меня

характеристику? - спросил я.

-Конечно, напишу, - сообщила она и уточнила, - В какой институт пишем?

-Кхм, - откашлялся я, - Галина Васильевна, мне нужна характеристика в трест кафе и столовых.

На лице учительницы физики вмиг нарисовалось выражение точь в точь, как мамино.

-Сапаров! - строгим тоном воскликнула она. - Что происходит. Какой еще там трест столовых! Ты что задумал?

-Ничего особенного,- ответил я. - Пойду на работу в ресторан.

-Галина Васильевна схватилась за голову и застонала.

-Оооо, ты меня убил! Саша разве можно так издеваться надо мной. Скажи, что ты пошупил?

-Да, ничего я шутил,- довольно громко ответил я, меня уже начало слегка потряхивать. - Буду работать, затем поступлю на заочный факультет в институт советской торговли.

-Ты же думал о научной карьере, хотел стать физиком-ядерщиком, - напомнила учительница.

Я улыбнулся.

-Галина Васильевна, не всем же быть ядерщиками. Кому-то надо дворником работать, ассенизатором. Не вы ли когда-то говорили, что в нашей стране все профессии почетны.

Учительница кисло улыбнулась и, достав авторучку, начала писать характеристику своим округлым почерком.

Написав, она протянула листок мне.

-Держи, я надеюсь, что твой бзик быстро пройдет, ты осознаешь свою ошибку и, очень желаю, чтобы у тебя хватило времени ее исправить, до призыва в армию.

-Не забудь поставить печать в канцелярии, - добавила она наставительно.

К счастью, наша канцеляристка не удосужилась прочитать характеристику, а достав печать из ящика стола шлепнула ее на подпись Галины Васильевны, так что мне повезло обойтись еще без одной порции нравоучений.

Заверив копию аттестата в нотариальной конторе, я вновь отправился в шашлычную "Кавказ".

Она была уже открыта, уже метров за пятьдесят от ее дверей ощущался запах специй и жареного мяса. Я с утра не ел, и у меня потекли слюнки от этих ароматов.

Знакомой дорогой я прошел к кабинету заведующей. Сегодня в коридоре было светло, туда сюда ходили официанты, повара, создавая рабочую атмосферу.

Неожиданно на меня наткнулся уже известный мне грузин.

-О! Гамарджоба - воскликнул он. - Малчик ты вовремя пришел. Пошли я тэбя накормлю настоящим грузинским шашлыком от Гиви Хорбаладзе. Повэрь, ты и твой уважаемый атэц, такого никогда не пробовалы.

-Гмадлобт, генацвале Гиви, - ответил я. - Не могу. К сожалению, у меня нет денег.

-Какие такие деньги! - возмутился Хорбаладзе, - бэсплатно кушать будешь, пока я тут шеф-повар.

Он ухватил меня за руку и потащил через варочный цех в крохотную подсобку, в которой уместился небольшой столик и пара стульев.

Усадив меня на стул, он побежал к огромному мангалу, стоявшему под вытяжным колпаком.

Притащив шампур полный мяса, он ловко снял его в тарелку. Затем, подмигнув вытащил откуда-то баночку с бурой массой.

Бережно положил две ложки в тарелку и сказал:

-Папробуй ткэмали, Такой в Аджарии только моя мама делает. У вас тут такого нигдэ нэт. Ты кушай, а я сейчас запить принесу

Он вышел из подсобки и вскоре вернулся с запыленной бутылкой. На замусоленной этикетке виднелись грузинские буквы.

-Гиви, ты зачем парня спаиваешь, - громко вопросила подошедшая Наталья Петровна. Ее массивная фигура занял весь дверной проем.

-Наташа, да разве этим можно споить. Это рислинг с нашего виноградника. Я его с детства вмэсто воды пил,- ответил Хорбаладзе и погладил женщину по круглому плечу.

-Ну, хватит, Гиви, - притворно возмутилась женщина и обратилась ко мне:

-Саша, теперь уж доедай все, что тебе наложил этот щедрый грузин, потом пройди ко мне.

-Хорошо, Наталья Петровна, - промямлил я, жуя очередной кусок мяса, политый аджикой. В голове крутилась единственная мысль:

-Это я хорошо зашел. Пока Гиви тут работает, у меня всегда будет шанс поесть такую вкуснятину.

Сожрав за пару минут полную тарелку барабанины, я вытер руки и прошел в кабинет директора. Две симпатичные официантки в это время внимательно разглядывали меня.

Наталья Петровна тщательно прочитала характеристику, ознакомилась

с аттестатом, недоуменно пожала плечами и сказала.

-Не понимаю, если бы моя Верка с такими оценками школу закончила, я бы от счастья рыдала. Чего учиться не пошел? Твои родители хоть в курсе, куда ты устраиваешься на работу?

-Знают. - недовольно буркнул я.

-Ладно, - вздохнула женщина. - Садись, пиши заявление о приеме на работу с первого июля учеником бармена. Я завизирую, если хочешь сам отнеси в трест, не хочешь, я через денек другой с документами отправлю.

- Да, чуть не забыла. Будешь получать учеником пятьдесят рублей. Считай месяц у тебя испытательный срок. Если зарекомендуешь себя хорошо, начнешь работать уже на основной ставке и получать восемьдесят рублей. И готовься стать комсоргом. У нас работает шесть комсомольцев. Они все семейные люди, у них дети. Так, что флаг тебе в руки. Тем более, что, судя по характеристике, ты два года был неплохим комсоргом класса.

-Вот блин! - ахнул я про себя. - Ну, Галина Васильевна, удружила, нечего сказать. И что теперь делать? Совсем этот комсомол из головы вылетел.

- Наталья Петровна почему вы попросили написать заявление с первого июля, а не с сегодняшнего числа? - решил проверить я свои предположения.

Директорша явно не ожидала такого вопроса и ответила с заминкой.

-Ну, чтобы у тебя было время подумать, и вообще...

-Понятно, - улыбнулся я. - Считает, что я просто вздорный парень и стремление работать барменом мой каприз, недаром про пятьдесят рублей напомнила.

Нет, дорогая, решение я не изменю. С другой стороны даже неплохо что работать начну через неделю. Можно спокойно сходить на выпускной вечер, выгулять маму, а то всерьез обидится. А главное схожу в поход. Ведь сколько лет прошло, а все жалею, что дело с Нинкой Гоголевой до конца не довел. Полночи ее тискал в палатке. Девушка уже "поплыла", сама ножки раздвинула, а я зассал последствий и сбежал. Нет, в этот раз доведу все до победного конца, тем более, что сейчас вполне представляю, как избежать "последствий"

С такими нехорошими мыслями я покинул кабинет директора.

Следующие два дня мама была озабочена тем, что она наденет на выпускной вечер. Батя даже ей несколько раз напомнил, что выпускной вечер у меня. Но это не особо помогло. Зато я одеждой не заморачивался. В этом вопросе пожилое сознание победило.

- Мама не волнуйся, все нормально. пойду в клешах и джемпере,

обойдусь без костюма, - сообщил я маме. Та поморщилась, но ничего не сказала. Мои брюки расклешенные на двадцать девять сантиметров, были подшиты молниями. В прошлом году я даже вшил в них колокольчики.

Но, готовясь к вечеру, все же их отпорол. После чего мама облегченно вздохнула. Видела бы она клеш Славки Свищунова, у того в штанины были вшиты лампочки, горевшие оранжевым цветом, а в кармане лежала батарейка, он вроде бы собирался в этих брюках появиться на вечер.

Утром первого июля я вышел из дома несколько взбудораженный. Этот день был особый, он знаменовал новый поворот в моей жизни. Конечно, было немало соблазнов, пойти по старому пути, стараясь избежать ошибок, сопровождавших его. Но к чему это? При знании будущего и жизненном опыте, я надеялся прожить вторую жизнь с большей пользой для себя лично. Мне хотелось просто жить, наслаждаться благами мира, а не сражаться с ветряными мельницами, борясь за чьи-то интересы.

Для начала, годик до армии поработаю барменом, а там будет видно чем заняться. Может, в МГИМО поступлю. Конечно, можно бы и уйти за рубеж, но жалко родителей. Им после этого не позавидуешь. Маму точно из КБ погонят, да и батя может работы лишиться. Нет, заграницу пока отложим.

На автобусной остановке я присел на скамейку. Ноги после вчерашнего восемнадцатикилометрового марша еще гудели.

- Отличный поход получился,- вспомнил я прошедшие дни. В поход нас ушло всего двенадцать человек. Шесть парней и шесть девчонок. Ну, почти, как в прошлой жизни. Поэтому я не был удивлен малым количеством желающих побывать вместе еще пару дней.

На берегу лесного озера мы быстро поставили несколько палаток и приступили к готовке. Пятнадцать бутылок вина ждали своей очереди на распитие.

Девчонки толпились у костра, а мы, усевшись на берегу, обсуждали, кто из девочек нам сегодня даст.

Я особого участия в диспуте не принимал, зная его итоги. Зато остальные бурно обсуждали этот вопрос и пришли к простому выводу - никто не даст.

Однако Юрка Пятеляев вскоре обнаружил, что бутылки с вином исчезли и все переключились на новую тему. Из терок с девчонками выяснилось, что вино спрятали они, боясь за свою девственность. Якобы мы напьемся и будем к ним приставать.

К ужину они, однако, расщедрились и выделили несколько бутылок на сегодняшний вечер.

Мы сидели у костра, пели песни, говорили о будущем. Пытались заигрывать с девочками.

Часам к одиннадцати на биваке появился Сережка Савельев, ушедший немногим раньше осмотреть берег.

Он подходил то к одному, то к другому парню и что-то шептал на ухо.

Я мысленно засмеялся, все шло, как когда-то.

Подойдя ко мне, Сережка возбужденно зашептал:

-Слушай, Сашка, тут метрах в двухстах, палатка, там две девки ночуют. Блядищи! Клеймо некуда ставить. Я уже вы..б одну. Когда девчонки лягут спать, пойдем туда. Наши все равно не дадут.

-Я вздохнул про себя.

Сильно правильным мальчиком был в первой жизни. Поэтому предпочел полночи щупать Гоголеву и страдать от ломящей боли в паху, чем пойти и банально трахнуть, ждущую именно этого, женщину.

Хотя, подумав, понял, что таким брезгливым и остаюсь и сейчас, и меня нисколько не тянет к девушке только, что имевшей секс с другим парнем.

Зато стало окончательно ясно, что я этой ночью останусь в пустой палатке с Ниной Гоголевой. От одной мысли об этом перехватило дух.

-Спокойней, - говорил я сам себе.- Это просто не дают покоя гормоны, но ты же можешь их держать в узде.

Парни такими комплексами не страдали и около часу ночи свалили все как один.

К моему величайшему удивлению Нина оказалась не девушкой, и с большим удовольствием ответила на мои порывы. Да так, что иногда пришлось ей закрывать рот, чтобы не проснулись девочки в соседней палатке.

-Вот придурок!- думал я о себе в течение следующего дня. - Это же надо было тогда всю ночь ползать по девчонке и не догадаться, чего она хочет. Черт! Даже сейчас стыдно. Ладно, хоть в эту ночь не оплошал.

Воспоминания оборвались благодаря подошедшему автобусу. Я ловким, отработанным маневром оказался у задних дверей, и набежавшая толпа сама внесла меня вовнутрь. Сжатый со всех сторон людьми, я, тем не менее, сумел освободить руку с зажатым в кулаке пятаком и передать его за билет.

После нескольких остановок в автобусе стало свободней и я начал пробираться к выходу, поглядывая на часы.

Когда зашел в кабинет Натальи Петровны, та заметно расслабилась.

-Ну, слава Богу, появился, - сказала она с облегчением.

-А что так? - поинтересовался я.

-Да, Генка Виноградов на работу не вышел, - зло ответила директорша.

- Наверно ему опять нос расквасили, боксеру хренову.

-А что он здесь уже работает? -поинтересовался я. Генку я знал. Боксеры занимались в Доме физкультуры вместе с нами борцами-вольниками. За те три года, что я занимался, мы все перезнакомились. Гена был старше меня года на три-четыре, и очень гордился, что работает барменом в ресторане Северный. В прошлой жизни именно его рассказы заставили меня думать о такой работе. Но мне казалось, что он перешел в шашлычную гораздо позднее.

-Да, вот, взяла на свою голову, - сообщила Наталья Петровна. - Надеюсь, ты боксом не занимаешься?

-Не занимаюсь - честно ответил я, тронув заныvший бок со сломанными на соревнованиях в прошлом году ребрами

Ведь надеялась, что он тебя немного поднатаскает в этом деле, - пожаловалась женщина. - Пришлось Лену Сафонову за стойку поставить. Сегодня ей будешь помогать, она тоже не Копенгаген в этой работе, и попробуйте не справиться!

Тут она нахмурилась, окинув меня взглядом.

-Саша, ты что, собираешься в таком виде работать?

Я улыбнулся.

-Ну, что вы, Наталья Петровна. Конечно, нет.

Открыв портфель, принесенный с собой вынул оттуда отцовский костюм черного цвета, атласную манишку, белую рубашку и галстук-бабочку .Костюм, правда был мне немного маловат, но другого пока не было.

-Надеюсь, у вас утюг имеется,- спросил я у женщины, смотревшей с открытым ртом на мои манипуляции.

-Да конечно, иди в подсобку, девочки тебе погладят,- прия в себя, сообщила та.

Перекинув костюм через руку, я отправился вместе Натальей Петровной в подсобку.

Две, развалившиеся на стульях девицы, увидев нас, моментально затушили сигареты и вскочили.

-Я вас сколько раз, мать вашу, предупреждала, не курите здесь! - заорала директорша, наливаясь краской. И вообще вы в зале должны быть!

-Простите, Наталья Петровна, пискнула кучерявая пышка с выпирающими буферами. - Но клиентов пока нет, мы тетю Настю попросили предупредить, если, кто появится. И Ленка в баре за стойкой

возится.

-Смотрите, в последний раз предупреждаю, уволю на хрен, вам сто раз сказано, где можно курить, штрафы пожарникам за вас платить не собираюсь. - буркнула директорша.

-Этот молодой человек будет у нас работать учеником бармена. Зовут его Александр Сапаров. Познакомитесь в процессе работы. - Наталья Петровна повернулась к толстушке. - Бахирева, поручаю погладить ему костюм. А ты, Зоя, пока введи его в курс дела. Саша, если что непонятно, спрашивай, не стесняйся. Потом зайдешь ко мне, распишешься в журнале инструктажа и технике безопасности

Сказав все это, Наталья Петровна посчитала свою миссию выполненной, и отправилась к себе.

-А ты, ничего, симпатичный. Говорят, Петровна тебя комсоргом хочет сделать. Ей в тресте уже все мозги выели по этому поводу, якобы комсомольская организация не работает, - выпалила одним духом Бахирева, почти упервшись в меня своими формами. - Ну, давай сюда костюмчик. Где, интересно ты такое старье выкопал?

-Вполне нормальный костюм, - отозвался я, - всего то ему три года.

И тут же подумал, что еще ограбу от мамы за костюм по полной программе, когда та обнаружит его отсутствие в гардеробе.

-Кстати, тебя как зовут?

-Меня звать не надо, - сообщила пышка. - К кому мне хочется, я сама прихожу. А вообще, я - Зина.

Девушка прижалась ко мне мягкой грудью, видимо, проверяя реакцию. Но я только ехидно улыбнулся. Она слегка смутилась и, выхватив костюм из рук, направилась к столику, со стоящим на нем утюгом.

Вторая официантка, Зоя, предложила:

-Пойдем, пока посетителей нет, я тебе все здесь покажу, познакомлю со всеми работниками. Что с Гиви Амвросиевичем ты уже знаком, я видела.

Все же она тоже не удержалась от любопытства.

-Ты, правда, к нам после десятого класса пришел?

-Ну, да.- коротко ответил я

Видимо девушке хотелось спросить еще что-то, но мой ответ этому не способствовал.

И мы начали свою экскурсию.

В варочном цехе я увидел Гиви, но тот на этот раз был занят, мариновал гору мяса, поэтому только приветственно махнул рукой, да вытерев пот со лба, пригласил зайти после обеда.

Тетя Настя оказалась въедливой старушонкой гардеробщицей,

вознамерившейся узнать про меня все, вплоть до родни до седьмого колена. Еле удалось от нее отвязаться.

Когда же увидел Ленку Сафонову, протирающую барную стойку, то понял, что пропал.

Высокая, с меня ростом, натуральная блондинка с голубыми глазами страдальчески вытирала барную стойку. Меня буквально затрясло от желания помочь ей, натереть стойку до зеркального блеска.

Только ехидный взгляд Зои слегка привел мои чувства в норму..

-Вот это харизма! - восхищенно подумал я. - Что такая девушка тут делает, и почему я ничего не знаю о ней из прошлой жизни? Вроде заходил в шашлычную не один раз, а ее никогда не видел.

И тут меня осенило.

-А о бабочке Брэдбери ты слыхал, мудак! Конечно, президент в Америке пока тот же. Но, конкретно в этой шашлычной все идет по-другому с того момента, как ты здесь появился.

Я вышел из ступора и зашел в бар оформленный гранитом под пещеру. Помещение было небольшим, в нем стояло пять массивных деревянных столиков с креслами и несколько высоких стульев рядом со стойкой. На полках разнообразия не присутствовало. Бутылки Столичной водки перемежались коньяком и грузинскими винами. Апельсиновый и мятный ликер заканчивали ассортимент напитков. А вот венгерская кофемашина, сразу заметно, была совсем новая. Но не работала. Сбоку на столике лежал потасканный магнитофон Язу, в котором крутилась катушка ацетатной пленки. Из магнитофона доносились невнятный голос Ларисы Мондрус, пела она Тум балалайку.

Меня от увиденного передернуло.

-Ужас, и это только, что открытый бар! -подумал я. -Да еще в столичном городе!

Через секунду я допер, что таким бар кажется только для меня. Для неискусшенного советского человека шестидесятых годов, здесь очень уютно, и даже роскошно.

Пока оглядывал свое рабочее место, Зоя подошла к Лене и они тихо болтали, иногда пересмеивались, поглядывая на меня.

-Чем займемся? - прервал я вопросом их увлекательную беседу.

-Отложив тряпку, Лена вздохнула, тонкая материя платья обрисовала грудь идеальной формы, и у меня язык прилип к заднице. Слов не было, от слова совсем, и встало все, что могло встать. Хорошо, что в моих широких брюках было много места.

Мое внимание к грудной клетке Лены не осталось незамеченным.

Девчата переглянулись.

-Ну, я вас оставляю, - сообщила Зоя. - Вы тут без меня сами разберетесь. Народ стал появляться, работать надо.

Когда мы остались вдвоем, я не сразу пришел в себя, собираясь с мыслями.

-Старый козел, не можешь справиться с эмоциями, - мысленно ругал я себя. - Увидел симпатичную девушку и растаял.

Однако подсознательно понимал, дело в другом. Симпатичных девиц я встречал и до этого. Но сейчас меня, как кувалдой стукнули по голове. Возможно, мне неожиданно встретилась половинка, предназначенная судьбой. И оставалось только надеяться, что у этой половинки возникнут такие же чувства ко мне.

Все же я сумел собраться, моя растерянность продолжалась недолго.

Поздоровавшись, я начал обсуждать с девушкой, как мы будем работать, пока не появится Гена Виноградов.

В это время в кабинет Натальи Петровны зашла официантка Зоя.

-Ну, как тебе мальчишка? - сразу спросила директорша.

-Вроде хороший паренек, спокойный, явно не хулиганистый,- сообщила Зоя. - Представляете, запал на Ленку с первого взгляда, уставился на нее, как баран. Конечно, на нее многие внимание обращают, но чтобы вот так, осталбенело встать и пялиться, никогда не видела.

-Да, что он видел, этот паренек, - усмехнувшись, заметила Наталья Петровна. - Девчонок в классе и больше никого. А тут такая краля. Эх, где мои семнадцать лет. - грустно вздохнула она.

-Ой, Наталья Петровна, не надо ля-ля, - фамильярно заметила Зоя. - Гиви Амвросиевич, мужчина в самом соку, от вас не отходит.

-Знать бы еще, почему он от меня не отходит,- задумчиво пробормотала директор себе под нос, когда Зоя покинула кабинет, обслужить появившихся посетителей.

-А с Ленкой, я наверно ошибку сделала, не надо было сегодня к ней парня на помощь посыпать, как бы Валера Тараканов вечером здесь скандал не затеял - подумала она. - Жаль, что вышибалы до сих пор у нас нет. Не дай бог, Таракан приревнует, опять милицию придется вызывать. А потом на шару этих мусоров поить.

Но дальше размышлений дело у директорши не пошло. Как обычно, понадеялась она на русский авось.

Во второй половине дня поток посетителей, желающих приобщиться к кавказской кухне, увеличился. В баре тоже потихоньку прибавлялся народ. За столиками курили все, дым волнами поднимался к потолку. Жужжавший

в форточке вентилятор создавал только шум, пользы от него особо не было.

Мне это жутко не нравилось, но глупых вопросов о вентиляторе я не задавал. Насколько я понял, Гена Виноградов не задумывался о своем здоровье, хотя сам тоже не курил и к тому же пока еще тренировался.

И вообще, после изучения меню и калькуляции коктейлей, я понял, что никому до бара дела не было и сейчас он представляет собой "золотое дно", стоит только приложить к нему руки. Первым делом я включил в сеть кофемашину, ей не пользовались с открытия, ожидая мастера. Но что такое кофеварка шестидесятых годов, для продвинутого пользователя вроде меня. А вот зерновой кофе был великолепным, арабским Мокко. Когда по бару разнесся его аромат, у стойки сразу нарисовалась небольшая очередь.

Если бы не я, Сафонова сегодня точно оказалась в пролете. Мне оставалось только ржать про себя, когда увидел, как она наливает водку в мерный стаканчик ровно по черточке, соответственно калькуляции и составу коктейля. А потом дрожащей рукой добавляет пару кусочков льда, льда ей, видите ли, жалко! Ха, Ха!

Для меня, хоть я до этого и не работал в торговле, было ясно, что такая дотошность приведет к тому, что вечером при внутренней ревизии у нее получится приличная недостача, которую придется возмещать из своего кармана, или разбавлять коньяк водкой, а водку водой, чтобы не платить самому. Но такой зубр, как Наталья Петровна просечет эту комбинацию на раз-два. А уж о дополнительных доходах можно даже не мечтать.

Поэтому пришлось встать за стойку самому и заняться приготовлением коктейлей. О насадках на бутылки здесь никто не знал, поэтому разливать напитки приходилось осторожно.

-Блин! Первым делом, надо где-то насадки раздобыть, -думал я. - Потом вентилятор нормальный потолочный. И с музыкой, что-то решать. Скорее заменить этого монстра. Потом пластинки, ленту магнитофонную нормальную, лавсановую прикупить. Черт, наверно, придется ехать в Питер.

После четырех часов, двери шашлычной были закрыты, и в них выставлена табличка "Мест нет". У дверей сидела баба Настя и сразу закрывала двери за выходящими людьми. Для шестидесятых годов, да для следующих двадцати это было в порядке вещей. Хочешь в ресторан, заказывай место заранее, иначе будет стоять часами у дверей, в надежде, что освободится пара мест.

-У нас, что, нет вышибалы? - между делом успел удивиться я. - Вечером же тут полный бардак будет.

Но тут меня отвлекла от работы Наталья Петровна, подойдя, она

сделала смущенное лицо и сказала:

-Саша, тут такое дело, тебе нет восемнадцати лет, и на сегодня ты уже отработал. Но у меня будет большая просьба, поработай, пожалуйста, до закрытия. Я уже поняла, что Лена не справится.

-Она хитро улыбнулась и подмигнула мне.

-Однако! Директорша у нас ушлая баба, моментом фишку просекла, - подумал я. - Когда только успела заметить мою работу, вроде в баре не появлялась.

-Без проблем, Наталья Петровна, - бодро ответил я. - Я тут подумал о некоторых изменениях в работе, хотелось бы завтра с вами о них поговорить.

-Конечно, Сашуль, обязательно поговорим, признаться, ты меня сегодня поразил. Ты точно нигде не стажировался до этого момента? - поинтересовалась она.

После того, как я заверил ее, что сегодняшний день для меня первый в такой роли, директорша, недоуменно пожав плечами, удалилась, не забыв сообщить, что после закрытия, мы были готовы по быстрому отчитаться за сегодняшний день.

Все шло неплохо, пока около семи вечера во входные двери начали громко стучать.

Вскоре они открылись, и до меня донесся голос бабы Насти.

-Ой, Валера, здравствуй, соколик. Леночку решил навестить? Ну, проходи, проходи, она сегодня в баре работает с мальчиком новеньkim.

-Каким еще на хер мальчиком! - прозвучал в вестибюле пьяный голос.

- Я б... п....покажу б... всяким уе-ам, куда они должны пойти.

Сразу после этого спича в бар ворвался крепко сбитый, плечистый парень.

-Это ты пацанчик к моей бабе клеишься,- с порога заорал он.

Ленка, сбиравшая посуду на поднос, поставила его на столик и пошла навстречу своему хахалю.

-Валер, ну, перестань, это же просто работа, нас Наталья Петровна сюда отправила.

Однако парень не успокаивался. Отстранив девушку, он продолжил свои угрозы.

-Ты, шнурок! Слушай сюда. Весь город знает, что я проспект Ленина держу, а ты дермо сраное у меня девку уводишь!

Тут в бар зашли двое его друзей и стали успокаивать. Говорили они громко, не обращая внимания на окружающих.

-Таракан, перестань, сейчас Авдеева мусоровоз вызовет. Опять вечер

пропадет. Пошли лучше посидим, а этому утырку после одиннадцати рыло начистим.

Они все-таки увели своего приятеля и уселись в общем зале. И пока не очень шумели.

Бледная Ленка предложила мне уйти, от греха домой и не нарываться на неприятности.

Я действительно подумывал так и сделать. Но потом решил кое-куда позвонить. Звонил я из кабинета Натальи Петровны, заодно уточнил у нее, не нужен ли нам вышибала.

Та, сначала не поняла, но, послушав разговор, даже решила остаться и посмотреть на моего кандидата.

Ближе к девяти часам в дверь черного хода уверенно постучали. Я стоял за стойкой, когда ко мне прибежала взволнованная директорша.

-Саша, ты кого пригласил! Там же бандюга настоящий стоит. Горилла! Я помню, как-то раз с ним в автобусе ехала. Так все там дрожали от страха.

Поняв, про кого она говорит, улыбнулся.

-Наталья Петровна, не переживайте, это наш будущий вышибала.

Пройдя к задним дверям, я уверенно открыл запор. Директорша, благоразумно, спряталась за мной, когда в двери шагнул гигант, похожий на юного Валуева. Его лицо пересекал уродливый шрам, а уши были в старых переломах. За ним зашел еще один здоровяк, на голову ниже, но в плечах почти такой же.

По моему Наталья Петровна была близка к обмороку.

Тут гигант добродушно прогудел:

-Санек, ты, действительно, тут работаешь? А то я шел и все сомневался, может, кто-то так надо мной пошутил? А где Геныч? Он сегодня не работает?

Это был наш супертяжеловес, борец классик Вова Сякин. Абсолютно бессталанный, добродушный увалень. Наш тренер большей частью возил его на соревнования для морального подавления соперников, что часто удавалось. Увидев такого громилу, многие теряли самообладание.

Звонком мне посчастливилось его застать на тренировке. Когда я кинул взгляд на его спутника, мастера спорта по вольной борьбе Рифата Зиганшина, Сякин развел руками.

-Понимаш, Риф слышал наш разговор и увязался за мной, он тоже не прочь подработать вышибалой. Ты уж прости меня, балбеса. Мы еле-еле у Лебедева отпросились. Сам знаешь, он с тренировок никого не отпускает, мы отговорились, что тебе помочь нужна.

Наталья Петровна, слушая наш разговор, расцветала на глазах.

-Мужчины, вы, действительно согласны работать у нас? - спросила она, придя в себя.

Рифат задумчиво почесал лысеющий затылок.

-Это, дамочка, будет зависеть от зарплаты..

Ну, товарищи, - уже бодро продолжила она, обретя уверенность, что ее никто не собирается убивать, или насиливать. - Вы сможете работать через день, ужинать за символическую оплату, а насчет заработной платы, я подумаю, из каких ставок буду ее платить. Сами понимаете, официально вы будете совсем не вышибалами. Так, что прошу вас подойти завтра в удобное для вас время

Когда мы остались втроем, Вова спросил:

-А сейчас, что от нас требуется?

-Да ничего особенного, тут парнишки совсем края потеряли. Надо их в себя привести.

Сякин ухмыльнулся.

-Интересно сказанул, края потеряли. Никогда не слышал. Ну, пошли. Найдем им края и все остальное.

Когда в зал из дверей зашел хмурый Вова Сякин и, остановившись, обвел взглядом сидевших в нем посетителей, все разговоры разом оборвались.

Вова, аккуратно отодвинув люстру в сторону, прошел в зал, цепляя потолок бритой макушкой, и гулким басом спросил:

-Санек, так, кто тут шумел?

Те, на кого падал взгляд его, изуродованного шрамом лица, быстро опускали головы, надеясь, что шумел кто-то другой.

Я кивнул на троих парней, сидевших за крайним столиком.

В это время в зал зашел Зиганшин, габариты у него были не Сякинские, но тоже будь здоров.

Они оба уселись за указанный мною стол, зажав Тараканова с двух сторон.

-Ты вообще понял, придурок, на кого наехал? - ласково спросил Зиганшин.

-А чо, я вроде никого не трогал, и вообще спортсменов не касаюсь, - заюлил сразу протрезвевший Валера. Он моментом понял, кто с ним сейчас разговаривает.

Сякин нахмурился и даже мне, знающему его, как облупленного, реально стало страшно.

-Тогда чего ты моему товарищу по сборной, всякую х ..ню нес, деръемом обозвал. За слова отвечать полагается. - Прорычал он.

Как троица не обделалась прямо за столом, не представляю. Но сидели они тихо- тихо. Сидевшие за соседними столиками мужики быстро свалили покурить. Случайно получить по голове никто не желал.

Приятели Тараканова тоже навострили лыжи, но я вовремя успел скомандовать:

-Сидеть!

Парни рухнули обратно на скамейку.

-Так, мы, того, не знали, что он боксер, - пытался оправдаться Тараканов

-Не боксер, а борец, призер чемпионата республики, между прочим, - поправил его Зиганшин. - Ты ему, гнида подзaborная, только на один удар, понял? Нашел на кого прыгать.

Он повернулся ко мне:

-Санек, нам этих мудил бить западло, от них уже попахивает. Они, помоему, все поняли, и больше так не будут. Ведь не будете?

Троица единогласно закивала.

-Не будем, не будем.

-Ну и отлично, - воскликнул Рифат, - А сейчас валите отсюда, и учтите, что с завтрашнего дня мы тут стоим на дверях.

Парни, счастливые тем, что им не досталось люлей, вскочили и хотели забрать бутылку водки со стола.

-Со стола ничего не брать, - тихо сказал Зиганшин. Бросая ненавидящие взгляды на нас, троица скрылась в дверях.

Когда они исчезли, Рифат также тихо сказал мне:

-Забирай водяру в свой бар. Сам знаешь нам нельзя. Анатолий Владимирович узнает, нам пи... ц. А вот шашлычка мы бы с удовольствием отведали, ты как, Вова, не против?

-Не против, - пробурчал вечно голодный Сякин. Недаром ему на сборы выдавали двойное количество талонов.

Оставив их за поеданием шашлыков, принесенных улыбчивой Зиной, я вернулся за стойку.

Лена, с красными от слез глазами, насыпала кофе в кофеварку. Увидев меня, она шмыгнула носом и, прижавшись ко мне, снова заревела, обливая слезами мою манишку.

Посетители сидевшие у стойки с любопытством наблюдали эту сцену.

Я неловко погладил девушку по голове.

-Леночка, перестань, никто твоего Валеру не тронул, - попытался ее успокоить.

-А лучше бы тронули! - вскликнула Сафонова. - Он ко мне уже дней

десять пристает, прямо с открытия. Каждый вечер приходит. Ужас, как надоел! Наталья Петровна два раза милицию вызывала. Так он на следующий вечер, как штык, снова здесь. Откуда только деньги берет. Хотела заявление на него написать, так участковый сказал:

- Елена Сергеевна, такое заявление принять не могу, вот если бы он вам угрожал, или, скажем, ударил, тогда мы бы дело завели. А он просто тебе симпатию свою высказывает. Не можем же мы человека арестовывать за то, что в любви признается.

Тут она зло добавила:

- А мне его любовь до фонаря. Конечно, если Валерка так бы к дочери участкового приставал, тот его точно посадил, а я же не его дочка.

Я понял, что излияния могут длиться долго и, хотя мне было приятно чувствовать прижавшуюся ко мне высокую девичью грудь, я отправил девушку в бытовку, привести себя в порядок.

Оба моих приятеля быстро расправились с шашлыками и засобирались домой. Но перед этим зашли попрощаться.

Зиганшин, подавая руку, сообщил:

- Знаешь, Санек, а ты здорово изменился. Я тебя видел последний раз в начале июня, когда ты с Лебедевым разговаривал, пацан, пацаном. Месяц всего прошел, ухватки мужика настоящего появились. Откуда, что взялось?

- Точно, - авторитетно подтвердил Сякин. - до нас с Рифатом никак не доходит, как ты ловко всех развел. В драку сам не полез, сообразил нас вызвать, и повернул так дело, что все довольны, кроме твоего Таракана. Хотя он тоже доволен, по мордам не получил. А уж Лебедев, как будет доволен, пока нас провожал, сто раз повторил, вы там ребята осторожней, посуды не наломайте, а если кого бить придется, то очень легонько, в четверть силы. А я разве так могу?

Сказав длинную для него фразу, Вова засмеялся, показывая свой кулак, размером с голову ребенка.

По правде, мне было приятно слышать эти слова. Парни ни на мгновенье не усомнились в том, что я вызвал их не из-за того, что испугался хулиганов, а поступил, как взрослый ответственный человек, чтобы решить этот вопрос кардинально. Да еще нашел им неожиданный приработок.

Ребята ушли, оставив меня в задумчивости. Оказывается, изменения в моем поведении для окружающих очень заметны. Недаром на выпускном вечере я пользовался таким успехом у девочек. Благодаря длинному языку Галины Васильевны они все знали, где я буду работать. Надо сказать, у них, моя будущая работа не вызвала такого неприятия, как у взрослых. И мои

акции у них заметно выросли. По крайней мере, все кто меня приглашал на танцы, обещали заходить в бар на "огонек".

Я в это не особо поверил, но все же, отметил для себя.

Время приближалось к одиннадцати, Лена, попудрив носик готовила коктейли запоздалым посетителям, а у меня имелась более ответственная работа. Собрав пустые и полупустые бутылки, я, щелкая косточками счетов, определял, сколько заработали мы для советского государства, а сколько для своего кармана.

По итогам выходило не очень. Рубля по три нам с Леной удалось срубить. Но если еще посчитать практически целую бутылку коньяка и бутылку водки, которые я пушил в дело завтра, то для первого раза у меня все хоккей.

А в том, что клиентура не получает в коктейле десять - пятнадцать грамм водки или коньяка, ничего страшного, побольше льда и все в порядке, или сухим вином заполировать. Главное, товарищи - не наглеть! И не зарываться.

Думаю сегодня, Наталья Петровна ожидает от нас недостачи и приятно удивится ее отсутвию. Надеюсь, что она даже обрадуется. Не придется ей объяснять простодушному комсомольцу, что надо делать, чтобы работать без убытков и с прибылью.

Я рассчитывал, что попаду домой ближе к часу ночи, но оказалось, что для развозки работников имелся транспорт. Потрепанный пазик, подъехал как раз к закрытию. Мы в это время докладывали Зое, о своих достижениях. Наталья Петровна с Гиви Амвросиевичем покинули нас уже в девять вечера. Зоя, как профорг, и опытный работник, видавший виды, быстро проверила мои подсчеты, слегка удивившись отсутвию недостачи. Но ничего не сказала. Засим, все было закрыто, обесточено. После чего мы шустро полезли в автобус. Меня, как живущего на окраине, завезли домой последним.

В квартиру я зашел почти в двенадцать часов. Сразу, как меня "уговорили" поработать до закрытия, я позвонился маме. Поэтому она не сильно беспокоилась. Но все же не спала и сидела на кухне, желая меня накормить.

-Ну, что доволен, - ехидно сказала она, глядя на меня. - Сам себе работу нашел, так, что не жалуйся теперь.

-Да я и не жалуюсь, - был мой ответ. - Кстати ужинать я не буду, боюсь, у меня пузо треснет, так мяса нажрался.

-Ну-ка дыхни, - приказала мама, - я слышала в кабаках трезвыми не работают.

Я дыхнул, и она разочарованно вздохнула.

-Странная ты женщина, - сообщил я маме. - А мне, к примеру, говорили, что в конструкторских бюро тоже керосинят, да еще и интрижки устраивают.

Несмотря на то, что на кухне было темновато, мамины покрасневшие щеки выдали ее раздражение.

-Ты на что намекаешь поганец? - завопила она, забыв, что батя видит десятый сон.

Да ни на что, - пожал я плечами, - в ресторане, между прочим, работают такие же советские люди, у них есть семьи, дети, а ты их скопом в алкаши записала.

-Ого! - воскликнул отец, заходя на кухню. - Сашка политинформацию матери читает.

-А ты чего разоралась? - раздраженно спросил он у жены.- Сын с работы пришел, трезвый, вон бидончик принес, наверно, что-то стырил?

-Ничего я не тырил, а купил.- ответил я.

-Это на какие шиши?- воскликнула мама.

-На свои, на какие еще.

-Хватит вам, - прервал нашу беседу батя, - что там у тебя в бидоне?

-Шашлык, Гиви Амвросиевич мне оставил - буркнул я.

Через минуту мой отец увлеченно ел шашлык прямо из бидона, даже не подогрев.

-Это я вовремя встал, - сообщил он, когда съел половину содержимого.

- Эх, хорошо ара готовит!

-Да не ара он, а грузин, - поправил я

-А какая на хрен разница, - сообщил батя.- у нас все равны, что грузины, что хохлы, даже евреи. Нынче все мы русские.

-Это точно,- подумалось мне,- через пару- тройку лет Леонид Ильич об этом объявит на всю страну. Единый советский народ, понимаешь. И самое смешное, что люди поверят. Хорошо помню, сам искренне верил в эту лапшу. Даже с ушей не стряхивал.

Вот спроси меня сейчас, кто учился в твоем классе, дети каких национальностей? Да мы об этом понятия не имели. Никому до этого дела не было. Прошло всего двадцать три года, и начали увлеченно резать друг друга.

На какой-то момент, в душе возникло желание самому прирезать творца перестройки, пока он еще не в Политбюро. Но тут ход моих мыслей нарушила мама, обратившись к отцу.

-Ты Юра, зря так говоришь. Представляешь, на нашем рынке уже

человек десять грузин торгует. Куда это годится? А через десять лет их там сколько будет?

Я засмеялся.

- Мама, какие же это грузины! Они сейчас слишком хорошо живут, чтобы на нашем рынке торговать. Это горцы из автономных республик, у них там в каждом ущелье своя нация имеется и на своем языке говорит. Вот и едут к нам деньги зарабатывать.

-Ты то откуда так осведомлен? - поинтересовалась мама. - В газетах такого материала не пишут. И, вообще, я гляжу, ты последнее время моду взял с родителями спорить. Иди-ка спать сынок. Завтра рано вставать.

-Ничего не рано,- сообщил я. - Завтра мне к одиннадцати часам нужно подойти, да и то, по комсомольским делам.

-У вас там комсомольская организация имеется? - поинтересовался отец, отодвигая опустевший бидончик.

-Имеется,- вздохнул я. - Перед вами ее будущий комсорг.

-Бедный, - искренне пожалела меня мама, она сама много лет занимала такую должность, и знала все тонкости этой работы, в том числе, как можно сделать человека комсоргом без всяких собраний и заседаний. - Значит, все от стенгазеты до соцобязательств у тебя на шее повиснет.

-Ну, не совсем, все, - попытался бодриться я. -У нас профорг девушка сообразительная, симпатичная.

-А сколько этой симпатичной лет, - сразу заинтересовалась маман.

-Не переживай, намного больше чем мне.

-Все хватит разговоров, - скомандовал батя.- Мне, в отличие от вас, надо на работу к восьми, так что разошлись по кроватям.. Завтра с утра продолжите обсуждение комсомольской работы в отдельно взятом учреждении.

Утром, на всякий случай, отправился на работу раньше. Хоть припрятанные бутылки, вряд ли кто-нибудь смог найти, я переживал, что их все же обнаружат.

Наталья Петровна особо не удивилась моему раннему появлению, и сразу сообщила:

-Очень хорошо, что ты пришел пораньше. Сейчас мы проведем комсомольское собрание.

Не успел я оглянуться, как в кабинете собрались все комсомольцы, включавшие в себя четырех официанток, посудомойку и кладовщицу.

Председательствовала на собрании Зоя Гаранина, мы быстро выбрали секретаря в лице ее напарницы Зины Бахиревой. Через пять минут я был выбран комсоргом, повестка дня была исчерпана, и все хотели разбежаться.

-Нет, дорогие мои, так дело не пойдет, - громко высказался я. - Мы не обговорили несколько важных моментов. И первое это повышенные социалистические обязательства.

В такое тревожное время, когда американские империалисты угрожают существованию нашей страны, мы, комсомольцы, должны своей ударной работой помочь нашей родной Коммунистической партии в деле борьбы мир во всем мире. Мы должны помогать голодающим детям Африки и ее народам борющимся за свое освобождение от ига западных колонизаторов.

Я с удовольствием прикалывался еще несколько минут. Кто бы посмел прервать эти слова? Затем резко оборвал демагогию и, улыбнувшись, сказал.

-Короче, один всю работу волочь не собираюсь. Сейчас выберем редактора стенгазеты, потом в рабочем порядке обсудим с профоргом социалистические обязательства. Те, что висят в коридоре, это пародия просто. Их лучше никому не показывать.

После моего выступления на короткий миг наступила тишина.

-Однако! - громко произнесла директорша, - такой речи, из уст младенца я еще не слышала. Так, товарищи, собрание закончилось, расходимся по рабочим местам. А вы, молодой человек, останьтесь, - обратилась она ко мне.

Когда мы остались вдвоем, она проникновенно посмотрела мне в глаза и спросила:

-Саша, признайся честно, кто под меня копает?

-Да вы, что говорите, Наталья Петровна, какие подкопы.

- Простые, милок, простые. Какой из тебя школьник, у нас инструктора в райкоме так не могут собрание вести. А ты якобы школьный комсорг, не смеши мои седины.

-Вот, блин! Перестарался, - подумал я.

-Так Наталья Петровна, во-первых, никаких седин у вас нет, во-вторых, все очень просто проверить, позвоните в школу, уточните, кто я такой, да, в конце концов, у меня одноклассников полно, можно у них обо мне узнать.

Подумав, директор несколько успокоилась, действительно вариант с засылкой "стукача" в моем лице выглядел совсем неправдоподобно.

Зато разговаривала она со мной сейчас не как с мальчишкой, а вполне даже взрослым человеком.

Воспользовавшись моментом, я изложил свои мысли по поводу дооборудования бара.

Наталья Петровна согласно кивала, когда я перечислял, что будет нужно для нормальной работы.

Споткнулись мы на магнитофоне.

- Сколько, сколько твой японский магнитофон стоит? - воскликнула она в изумлении.

-Тысячи полторы, - спокойно повторил я. -Возможно дороже.

-Мда, задачку ты задал, - сообщила женщина, - меня в тресте могут не понять с такими запросами.

--Понимаете, Наталья Петровна, у нас сейчас просто нет в стране нужной техники. Эта Яуза - просто позорище. А ведь к нам иностранцы могут зайти. Последнее время финны приезжают, что они потом у себя о нас напишут.

А это идея, - лицо директорши просветлело. - Может сработать. Слушай, Саша, я тебе записочку напишу, сходи в комиссионку, знаешь, через квартал от нас. Записку отдашь заведующей магазином. Посмотри, что у нее в загашнике имеется. А то в Питер собираешься, там тебе за такие деньги голову оторвут.

-Ну, это вы про меня недооцениваете, мадам Авдеева, - подумал я. - А вот идея с комиссионкой мне в голову не пришла, это минус.

Сунув записку в карман, я отправился в комиссионный магазин. Июль не радовал погодой, на улице моросил дождь.

-Как здорово быть снова молодым, - думал я, не обращая внимания на капли дождя, бившие в лицо.

В магазине было пусто. Несколько молоденьких продавщиц что-то обсуждали,

собравшись у кассы.

На меня они обратили внимания не больше, чем на муравья.

-Как бы мне увидеть Ирину Алексеевну? - спросил я, обращаясь к их спинам.

Имя и отчество заведующей произвели нужный эффект. Девчонки перестали смеяться и повернулись ко мне.

-Что вы хотели молодой человек от заведующей? - спросила женщина сидевшая за кассой.

-Мне нужно поговорить по личному вопросу,- был мой краткий ответ.

-Вера, проводи, -подумав, сказала женщина. Одна из девушек, подошла ко мне и сказала:

-Пойдем, я тебя провожу.

Ирина Алексеевна оказалась молодящейся женщиной пятидесяти лет. Одетая в строгий кримпленовый костюм темно-голубого цвета, выглядела

она очень неплохо.

Когда она устремила вопросительный взгляд, я протянул ей записку Натальи Петровны.

Прочитав ее, Ирина Алексеевна сразу превратилась из строгой директрисы в обаятельную женщину.

-Твк вы юноша, решили пойти в торговлю, молодец, очень правильный шаг с вашей стороны. Нам нужны мужчины в наших рядах.

Она спросила, как здоровье Натальи Петровны, пообещала обязательно посетить наше заведение и после этого мы отправились на экскурсию по кладовым, где лежали товары, не выставленные на всеобщее обозрение.

Заведующая несколько удивилась отсутвию интереса с моей стороны к одежке, обувке, и прочим аксессуарам, но видимо отнесла это на счет мужского склада ума.

Полка с электроникой меня откровенно разочаровала, там, собственно, не было ничего хорошего. Огромный вертикальный Акай, с выносными сверкающими колонками выделялся среди этого барахла, как бриллиант.

Естественно мой взгляд сразу был прикован к нему.

-А можно включить? - спросил я у спутницы. Та милостиво кивнула.

Катушки лавсановой пленки уже были на своих местах, поэтому я только включил магнитофон в сеть, и нажал пуск.

Катушки закрутились, пуская разноцветные блики, а из колонок послышалась знакомая большую часть жизни, мелодия Роллингов - I can't get no satisfaction.

-Неплохо, - подумал я, выключил магнитофон и задал естественный вопрос:

-А сколько стоит этот японское диво?

- Две четыреста, - скривившись, ответила Ирина Алексеевна.

Свой следующий вопрос задать не успел. Заведующая ответила раньше.

-Магнитофон держали под заказ, но этому человеку на ближайшее время не до магнитофонов. Так, что если вам он подходит, можете покупать.

-Понятно, - сообщил я. - А возможно подержать его еще несколько дней, пока Наталья Петровна решит вопрос с деньгами.

-Конечно,- улыбнулась Ирина Алексеевна, - Мы же должны помогать друг другу. К примеру, если я с девочками захочу попасть в твой бар.

-Без проблем, заверил я,- В любое время дня и ночи, когда мы работаем.

Обратно, однако, я шел в задумчивости. Все-таки цена магнитофона была велика. На эти деньги можно сейчас купить новенький "Запорожец".

-Ну, не будет денег, значит не судьба, - успокоив себя таким выводом, зашел в шашлычную.

Наталья Петровна цене особо не удивилась и рассказала мне, что с утра поинтересовалась этим вопросом, и дешевизны не ожидала.

- Завтра на работу Виноградов выйдет, а мы с тобой сходим в трест. У меня там куча дел. Ты зайдешь в комсомольскую организацию. У нас в ней работает освобожденный секретарь комсомольского комитета, Валера Незванцев. Деловой такой парень. Думаю, ты с ним общий язык найдешь. А потом мы вместе с тобой зайдем к директору. Лев Абрамович Шмуленсон у нас с прошлого года работает, как трест ресторанов и кафе выделили в отдельную единицу. Очень проницательный человек.

Так, что готовь свои аргументы. У нас ведь и без твоей музыки, народа полно. План мы пока тянем. Сможешь мотивировать перевыполнение плана, получим финансирование, не сможешь, не получим, все просто. Финансирование фондировано, свободные средства под колпаком. Ревизоры и ОБХСС над нами коршунами вьются, усекаешь?

Усекаю, - кивнул я. - Чего же тут не понять. Известное дело. Безналичные деньги - это не деньги, а только фикция. Они вроде есть, а вроде и нет. А наличман- это наличман.

Наталья Петровна глянула на меня с уважением

-Интересный ты паренек, Саша, вроде молоко на губах не обсохло, а кое-что понимаешь. Откуда только? У тебя мама случайно не бухгалтером работает?

-Нет, мама у меня инженер - конструктор. А это я самообразованием занимаюсь, умные книжки пытаюсь читать.

Вторая половина дня пролетела незаметно. Народ валил валом. Хорошо, что после обеда на дверях уже стоял Зиганшин. Он действовал так, как будто век занимался этим делом.

Я тем временем ухитрился использовать в дело все сэкономленные спиртные напитки.

В районе четырех часов в бар зашли два слегка поддатых мужчины. Их поведение заставило насторожиться. Они по-хозяйски устроились за столиком, потом один из них громко позвал меня.

Эй, паренек подойди сюда!

Я сделал вид, что ничего не слышу. Через минуту мне вновь крикнули тоже самое.

-Ты чего дурака валяешь, не идешь, когда тебя зовут, - прошипел мне в

лицо один из них, подойдя к стойке и положив руки на нее так, чтобы были видны татуировки перстней на руках.

-А вы звали? - поинтересовался я, наливая кофе двум девушкам.

-Ты че, глухой? Конечно, звали. Сделай нам пару коктейлей и кофе.

Я кивнул и приступил к делу.

-Послушай паренек, ты, наверно, не в курсах, что к некоторым людям надо проявлять особое уважение, продолжил он свое нравоучение.

-Это к вам что ли? - спросил я.

-Не надо грубить, фраерок, мы только с кичи откинулись, не нарывайся.

-Да мне по хрен откуда вы вылезли с кичи или не с кичи. Ведите себя правильно, и не будет проблем. - сообщил я. - Вот ваши коктейли с вас шесть тридцать.

Мужчина кинул на стойку десятку.

-Сдачи не надо. А с тобой придется побеседовать, уму разуму поучить, - сообщил он и, пошатываясь, понес коктейли к своему столику.

-Ты зачем так с зэками разговаривал, - зашептала мне в ухо взволнованная Ленка. - Их наверняка Тараканов сюда отправил. А я только успокаиваться начала.

-Не бери в голову, - сказал я. - Они все на словах храбрые, на понт берут, особенно друг перед другом. А как один на один, ссыкуны еще те, действительно серьезные ребята, дешевыми понтами не раскидываются, и перед нами пальцами не крутят. Не похоже, что они от твоего ухажера, тот для них не авторитет. В тюрьме не сидел, просто местный хулиган и все.

У бывших зэка денег было немного, выпив по коктейлю, они засобирались на выход. Мне показалось, что они хотели еще что-то мне сказать, но, оценив габариты Зиганшина, мирно распивающего чай с гардеробщицей, предпочли уйти по тихому.

-Черт возьми! -подумал я - ведь хочешь, не хочешь, придется как то строить отношения с криминалом Конечно до рэкета девяностых еще далеко, но как то надо авторитет зарабатывать. Хорошо Виноградову, он чемпион города по боксу в среднем весе, его каждая собака знает. А про мои достижения только Зиганшин истории рассказывает. Кому интересен пацан, занявший третье место в республике по вольной борьбе среди юношей, только тренеру, да и то Лебедев уже в той жизни честно признался, что не будет у меня будущего в борьбе, конституция не та.

Сякин с Зиганшиным меня в баре, конечно, прикроют, но надо сделать так, чтобы и в других местах до меня просто боялись докапываться.

В пять часов Лена ушла домой, и я остался один на хозяйстве.

Менялись посетители, кто-то приставал с разговорами, кто-то наоборот вел себя очень робко. Все стулья у стойки оккупировали девушки и испытывали на мне свое красноречие. Вчера, кстати, такого не наблюдалось. Что было вполне понятно. При взгляде на Сафонову они испытывали чувство неполноценности, примерно, как в будущем испытывали школьницы, разглядывая в журналах отфотошопленные фотографии актрис и певичек.

Сейчас же Ленки не было, и девицы клеили меня по всем правилам.

-Вот, что такое не везет, - думал я. - Столько девушек, притом готовых если не на все, то на многое, а у меня Сафонова из головы не выходит. Скорей бы Генка вышел на работу, может, удалось бы с ней поближе познакомиться в неформальной обстановке.

Из-за наплыва посетителей поужинать не удалось. Но я заранее подготовил судки, в которые мне положили несколько порций шашлыка. Отцу очень понравился второй ужин. Вообще питание работники оплачивали без наценки, по себестоимости. Но это официально. Неофициально ели все сколько хотели. Посудомойки уносили с собой все отходы для своих кошек и собак. Повара несли в авоськах продукты. Ну, а Наталья Петровна и кладовщица в этом деле были вообще вне категории. Только Гиви Хорбадзе не уносил ничего. Но это было понятно, директор делала это за него.

Я, тем не менее, осторожничал, поэтому в кармане у меня лежал чек, пробитый на кассе.

Перед закрытием подсчитал свои доходы, оказалось, что они достигли двенадцати рублей.

Домой я приехал вновь около двенадцати часов. На этот раз никто меня не ждал. Я убрал судки в холодильник и выпив чаю, улегся спать.

Придя на работу, я обнаружил за стойкой Виноградова. Он работал в черных очках, но, из-под их краев все равно виднелись багровые кровоподтеки.

-О! Санек! - радостно завопил он при виде меня. - Сколько лет, сколько зим! Ну, теперь мы тут с тобой шороху дадим. Ты, говорят, уже японский магнитофон пробил? Честно, не ожидал от тебя такой шустрости, да и вообще не думал, что ты к нам устроишься. Давай махнем по песням за встречу.

-Гена, привет! Какие песни, мне в трест надо сегодня. Идем вместе с Натальей Петровной. А собственно ты чего с утра на поддаче? - спросил я.

-Так праздную, - сообщил Гена. - Закончил со спортивной карьерой, вчера меня Левин погнал с тренировки. Сказал, нам алкоголики не нужны.

-Вот это дела! - расстроился я. - Рассчитывал на трезвого напарника, а он, оказывается, заквасил, да так, что тренер выгнал. Интересно, а на работе он также квасить будет? Только этого для счастья не хватало.

Поговорив с ним еще пару минут, я пошел к Наталье Петровне. Та явно была не в духе. И вполне понятно почему.

Она сделала несколько звонков, и мы отправились на своих двоих в трест. Персональных машин для мелкой номенклатуры не предусматривалось. В эти годы город практически не строился, поэтому все учреждения располагались в центре. Сейчас наша шашлычная располагалась на улице Комсомольской. Но я был единственным, кто знал, что через несколько лет она станет улицей Андропова, потому, что управление КГБ располагалось на этой же улице, метрах в трехстах от нас. И работающие там товарищи частенько посещали наше заведение.

Когда мы зашли в здание, где первый этаж занимало наше начальство, меня сразу посетило дежавю.

Длинная ковровая дорожка лежащая в коридоре и таблички с давно забытыми надписями: Профсоюзный комитет, партком, комитет ВЛКСМ, будили странные ощущения неправдоподобности.

-Перестань, - скомандовал я себе. - Теперь тебе в этом жить, и как ты бы не хотел изменить окружающее, ничего из этого не выйдет. От тебя только требуется, пользуясь знанием будущего, прожить свою жизнь по-другому.

-Около комитета ВЛКСМ Наталья Петровна остановилась и без стука зашла в кабинет.

Навстречу нам поднялся из-за стола молодой парень, подстриженный под полубокс.

-Добрый день Наталья Петровна, с чем пожаловали? - спросил он.

-Здравствуй Валера, хочу представить тебе нашего комсорга, Сапаров Александр Юрьевич, прошу любить и жаловать, работает у нас с позавчерашнего дня барменом. Закончил десять классов, имеет опыт комсомольской работы. Ну, в общем, я пойду, а вы тут без меня побеседуйте, свои вопросы решите.

Довольная, как танк, тем, что, наконец, спихнула на кого-то всю комсомольскую мутотень, директор выскочила из кабинета, оставив нас вдвоем.

Когда дверь за ней закрылась, Валера насмешливо улыбнулся

-Вот, все они так. Когда сверху потребуют субботник организовать или еще что-нибудь, самодеятельность, к примеру, так сразу, комитет комсомола, проявите инициативу. В общем, как везде, пока гром не грянет,

никто не перекрестится.

Он снова уселся за письменный стол, закурил длинную тонкую сигарету, который не найти в продаже днем с огнем, и предложил:

Ну, ладно, давай присаживайся, расскажи о себе, как докатился до такой жизни. Как стал комсоргом, можешь не рассказывать, и так все понятно. А вот свой путь до работы освети подробней.

Мой рассказ много времени не занял. Однако Валера слушал меня внимательно. Потом попросил показать комсомольский билет.

-Интересный ты человек, Александр, выдал он, наконец.

-Чем же? - удивился я.

Он улыбнулся.

-Ну, к примеру, я окончил школу с золотой медалью, и поступил в Ленинграде на экономический факультет университета. Там занимался комсомольской работой. Здесь в тресте начинал работать экономистом. Затем мне предложили должность освобожденного секретаря комитета ВЛКСМ, я согласился и пока работаю на этом месте.

-Затем райком ВЛКСМ, затем обком, затем кандидат в члены КПСС, и работа в партийном аппарате, - продолжил я за него.

-Видишь, Саша, ты все понимаешь, оказывается, - засмеялся Валера, глядя на меня глазами сообщника. - Чего же тогда начал, так нестандартно?

Я глядел на молодого карьериста и думал, что ему ответить на вопрос. Не расскажешь ведь, что уже один раз прожил стандартную жизнь, а сейчас душа просит чего-то такого, а чего и сам не понимаю.

Видимо, я слишком долго думал, потому что Валера сказал:

-Ладно, не переживай, у каждого в жизни свои обстоятельства, давай лучше поговорим, как ты видишь свою задачу в работе комсомольской организации. Надеюсь, ты понимаешь, что сбором членских взносов не отделаешься.

Мы довольно быстро нашли общий язык, договорились по всем вопросам. Валерий пообещал со стороны комитета комсомола всю возможную поддержку моим начинаниям.

- Что могу сказать, Александр, мне с тобой было легко разговаривать, - признался под конец разговора мой собеседник. - Не с каждым так получается.

-Еще бы, - подумал я. - Мы сейчас разговаривали, отлично понимая друг друга, прикрываясь высокими словами о комсомольском долге, ленинских принципах и идеалах марксизма-ленинизма.

-Ну, на сегодня мы все вопросы порешали, - с этими словами Валерий поднялся, дружелюбно хлопнул меня по плечу и добавил:

- Сейчас с тобой еще переговорит один товарищ, и можешь, быть свободен.

Он вышел из кабинета, а я остался сидеть в недоумении, кому я еще понадобился.

Пару минут спустя в кабинет зашел молодой мужчина. Что-то в нем было знакомое.

-Ба! Да этот мужик у меня вчера в баре ошивался, да еще в компании, - неожиданно вспомнил я.

- Привет, Александр, - оживленно заговорил вошедший. - Вижу, узнал меня. Действительно вчера я заходил в бар. Решил глянуть на нового бармена.

-А чего от меня понадобилось комитету, - настороженно спросил я.

Мужик опешил. Какое-то время он разглядывал меня, как опасное насекомое. Однако он быстро собрался с мыслями и вновь улыбнулся.

-Хм, а для вчерашнего школьника голова у тебя неплохо соображает - сообщил он, усаживаясь рядом со мной. - Меня зовут Денис Александрович, может, тогда подскажешь, о чем я хотел поговорить.

-Подскажу, - кивнул я. - О том, что следует при подозрительном поведении работников шашлычной или посетителей, сообщать об этом вам или Валере Незванцеву.

-Отлично! Голова у тебя, действительно варит, - воскликнул собеседник. - Надеюсь, ты понимаешь, что такое подозрительное поведение?

- Ну, наверно хищение социалистической собственности? - предположил я.

-И это тоже, - согласился Денис Александрович.- Понимаешь, Сашок, жизнь сложная штука в ней от воровства до предательства Родины один шаг. Запутался в воровстве, тут тебя подловит американский шпион.

Я пренебрежительно хмыкнул:

-В шашлычной самое то шпионить, рецепты шашлыка собирать.

-Не скажи, друг ситный, вот ты, например, стоишь за стойкой, подойдет к тебе военный и что-нибудь по пьяни разболтает. Вот такие товарищи нас интересуют. А по тем, кто продукты выносит, пусть голова у ОБХСС болит. Финны к вам частенько заглядывают, нас интересует, кто к ним подсаживается знакомиться. Так, что если что заметишь, звони Валерию Николаевичу, если сообщение покажется серьезным, мы с тобой встретимся. Ты, как советский человек, комсомолец, должен помогать комитету госбезопасности. Мы защищаем завоевания нашего Советского Союза. Все понял?

-Да, конечно, спасибо за доверие, Денис Александрович, я постараюсь его оправдать.

Минутой спустя, когда парнишка вышел из кабинета туда зашел Незванцев.

-Ну, как прошла беседа, - спросил он у задумчиво пускающего кольца дыма, Дениса.

-Понимаешь, Валера, - еще не разобрался. Вообще у меня ощущение, что меня каким-то образом провели. Ты представляешь! Жизни не знающий пацан с ходу понимает, кто с ним будет говорить и зачем.

-Я тебе Денис больше скажу, - признался Валера. - Когда с ним разговаривал, было ощущение, что он считает меня несмышленым мальчишкой.

-Точно, именно такое ощущение было и у меня, - согласился Денис.

Они посмотрели друг на друга.

-Надо бы конкретней в его биографии копнуть, - сказал Валера.

-Ты же знаешь, мы всех ваших работников, задействованных на обслуживании иностранцев, проверяем, дойдет очередь и до него. Если что, интересное будет, сообщу. Ты же у нас главный дятел в дупле, - засмеялся Денис.

Комсомолец поморщился.

-Ты говори, да не заговаривайся, товарищ лейтенант. Имей уважение, я все же старше тебя на два года. Ты у меня третий куратор, да еще такой не солидный.

Я вышел в коридор и огляделся, после чего направился к массивной двери, буквально кричавшей, что за ней восседает очень важное начальство. Присев на стул рядом с кабинетом, стал дожидаться появления Натальи Петровны.

Действительно та вскоре вышла из этих дверей, увидев меня, сообщила:

-Никуда не уходи, я скоро вернусь.

Пришлось ждать еще с полчаса до прихода начальницы.

Та явилась явно в приподнятом настроении и, взяв меня с собой, прошла в кабинет управляющего трестом.

Солидный еврей средних лет восседал на обычном стуле, за обычным письменным столом. Словом, ничего особенного. На столе в простом письменном приборе в стаканчике стояли простые перьевые ручки и только китайская самописка с золотым пером свидетельствовала о ранге начальства.

Вот, товарищ Шмуленсон, знакомьтесь, наш бармен Александр

Сапаров.

Лев Абрамович улыбнулся.

-Здравствуйте, молодой человек, наверно гадаете, для чего я вас вызвал?

-Гадаю, - согласился я. - Хотя причину примерно представляю.

-Ну, и какова она?

-Думаю все из-за моих предложений, в частности из-за магнитофона.

- Мда. Вы совершенно правы. Скажите Саша, вы ведь никогда не работали в торговле?

-Да, вы тоже правы, не работал.

-Тогда может, поделитесь с нами, откуда у вас знания по работе в баре.

Я с недоумением посмотрел на Наталью Петровну и сделал вид, что что-то вспомнил.

-Лев Абрамович, я занимаюсь в секции, вместе с барменом Геной Виноградовым, три года слушал его рассказы, отчего и сам решил пойти на работу в бар.

Наталя Петровна с укоризной уставилась на меня, типа чего же ты сразу не сказал, а Шмуленсон с таким же укором посмотрел на нее.

Я уже знал, что она хочет спросить, и быстро выдал:

-Наталья Петровна, я тогда вас не обманывал, я не боксер, а борец, просто мы занимаемся в одном зале.

-Теперь все понятно, - сообщил управляющий. - А то Наталья Петровна была озадачена твоими успехами. Отработать первый день без недостачи, дорогого стоит. Тем более, что тебе никто не помогал советами.

Меня попросили еще немного подождать в коридоре.

Вскоре вышла Наталья Петровна и сразу сообщила,

- Берем твой магнитофон по безналу. На наше счастье в этом году остается прилично денег на этой статье расходов, почти тютелька в тютельку на магнитофон.

Прошло две недели. Я, как обычно стоял за стойкой. С Виноградовым мы договорились работать через день, а наша профорг закрыла глаза на нарушение трудового законодательства. В баре было жарко, поэтому на мне была белая рубашка с коротким рукавом, да легкие брюки песочного цвета. Только черная бабочка на шее говорила о статусе бармена. Сейчас напротив меня сидели два моих одноклассника, держа в руках по коктейлю.

Сережка Симбирцев наш серебряный медалист с удовольствием рассказывал о том, как сдавал экзамены на медфак. И в тоже время искоса кидал завистливые взгляды на мой прикид.

Естественно на мне был не ширпотреб. Я теперь покупал одежду

только в комиссионном магазине. Ирина Алексеевна после вечера, проведенного в баре, сама позвонила на следующий день и пригласила заходить к ним на огонек.

В соседнем гастрономе, когда я зашел туда кое-что купить по маминому заказу, продавщицы встретили меня улыбками и перешептываниями.

Короче, вокруг принесенной домой свинины, мама ходила кругами, говоря, что не никогда такой не видела. А коробку зефира в шоколаде она спрятала в сервант, якобы на праздник. Она почему-то думала, что мне просто повезло его купить. Только после настойчивых уверений, что это не последний зефир, мамуля выложила его на стол.

Мои бывшие одноклассники, конечно, вслух ничего не говорили, но были слегка подавлены окружающей обстановкой.

В полутемном баре, на потолке медленно крутились огромные лопасти вентилятора, развеивая сигаретный дым. За моей спиной на полках, среди бутылок вспыхивала цветомузыка, сварганенная одним из любителей шарово й выпивки. Из колонок доносилась музыка The Doors хриплый голос Джима Моррисона бил по ушам.

-А ты неплохо устроился, - прервал хвастливые рассказы Симбирцева, Вовка Охотников.

Было понятно, почему он так говорит. Вовану не повезло, вступительные экзамены на факультет промышленного и гражданского строительства он завалил. Второго шанса у него не будет, его ждет весенний призыв, собственно, как и меня. Вот только работы у него на данный момент нет.

Пожав плечами, я философски сообщил:..

-Каждому устраивается, как может.

-Вовка согласно кивнул и в два глотка допил коктейль.

-Слушай, налей мне просто водки, грамм сто, попросил он. Сережка неодобрительно глянул в его сторону.

-Вовка, может, хватит тебе?

В этот момент в бар вошла Сафонова.

Подойдя к нам, она тронула меня за плечо и попросила:

-Саша, милый, зайди к нам в подсобку, пожалуйста, девочки просили помочь кое в чем.

Если бы мне было по-настоящему семнадцать лет, то удовольствие от открытых ртов одноклассников было бы вообще бесподобным. Но даже сейчас, мне было приятно видеть их оторопь.

-Сашка! Серьезно? Это твоя девушка? - с приподнятым воскликнул

Симбирцев, когда Лена ушла.

-Мда, Ленкина внешность валит наповал, - подумал я. - Самое интересное, что она сама этого никак не может понять.

-Да везет, некоторым, - сказал Вовка, когда я согласно кивнул на вопрос Сережки.

-У нас тоже будет девок полно, - сообщил Симбирцев. - на одного парня штук по пять придется. Осенью поедем на картошку, там найду себе не хуже, чем у Сашки.

Сказав это, он испытующе глянул на меня.

-Пой, ласточка, пой, - насмешливо подумал я. - Такую девушку, как Лена поискать придется. Это мне так незаслуженно повезло.

Ребята вскоре попрощались и ушли по своим делам. Я же отправился в подсобку персонала, где разболталась розетка для электрочайника.

Несложный инструмент был давно принесен из дома, поэтому я быстро вкрутил ослабшие шурупы, за что был ласково расцелован в щеки. Я бы с удовольствием продолжил это дело, но, увы.

Вернувшись на рабочее место, снова вспоминал, как развивались мои отношения с Леной.

На первое предложение погулять в выходной день по городу, она по-настоящему испугалась.

-Саша, ты же знаешь, что Валерка всех колотит, кто на меня внимание обращает,- воскликнула она.

-То есть, против самого предложения ты ничего не имеешь?- улыбаясь, осведомился я.

- Ну, да, - растерянно ответила девушка.

-Тогда, завтра встречаемся в одиннадцать часов у памятника Ленину и идем гулять, договорились?

-Договорились, - прозвучал задумчивый голос Сафоновой.

Ура! - мысленно воскликнул я. До этого надежд на положительный ответ я особо не лелеял. Лена за день работы выслушивала десятки комплиментов и различных предложений, как любая красивая девушка, и всем категорически отказывала. Зинка Бахирева мне по секрету сообщила, что Лена живет у тети, которая ее держит в "черном теле". А на работу официанткой в шашлычную Лену устроила Наталья Петровна, давнишняя тетина приятельница.

Не следующий день, я к одиннадцати часам уже подходил к памятнику Ленину. Огромный каменный монумент, нависал над небольшой круглой площадью,

Около него, как обычно, было людно. Большинство ожидающих были

здесь с той же целью, что и я.

Мы подошли к месту встречи практически одновременно. Лена, одетая в цветастое ситцевое платье, шла мне навстречу упругой походкой гимнастки, сопровождаемая восхищенными мужскими взглядами.

Собираясь на прогулку, она надела туфли на низком каблуке и сейчас была чуть ниже меня.

. Мы смотрели друг на друга и не знали, что сказать.

На несколько секунд наступило неловкое молчание.

Затем я рассказал свои планы, и мы направили свои стопы в парк Культуры и Отдыха.

В этот день в нем не осталось ни одного аттракциона, который бы мы не испытали. К двум часам, когда они все же закончились, захотелось перекусить.

- Пошли в ресторан, - предложил я, -Пообедаем, потом продолжим прогулку. Услышав мои слова, Лена поскучнела, и стала отказываться.

Было понятно, что денег с собой у нее мизер.

Пришлось успокаивать ее и заверять, что пообедать мы сможем вполне.

В ресторане в это время практически никого не было. Мы просидели в ожидании официанта минут тридцать. Наконец он подошел к нам.

Его непроницаемое лицо через мгновение расплылось в улыбке.

-О! Какие люди! Рады вас видеть, решили попробовать другую кухню, наверно шашлык надоел.?

-Добрый день, - поздоровался я. - Да, нет, не надоел, просто гуляли по парку, решили к вам зайти, пообедать.

-Ну, что же вот, пожалуйста, меню, но, я бы посоветовал вам на закуску крабовый салат, мясо в горшочке с грибами и клюквенный морс. Если желаете первое, то есть супочные щи, солянка.

-Хорошо, - согласился я. - Давайте щи и мясо в горшочке.

Спиртное будете заказывать?

Ленка в ужасе замотала головой.

-Нет, спасибо, - поблагодарил я. - Обойдемся без него.

-Саша, - тихо прошептала мне у уха спутница. - Посчитай, сколько стоит обед. Если не хватит, у меня есть трешка.

-Вот святая простота, - думал я, - работает официанткой, пусть недолго, но ведь не в пустоте живет. Прекрасно знает, кем я работаю и считает, что у меня нет денег. Действительно, тетя ее в "черном теле" держит!

В ресторане кроме нас не было ни души, и скучающий официант

присел к нам за стол. Вскоре мы узнали, что Коля работает тут второй год, и собирается уходить. Его зовут в вокзальный ресторан в народе получивший название "Под шпилем".

-Понимаете, - с жаром рассказывал он. - нет тут лавэ ни фига. Днем посетителей мало, а вечерами одни свадьбы. Не то что у вас. - добавил он с оттенком зависти. - Ваш "Кавказ" на проходном месте стоит.

Какое-то время мы обсуждали проблемы ресторанных бизнеса и пришли к выводу, что шесть заведений на трехсоттысячный город крайне мало. Из-за чего вечерами на всех дверях висят таблички "Мест нет", и стоят очереди неудачников

Лена во время нашей беседы молчала, Лишь, когда мы вышли на улицу, она внезапно спросила:

-Саша, скажи, пожалуйста, почему ты решил пойти работать барменом?

-С какой целью интересуешься? - шутливо переспросил я.

-Понимаешь, ты умный парень, а пошел на работу без перспективы. Так и будешь всю жизнь стоять за стойкой?

Я засмеялся.

-Лена, ну, конечно, нет, бармен, это только один шаг в пути под названием жизнь. У меня много планов на будущее.

А ты сама долго планируешь работать официанткой?

-Не знаю, - Лена пожала плечами, - я в прошлом году не прошла по конкурсу на биофак. Пошла на вечерний факультет. Тетя посоветовала устроиться санитаркой в больнице. Я полгода поработала и поняла, что больше не могу, не мое это. А тут Наталья Петровна взяла меня к себе. Сказала, что на сессии будет отпускать без проблем, и поможет освоиться на работе. Первые дни было тяжело, особенно вечерами, никогда не думала, что мужчины могут быть такими ужасно приставучими.

На эти слова я мысленно засмеялся. Ленка просто не понимала, как ей повезло с внешностью. Мужики к ней цеплялись гораздо реже, чем к той же Зинке Бахиревой. Они просто боялись заговорить с такой красавицей, подсознательно считая, что та достойна гораздо лучшего кавалера.

Это я, со своим жизненным опытом понимал, что долговременной осадой можно взять любую крепость. Но тем, кто приходит в ресторан, крепости не нужны.

-Пойдем к озеру, - предложил я. - Там не так жарко.

Мы вышли на каменистый берег Онеги, здесь, действительно, было прохладней. Набережной, из гранитных плит еще не было и в помине.

Немногочисленные загорающие, сидевшие на камнях, навели меня на

новую мысль.

- Слушай, давай съездим в Пески, посидим на пляже.

-У меня же нет купальника, - неуверенно сказала Лена.

-Ну так мы в воду и не полезем, - ответил я.

Через полчаса мы с облегчением выбрались из душного автобуса и направились к пляжу.

Здесь тоже народа было немного, рабочий день все-таки.

Лена сняла туфли и босиком пошла о горячем песку. Я последовал ее примеру.

Минут двадцать мы прогуливались по кромке воды, потом я предложил:

-Может, все же искупаемся?

-Саш, я же тебе сказала, у меня нет купальника.

Я посмотрел на девушку, под тонким платьем, был заметен бюстгальтер.

-Лена зарделась.

-Ты чего так смотришь?

-Ну, ты же не голая, давай отойдем подальше, если ты стесняешься купаться в белье.

Предлагал я на авось, думая, что Лена откажется. Но та неожиданно согласилась.

Пройдя по открытому пляжу, мы углубились заросли ивы, прошли немного по узкой тропке и оказались на берегу небольшой бухточки.

Я скинул одежду и в плавках ринулся в воду. Уже оттуда наблюдал, как моя спутница аккуратно сложила платье и оставшись в розовых трусиках и бюстгальтере, шагнула вслед за мной и мы начали весело бултыкаться.

Вода оказалась холодной, поэтому купание не затянулось, мы выбрались на берег в мурашках.

-Отвернись и обещай, что не будешь подглядывать, - потребовала Лена, - я выжму белье.

- Обещаю, - сказал я и отвернулся.

-За спиной послышался шорох.

Я повернулся, Лена стояла обнаженная, выжатые трусики висели на ветке ивы, а бюстгальтер был у нее в руках. Ее красота просто сводила с ума.

Я судорожно сглотнул и сказав,

- Я тебя обманул, - прижал ее к себе и принялся целовать.

Мокрый бюстгальтер холодил мой живот. К груди прижались ее твердые соски.

Через секунду руки Лены обвились вокруг меня, и она начала неумело отвечать на мои поцелуи.

-Как мне удалось справиться с собой, не понимаю, но объятья я разжал. После чего поднял с земли упавший бюстгальтер и молча протянул его девушке.

Она шалыми глазами продолжала смотреть на меня. Затем, схватив свою вещь, прошептала:

Ну, пожалуйста, отвернись, я стесняюсь.

Ей действительно, было стыдно. Покраснела она с ног до головы. Пришлось снова отворачиваться и на этот до тех пор, пока мне не сообщили, что уже все сделано.

Лены стояла в своем платье и пыталась расчесать мокрые волосы. Только красные пятна на щеках напоминали о том, что сейчас случилось.

-Прости,- со скорбным видом пробурчал я, не испытывая на самом деле никакого раскаяния. Наоборот, все шло просто отлично. Если бы я не нравился девушке, со мной бы так не целовались.

-Ты, нахальный обманщик, - констатировала Лена, все еще переживавшая случившееся событие. - Я тебе больше не верю.

И не надо, - сообщил я, улыбаясь, и опять привлек ее к себе.

Через час, мы выбрались по тропке обратно на пляж и уже в обнимку направились к автобусной остановке.

Наши изменившиеся отношения на работе заметили на следующий же день. Узнал об этом, когда меня зазвала к себе Наталья Петровна.

- Саша, мне надо с тобой серьезно поговорить. Не догадываешься о чем?

Я пожал плечами.

-Не знаю, может, по работе.

Директор досадливо поморщилась.

-У тебя все шуточки, нет, не по работе. Скажи, пожалуйста, какие отношения у тебя с Леной Сафоновой?

-Хорошие.

Наталья Петровна начала медленно свирепеть.

-Не строй из себя дурака, я сейчас спрашиваю тебя не, как директор, а как близкая подруга ее матери, считающая себя ответственной за племянницу. Ты переспал с ней? Ты вообще понимаешь, что наделал? Тебе семнадцать лет, дурак дураком. Она хоть и старше на год, ничем тебя не лучше. А если она забеременеет?

-Наталья Петровна, во-первых, попрошу не лезть в мою личную жизнь, а во-вторых, честно говорю, что ничего подобного у нас не было. И

вообще, откуда вы это взяли.

-Ой, можно подумать это тайна великая, - фыркнула директорша. - Достаточно взглянуть на Ленку и все сразу ясно. Хорошо, хоть Агафья Тихоновна тоже не от мира сего, ничего не замечает.

-И все же Наталья Петровна, вы ошибаетесь. Мне действительно очень нравится Лена, но ничего такого у нас не было, говорю еще раз.

-Ну, смотри Сапаров, кто меня обманет, тот дня не проживет. Иди, работай, и помни, я за тобой наблюдаю. Лене только ничего не вздумай говорить, с нее станется мне скандал устроить. Но ты и жук! Холера этакая! Надо же так девчонку в себя влюбить, та совсем голову потеряла, - сказала директорша напоследок.

Когда бармен вышел, Наталья Петровна позвала к себе профорга.

-Ну, что Зоенька, совсем заврались в своих сплетнях.

-Каких конкретно, уточните, пожалуйста.

-Как каких? Про Сафонову Лену и Сапарова.

Так какая же это сплетня, Ленка третий день в облаках витает, даже посетителей временами не слышит. Вы как будто не знаете, когда такое бывает.

-Короче, бывает, не бывает, а языки прищемите. Нечего небылицы распускать.

-Нечего, так нечего, - согласилась Зоя. Но все равно осталась при своем мнении, что девушка может так себя вести, если ее очень неплохо наладили.

Я стоял за стойкой и вел глубокомысленный разговор со своим приятелем, Вовкой Третьяковым. Он ухитрился не поступить на самый непrestижный факультет нашего ВУЗа, сельскохозяйственный. Помня о словах майора из военкомата, он даже не пытался устроиться на работу, а болтался, ожидая призыва.

Денег у него не было, поэтому приходилось наливать ему за счет заведения. Наглеть он не наглел, но раз в неделю заходил обязательно.

Сейчас мы с ним разговаривали о смысле жизни.

- Смотри, Сашка, нам в школе мозги компостировали, надо поступать, надо поступать. Получите высшее образование и будете в шоколаде. Ты тоже бубнил два года, буду на физмат поступать, физиком стану.

А сейчас работаешь барменом. Денег полный карман, блат везде. Лена у тебя вообще отпад, красавица. Даже со мной, как скажу кому, что у меня друг бармен, сразу начинают по-другому разговаривать. Получается все в жизни не так, как нас учили.

Возьми Феликса Прохорова, соседа моего. Он после восьмого класса

пошел учиться в ПТУ. Я тогда удивлялся, чего он десятилетку не хочет окончить. А он сейчас холодильники и кассовые аппараты у вас в тресте кафе и столовых чинит. Сыт, пьян и нос в табаке. Я к нему недавно домой зашел, так у него стеллаж с новыми книгами стоит. Таких книжек в магазине не продают. Одни собрания сочинений.

Я засмеялся. Прохоров недавно был у меня в баре, чинил холодильник. Пообедал у нас, и позлословил насчет Третьякова, мол, тот, мог бы и поработать два-три месяца, вместо того, чтобы валять дурака, и трясти родителей на бабки.

Сейчас что-либо объяснять другу было бессмысленно. До известных событий оставалось еще двадцать три года, целая жизнь, и все эти годы работники торговли, снабжения будут оставаться привилегированным классом. Хотя пока попасть в него не составляет никакого труда, правда на должности простых продавцов, официантов и прочей шелупони. Хотя, что там говорить, даже рубщик мяса в магазине, сейчас значительная фигура в городской иерархии.

Тут мне в голову пришла неожиданная мысль.

-Слушай Володя, давай тебя на работу устроим, - предложил.

Вовка от неожиданности хлебнул лишнего и закашлялся.

-Да ну, нах! Не хочу я работать, меня может в конце сентября в армию призовут.

-А если не призовут, чего будет делать? Мама то твоя ничего не скажет, а батя у тебя бывает суров, наслушаешься всякого.

-Ну, и куда ты меня запихнуть хочешь? - полюбопытствовал приятель.

-Тут у нас через дорогу плодовоощной магазин, его директорша недавно плакалась, что не может найти грузчика-фасовщика, за этот год несколько алкашей выгнала. Тебе то, какая разница кем два-три месяца работать. Зато одни женщины вокруг, прямо, как у меня. - Я незаметно кивнул в сторону Зины Бахиревой, несущую поднос с заказом

Вовка глянул в ее сторону и решительно выдохнул

- Согласен, когда пойдем устраиваться?

- А чего идти, - удивился я. - Евгения Ивановна вскоре на обед к нам зайдет, тогда и поговорим.

-Вот- вот, - вернулся Вовка к старой теме.- Ты теперь всех директоров торговых точек знаешь, за руку с ними здоровашься.

-А тебе, кто мешает, - удивился я. - Начнешь работать в магазине, сначала фасовщиком, зарекомендуешь себя, в продавцы могут перевести. Поступишь на заочное отделение, получишь диплом, все пути открыты.

-Что-то у тебя слишком легко, получается, - проворчал друг. Но я

заметил, что нарисованные мной перспективы ему пришли в нос.

Евгения Ивановна без особых сомнений согласилась взять Вовку на работу, расстроил ее только один факт, что нового работника почти стопроцентно заберут в армию.

Довольный Третьяков понесся домой за документами, я продолжил работу, когда в бар заглянул возбужденный Виноградов. Обычно в свой выходной день он в баре не появлялся.

-Привет, - сказал он походя к стойке и дыша легким запахом перегара.

- Слыши, Санек, мне тут одну лабуду предлагают. Ты умный парнишка, может, что посоветуешь. Стоит связываться не стоит, да по цене тоже , чтобы не пролететь.

-Ну, и чего тебе предлагают? - уныло спросил я, все мои чувства вопили, что дело пахнет керосином.

-Двадцать штук икон, - громким шепотом на весь бар сообщил Гена.

-Не здесь, - сквозь зубы процедил я, мельком оглядывая зал. Вроде бы никто на не осторожные Генкины слова не отреагировал. Я позвал Лену и попросил подменить меня на пятнадцать минут.

Не успели мы зайти в подсобку и закрыть за собой дверь, как Виноградов начал возмущаться.

-Саня, что за дела? Ты чего так зассал? Сейчас, говорят, на иконах можно денег поднять прилично. А мне надежный приятель дело предложил. Он в деревню в глухомань, Пудожский район ездил, там у него бабка умерла. Он, когда шарил по дому, иконы на чердаке нашел, да еще в окладах серебряных. Говорит, хотел в музей продать, так ему там по пять рублей за икону обещали. Я бы у него все оптом забрал, потом финикам втюхал, или морякам, они в загранку пойдут, там найдут куда деть.

-Гена, скажи, пожалуйста, тебе денег не хватает? - спросил я. - Насколько мне известно, у тебя капусты на руках прилично остается. Зачем тебе эти проблемы. Сам подумай, если бы тебе одну икону предложили, ну, две, это понятно. Но то, что он двадцать икон на чердаке нашел, вранье. Дурит он тебя. Разводит по полной программе.

-Чего делает? - переспросил Генка.

-Тыфу! - ругнулся я про себя, - опять жаргон не тот, - Ну, наё..вает он тебя, понял?

Скорее всего грабанули они какую-нибудь церквушку, а тебе ворованный товар хотят сбыть.

-Ну, и что, - не понял Виноградов. - Не я же крал, мне до фени.

Я усмехнулся.

-Так ты скупщик краденого получаешься, для таких умных тоже статья

предусмотрена. А финнам толкнешь, уже КГБ тобой займется.

Вообще меня проблемы Виноградова не волновали. Взрослый парень, отслуживший армию, пусть разбирается со своими вопросами сам, Просто не хотелось, чтобы у нас на работе начались всяческие разборки с правоохранительными органами. Хватало и без них пожарников СЭС, и прочих товарищей.

Я отработал всего полтора месяца и то знал их всех в лицо.

-Короче, Гена, я тебе советую не лезть в это дело, через неделю весь город будет знать, что бармен в "Кавказе" иконами фарцует. Других советов, извини, дать не могу.

А сейчас извини, мне работать надо, - с этими словами я поднялся и направился в бар.

Виноградов в раздумьях, поднялся и пошел вслед за мной.

- Генка уйдет, сразу сбегаю, позвоню из автомата Неванцеву. , - думал я, потряхивая шейкер.- Тут такое дело, хрн его знает, может, Генку втемную меня задействовали проверить, А может, и не втемную. В любом случае надо звонить, даже если никто никого не проверяет. Сто процентов Генкин друган церковь грабанул. Просто не принято сейчас писать об этом в прессе. А мне точно неприятности не нужны.

По сумрачному лицу трезвеющего Виноградова было трудно определить, что он решил, было бы неплохо, если бы он послал своего приятеля куда подальше. Но это была уже не моя забота.

Через час я стоял в ближайшей телефонной будке и разговаривал с Неванцевым.

-Валера, с комсомольским приветом! Это Александр Сапаров. У меня есть новости для нашего общего знакомого. Ну, и хотел бы переговорить на интересную тему, но это тоже не телефонный разговор.

Фраза "не телефонный разговор" звучала часто в годы. Понятно почему, любой владелец телефона, подняв трубку, мог услышать совершенно, посторонние голоса. Естественно, особо распускать язык никто не хотел. И вообще, память о тридцатых годах была еще жива в народе.

-Рад тебя слышать, Александр, у тебя неотложные вопросы для знакомого? Или не к спеху?

-Ну, мне сложно решать, думаю, желательно быстрей,- замялся я.

-Понятно, тогда к тебе подойдут сегодня, ближе к вечеру. Ну, а по интересной теме можем поговорить с утра, насколько я знаю, ты завтра не работаешь.

-Отлично, я действительно не работаю, подойду часам к десяти.

Ближе к шести часам в бар зашли двое молодых мужчин. Воспользовавшись моментом, они встали у стойки так, что к ней было сложно подойти. Уж очень у них были широкие спины.

Заказав по коктейлю, они завели разговор, в ходе которого я в двух словах сообщил о сегодняшней беседе с Виноградовым.

Мужики выслушали мои слова без особых эмоций, но пару раз переглянулись с таким видом, будто им что-то известно.

Ушли они не сразу, посидели немного за столиком выпили кофе, да поулыбались симпатичным девчонкам.

Я же продолжил работать, не испытывая абсолютно никаких мук совести по заложенному напарнику, хотя в душе надеялся, что тот откажется от подозрительной сделки.

Как-то незаметно шло время. Поэтому, когда в конце сентября в квартире раздалась трель дверного звонка, я с удивлением увидел в дверях угрюмого мужика с бумагами в руках.

-Сапаров Александр Юрьевич, - спросил он, уткнувшись в список.

-Да, это я.

-Вам повестка, распишитесь, - с этими словами он сунул мне фанерку с приколотым на нее листком. Я расписался и мне вручили клочок бумаги.

-Ну, что там, Саша? - раздался из комнаты голос мамы.

-Ничего страшного, мне повестку из военкомата принесли, - сообщил я, закрывая входную дверь.

-Какую повестку? Тебе же еще восемнадцати лет не исполнилось! - заволновалась мама, выходя в коридор.

-Не переживай ты так, - спокойно ответил я. - Пока только извещают, что на следующей неделе начинается учеба в ДОСААФе на водителя.

Из комнаты вышел отец и, прищурившись, глянул на меня.

-Ну, что дождался, наконец? - с зевком спросил он.

-Ага! Вы опять от меня что-то скрываете! - разозлилась мама. - Я всегда все последняя узнаю. Юра, рассказывай немедленно, что опять Сашка придумал?

Батя пожал плечами и снова зевнул.

-А что рассказывать. Я недавно в гастрономе Олега Жилина встретил, тот и доложил, что Сашкец приходил к нему еще в июне, просил послать на учебу. Хотел рассказать тебе, да и забыл. А сейчас услыхал про повестку и вспомнил.

Услышав отца, мама сразу переключилась на него .

-Что тебе надо, ты все помнишь! А что касается родного сына, сразу забываешь! Даже до дома не донес!

Отец скривился и удрал к телевизору. Мама, забыв про меня, последовала за ним, продолжить свои нотации. Моя учеба в ДОСААФе ее уже не интересовала.

На следующее утро я подошел с повесткой к Наталье Петровне.

-Ну что же с тобой делать? - вздохнула она, - с военкоматом не поспоришь. Так понимаю, что расписания учебы у тебя нет. Поэтому с понедельника дам тебе пару отгулов. Надеюсь, за это время сможешь разобраться, что там и как. После отгулов придешь, мы график переделаем. Пусть Виноградов работает, свои грехи замаливает. Он пока холостой, дома жена с детьми не ждут.

Генка отреагировал гораздо эмоциональней на мой рассказ.

-Да, ты чо! И на легковую машину будешь учиться?! Ну, ты дал! Чего? Еще и мотоцикл? Охренеть, не встать! Нормалек, на шару три категории получишь. Ну, что делать, иди, учись, я в свое время не догадался такую штуку провернуть. Вообще. вам салагам везет. Я три года от звонка до звонка, лямку тянул. Вам всего два года служить придется. Не успеешь начать, а уже дембель.

Я слушал его и думал, как хорошо, что он послушал моего совета и послал приятеля с иконами подальше.

Взяли того через пару дней после моего звонка. Генку вызывали в милицию, правда, ограничились одним разом.

Я же после беседы с Неванцевым понял, что мне крупно повезло. Он конкретно ничего не рассказывал, скорее всего, сам ничего толком не знал, но намекнул, что эти придурики, до того, как обратиться к Виноградову, обошли всех кого могли. И в органах настойчиво ждали дурака, согласившегося взять злосчастные иконы. Но после моего звонка, решили больше с этим делом не тянуть.

Гена после похода в милицию пару дней ходил сам не свой, и неоднократно угрожал поставить мне бутылку за хороший совет. Думаю, если бы он знал о моем звонке, таким бы добрым не был.

Лена, узнав о моей учебе, особо не обрадовалась. У нее тоже с октября начинались занятия. И находить время для встреч стало трудней.

Еще в августе я побывал у нее дома, познакомился с ее тетей. Агафьей Тихоновной. Поначалу она отнеслась ко мне с подозрением. Но мне удалось втереться к ней в доверие достаточно быстро Для этого всего лишь стоило внимательно слушать пожилого человека и в нужный момент кивать головой.

В последнее время я приноровился в выходные дни приходить к ним с утра. Приносил с собой фруктовый тортик, очень уважаемый старушкой.

Затем мы втроем пили чай, под ее воспоминания. Потом мы с Леной удалялись в ее комнату, а Агафья Тихоновна, увлеченно занималась обедом.

Я же осторожно знакомил Лену с достижениями цивилизации в сексе. Нельзя сказать, что все продвигалось достаточно быстро, но все же прогресс был значительный. Девушка была поражена открывающимися перспективами, ведь при них можно было оставаться девушкой и главное, не беременеть. Об этом нам каждый раз напоминала тетя, когда мы вдвоем уединялись в комнате.

В понедельник седьмого октября, я, как образцовый допризывник, прибыл в ДОСААФ для прохождения обучения.

По пустынному двору гаража уже бродили такие же, как я парни, ежась от холодного ветра, Из открытых гаражных ворот доносился сочный мат водителей. На нас никто не обращал внимания. Постепенно все столпились у железной бочки, на которой было написано -курилка.

Вскоре завязались оживленные разговоры, перемежающиеся матерком.

Я же зашел в гараж, чтобы полюбоваться, на чем мне придется учиться.

Выбор откровенно не баловал. Два развалюхи 408 Москвича, такая же двадцать первая волжанка с отломанным оленем, и мотоцикл Урал с коляской. Зато грузовая линейка радовала глаз. И я сразу прикипел к новенькому Газ 66.

-Мда, не жалеет денег страна на учебу, таких машин в армии еще немного, а в ДОСААФ они уже есть. - думал я.

Подойдя к машине, не удержался и, забравшись в кабину сел за руль.

-Эх, были времена! - вспомнились мне девяностые годы, когда удалось за бесценок купить очень подержанную шишигу. Сколько лесных дорог на ней было пройдено. Сколько рыболов и охот. Я забирался на ней в такие дебри, что самому становилось страшно. К сожалению, с ростом цен на бензин, пришлось расстаться с этим транспортом и пересесть на снегоход с квадроциклом.

-Что, пацан, нравится техника! - крикнул снизу подошедший солидный мужчина лет под пятьдесят.

- Нравится, - сообщил я,. - Плохо только, нет подкачки шин, для военной машины это минус.

-Ни хера себе, - пробормотал мой собеседник. - Ты откуда такой вылез, знающий?

Я выбрался из кабины, и спрыгнув на бетонный пол сообщил:

-Вот, вылез из машины.

-Однако, я смотрю, ты шутник,- усмехнулся дядька. -А скажешь мне,

вот как эта штука называется? А эта?

С каждым моим ответом брови у мужчины поднимались все выше.

Нашу беседу прервал майор Жилин, зашедший на территорию гаража и сразу скомандовавший:

Учебная группа номер два ко мне, бегом марш!

-Извините, сказал я собеседнику. - Мне надо идти. С этими словами направился к собравшимся вокруг майора, парням.

Видимо, строить нас в шеренгу майору было влом, поэтому он сделал перекличку прямо так.

Все отвечали бойко, до одного момента.

-Иванов? - выкрикнул Жилин, но никто не ответил.

-Иванов? Мать твою! - крикнул он второй раз.

-Я, - раздался писклявый голос мелкого пацана, стоявшего рядом с майором.

-Головка от х.. , - высказался майор, потирая ухо.

Окружающие с минуту громко ржали, потом перекличка продолжилась.

Все же после переклички нас заставили построиться в одну шеренгу, да еще по росту.

-Товарищи допризывники! - обратился к нам майор.- Военкомат направил вас на учебу, для того, чтобы вы овладевали знаниями, и стали технически грамотными водителями, способными работать со сложной техникой. Партия и правительство уделяют большое внимание Вооруженным силам и мы, как весь народ должны ответить делом на такое отношение.

Тут он слегка убавил пафоса и уже тише добавил:

-Это я к чему говорю? Если хоть одна бл.. думает, что можно неходить на занятия, или приходить выпивши, то эта бл.. жестоко ошибается. Расплата будет быстрой. Ну да ладно. А сейчас представлю вам вашего руководителя, который будет у вас на весь период обучения.

Рядом с майором появился гражданский с которым я уже разговаривал в гараже.

-Зовут его Никулин Борис Ефремович , он будет преподавать вам правила движения, и устройство автомобиля. Шутить с ним не советую, шуток он не понимает.

При этих словах я хмыкнул про себя. По-моему Борис Ефремович вполне понимал шутки.

Жилин между тем продолжил:

- Надеюсь, что к моим словам вы отнесетесь серьезно, по-взрослому, и

мне не нужно будет делать оргвыводов ведущих к плохим последствиям для нарушителей дисциплины. Ну, а сейчас я передаю командование Борису Ефремовичу, а с вами прощаюсь.

С этими словами майор направился к выходу.

Парни в шеренге возбужденно загомонили.

-Маалчать! - негромко скомандовал Никулин, но так внушительно, что все моментально заткнулись.

Он открыл папку, переданную ему майором, и заговорил:

-Ребятки, вас тут девятнадцать человек, сейчас я назначу старшего и его заместителя, привыкайте сразу к армейской жизни.

Он начал внимательно разглядывать стоящих в строю парней.

-Вот, ты, - уткнул он в меня палец, - два шага вперед, шагом марш!

Я, почти строевым вышел вперед.

-Кто таков? - спросил преподаватель.

-Допризывник Александр Сапаров. - доложил я.

Никулин надел очки, и начал скользить пальцем по списку.

-Сапаров, Сапаров, ага, нашел, - сообщил он сам себе. Затем снял очки и растерянно глянул на меня.

-Слушай, паренек, тут написано ты барменом работаешь, это правда?

-Бармен, бармен, - полетел шепоток по шеренге.

-Так точно, Борис Ефремович, - отрапортовал я.

Тот ухмыльнулся.

-Ну, и жизнь пошла, бармены учиться на военных водителей собрались! Как это тебя военкомат выщепил?

-Меня никто не выщеплял, сам напросился, - сообщил я.

По шеренге пронесся вздох удивления.

-Так, так, хорошо, - задумчиво произнес Никулин. - Назначаю тебя старшим группы, твои обязанности обговорим на перерыве, А заместителем к тебе пойдет, пойдет. Опять скользил он пальцем по списку.

- О! Пойдет Иванов!

-Иванов, два шага вперед, шагом марш!

-Когда нескладный паренек, метр с кепкой ростом рванул вперед, это было так смешно проделано, что никто не мог удержаться от смеха. Даже Борис Ефремович улыбнулся в густые усы.

-Мда, пацан, - сочувственно подумал я. - Похоже, ты будешь у нас штатным комиком.

В этот день Никулин нас продержал только до обеда. После небольшого перекура мы зашли в учебный класс. Большое помещение было увешано плакатами с чертежами машин, двигателей в разрезе и

прочими учебными пособиями. После того, как мы расселись за столами Борис Ефремович начал разговор с правил движения.

У половины пришедших не оказалось с собой тетрадей и ручек. Поэтому под запись он ничего давать не стал и в двенадцать часов объявил, что все свободны, кроме Сапарова.

Расписание учебы оказалось неплохим, все же оно составлялось для работающей молодежи. В основном мы должны были заниматься вечерами, и в рабочие дни. Только вождение планировалось в дневные часы.

Как я и предполагал, обязанности старшего, ничего из себя страшного не представляли. Нужно было вести журнал посещений, докладывать о готовности к занятиям. А заместитель назначался на всякий пожарный случай.

Никулин вводил меня в курс дела, когда мы остались вдвоем. Остальные ребята, по быстрому разбежались, боясь, что преподаватель передумает и оставит их еще до вечера.

- Твой отец, наверно, водителем работает? - ненавязчиво поинтересовался он, напоследок.

-Нет, он тренер, лыжников тренирует, - ответил я.

-Хм, странно, где ты знаний нахватался? - удивился пожилой механик.- Обычно к нам ребята приходят ни уха, ни рыла, трамблер от стартера не отличат. А бендинкс в выхлопной трубе ищут. Слушай, может, ты еще и машину водить умеешь?

-А где моя не пропадала! - подумал я и признался. - Конечно, вожу, все, от мотоцикла до грузовика. Ну, для шишиги нужно чуток потренироваться, давно за ее руль не садился. А волжанку, хоть сейчас, без проблем.

-Ха-ха, ха, - заливисто засмеялся Борис Ефремович, - Натуральный шутник, Ха, давно он за рулем шишиги не был! Ну, уморил, пацан, уморил! Ты ее младенцем водил что ли?

Слегка успокоившись, он, став серьезней, сказал:

-Все же ты парень наглец, поэтому сейчас мы с тобой пойдем в гараж, там, на деле продемонстрируешь свои навыки.

Я ничего говорить не стал, поднялся и направился к дверям.

Никулин, улыбаясь, направился вслед за мной.

В гараже за небольшим столиком три водителя играли в карты. Они с недоумением встретили наше появление.

-Ты, чего Ефремыч, с проверкой к нам решил зайти? - спросил один из них.

-Да, нет, посмотреть хочу, как один наглый малолетка будет

выкручиваться, ухмыляясь, ответил тот.- Сейчас он нам покажет класс вождения легкового автомобиля.

-Ну, выбирай, какую машину будешь ломать? - обратился он ко мне.

Я молча уселся в Волгу. Один из водителей тут же уселся рядом со мной на пассажирское сиденье и неожиданно приободрил меня:

-Не ссы, парень, смелость города берет, в случае чего я подстрахую, ты только не газуй сильно.

Я подергал ручной тормоз, все ясно, что есть, что нет. Ключ зажигания был в замке.

-Заводили сегодня? - спросил я на всякий случай. Водитель отрицательно качнул головой. Я до отказа вытянул подсос, завел двигатель. На удивление, он схватился сразу, чего я от этого старья не ожидал.

Подождав пару минут, убавил обороты и аккуратно выехал задним ходом из гаража. Там остановился и, открыв дверь, спросил у Никилина

-Куда поедем?

Тот, заинтересованно смотря на меня, сказал:

-Не надо никуда ехать, и так все понятно. Ну, на всякий случай, загони машину обратно в гараж, вон туда между буханками.

Я вышел из машины и посмотрел, куда меня просят ее поставить, и мысленно поежился.

-Однако, Никилин, мужик! Не боится экспериментов, - решил я и снова уселся за руль. Заезжать в получившуюся нишу нужно было задом. Иначе после заезда двери не удалось бы открыть с обеих сторон. Я проехал немного вперед, и маневрируя задним ходом подъехал к нужному месту и затем аккуратно втиснулся между УАЗами, так, чтобы можно было выбраться из машины.

-Охренеть, не встать, - сообщил раскрасневшийся Борис Ефремович, после того, как я вылез из кабины и подошел к нему. - Может, ты нам еще покажешь, как на шестьдесят шестом надо рассекать?

-Ефремыч, хорош, не заводись! - предупредил его водитель, садившийся со мной в машину. - В тот раз Урал танком из кювета вытаскивали. Как бы сейчас снова не пришлось его с консервации снимать.

-Брось Серега! Ты видел, как пацан волжанку загнал? Повторить сможешь? - отмахнулся от него разошедшийся механик.

Я мысленно усмехнулся.

-Может сможет, а может, и нет. Ну, нет сейчас надобности в такой парковке. Машин мало, их можно ставить, где хочешь. Никто и не парится.

Водитель Серега ничего не сказал и с мрачной рожей отошел в сторону.

Я забрался в шишигу, на этот раз на место инструктора сел сам Никулин.

-Давай заводи, выезжай из гаража, на пустыре прокатимся, оценим твое умение, - сказал он.

-По пустырю, так пустырю, - подумал я. - Это тебе не форсировать разлившуюся реку в полтора два метра глубиной, или по лесным колдобоинам шарахаться.

Когда под боком заработал мощный мотор, настроение резко скакнуло вверх.

Выехав из гаража, я лихо крутанул руль, и мы промчались в распахнутые настежь ворота. Никулин сидел молча и напряженно глядел вперед.

Сразу за воротами мы выехали на огромный пустырь, на котором не было ни души.

-Давай, на ту трассу, - нарушил молчание Борис Ефремович.

Я, не снижая скорости, переложил руль, и мы помчались по накатанной грунтовой дороге, следя ее причудливым изгибам. Катались мы минут десять, не больше.

Когда я загнал машину в гараж, водителей там уже не было. Никулин выбрался из кабины и, кряхтя, сполз по колесу на пол. Похлопал по карманам и, вытащив пачку Беломора, закурил.

-Ну, и что прикажешь с тобой делать? - спросил он после очередной затяжки.

-Понять и простить? - сообщил я в ответ.

-У тебя все хиханьки, да хаханьки! - рассердился механик. - А я серьезно спрашиваю. Если ты еще правила так же знаешь, можешь хоть завтра экзамен сдавать.

-Не получится, Борис Ефремович, годков мне маловато, в феврале только восемнадцать исполнится, - признался я. - Так, что буду, как все на занятия приходить. Тем более, что вы мне нагрузку повесили, Журналы заполнять, да постукивать, кто занятия пропускает.

Никулин нахмурился.

-Но, но, ты язык то свой укороти, ишь, разговорился. Молод еще взрослым указывать. Мало тебя отец порол, - сообщил он и добавил. - На сегодня все, можешь топать домой, а я подумаю, что с тобой делать.

-Отлично, - подумал я и потопал, только не домой, а в ближайшую столовую. На сегодняшний день у меня еще оставались планы.

Обед в столовке был, конечно, не такой, как на работе, но и стоил он всего сорок пять копеек. Полпорции щей, котлета с пюре и подливой,

стакан компота и черный хлеб бесплатно лежащий на тарелке посреди стола.

Подкрепившись, отправился заниматься тем, чем никогда не приходилось заниматься в первой жизни, пошел снимать квартиру. Дело в том, что мне довольно быстро надоело общество Агафьи Тихоновны, к тому же дверь в комнату Лены не имела заложки и тетка могла в любой момент проверить, чем мы занимаемся. И с этим надо было что-то решать.

Бродить по улице, как в первой жизни, совершенно не хотелось. В этом вопросе молодое тело не могло победить сознание старика, давно отвыкшего от такого времяпровождения. Короче, я хотел встречаться с девушкой в комфортной обстановке.

Снять квартиру в эти годы было достаточно трудно, просто потому, что их было крайне мало. Нет, в частном секторе, на окраине города, на чердаке, пожалуйста, за десятку в месяц. Но там не было удобств, зато имелась, как правило, очень внимательная и дотошная хозяйка, мимо которой не пройдет ни один гость.

Но сейчас я шел по наводке Виноградова с надеждой, что у меня все получится.

В подъезде пахло знакомым запахом. Вот уже несколько лет, как пригородный совхоз договорился с горсоветом и в результате этого договора на каждом этаже жилых домов стояли ведра для пищевых отходов.

Жильцы первое время были довольны таким нововведением, благодаря ему не надо было таскаться на улицу к контейнеру, куда теперь несли только мусор, да всякое старье.

Однако совхоз крайне редко забирал эти отходы, и их амбрэ разносилось по всем квартирам. У нас в подъезде батя выкинул эти ведра сразу, как начались проблемы с их забором.

Поморщившись, я забежал на четвертый этаж и позвонил в нужную дверь.

Через мгновение послышались шаги, и дверь открыли, не спрашивая, кто пришел. На меня с удивлением смотрел усатый мужичок в тельняшке и трусах.

-Тебе чего, пацан? - спросил он с удивлением.

-Я от Виноградова, насчет квартиры, - сообщил я. Густой аромат перегара, распространившийся по площадке, заглушил запах гниющих картофельных очисток и прочих деликатесов.

-Заходи, - скомандовал усач и повернулся, пропуская меня в квартиру.

Я зашел, оглядываясь по сторонам. Квартира особо не радowała.

Запущенная однушка, с совмещенной ванной и туалетом. Дровяная колонка. На кухне дровяная плита соседствовала с газовой. Сама плита была закрыта газетами и на ней выстроились пустые бутылки.

-Чёт ты больно молодой, пацан? - с подозрением глядя на меня, поинтересовался мужик. - Мне Геныч говорил, что напарнику квартира нужна.

-Так я и есть напарник, мне и нужна квартира.

-Понятно, - протянул коротыш. - Выпьешь со мной?

-Не могу, отказался я. - Мне еще на работу идти, директорша унохает, премии лишит.

-Да, премия, это серьезно, -согласился собеседник. -А я, пожалуй выпью, через день в рейс идти, на судне политрук, сука, все нычки проверит, придется до порта сухой закон блюсти.

Он взял наполовину пустую бутылку Столичной и набулькал себе четверть стакана. Одним махом проглотил содержимое и заел соленым помидором.

Ты, пацан, плохого не подумай, - сообщил он мне. - С квартирой все тип-топ. Я как в рейс уйду, раньше весны меня не жди. Тебе Виноград сказал, сколько за месяц платить?

Я кивнул.

Хозяин квартиры продолжил:

- Конечно, я Генычу доверяю, но ты уж извини, покажи паспорт на всякий случай, а то, вдруг, ты мне все втираешь, и прописки у тебя нет. Мне проблем с участковым не надо.

Я достал паспорт и показал ему.

-Хм, я думал ты из района приехал, поэтому квартира нужна, а ты, оказывается, городской. Чего с родителями то жить не хочешь?

-Да тяжело с ними жить,- "признался" я. - Того нельзя, этого не делай. Надоело!

-Эх, пацан,- тяжело вздохнул мужик. - Дурак ты полный. Поймешь это, когда не будет у тебя ни отца, ни матери. Всю оставшуюся жизнь жалеть будешь, плакать, что лишний раз им ласкового слова не сказал, с матерью, по-человечески не попрощался. А исправить уже ничего нельзя.

Он всхлипнул и, пустив слезу, сказал:

- А, блин, давай, за родителей, выпьем! Давай! Негоже русскому человеку от такого тоста отказываться.

Он решительно разлил оставшуюся водку в два стакана.

Я вздохнул и взялся за стакан.

Мы выпили, потом он показал мне все, что нужно, дал запасные ключи

и даже познакомил с соседями, во избежание так сказать.

За квартиру он не волновался, запущена она была по самое не могу.

Почему, я был в курсе, Гена рассказывал, что жена у Михаила умерла в родах, и он с прошлого года забил на все. Хорошо еще, что на работе держится.

Пообщавшись еще немного, я ушел, оставив хозяина собираться в рейс.

Всю следующую неделю пришлось пахать, как папа Карло. Работа, вечерами учеба, а в короткие свободные часы нужно было контролировать ремонт в квартире.

Гена Виноградов подогнал пару халтурщиков, они все делали относительно дешево, но требовали постоянного контроля. Вообще, наблюдая за ними, я понял, что корни Джамшудов растут из этого времени.

Ведь прошло почти шестьдесят лет, а халтурщики, так и остались халтурщиками, только назывались они теперь студиями дизайна, или еще чем-нибудь громким.

Худо ли, бедно, но за неделю были переклеены обои, побелен потолок, покрашены масляной краской полы. И даже в туалете заменен унитаз. В магазинах его было не купить. Мужики долго не признавались, откуда его тиснули, но потом все же сообщили, что стащили унитаз вместе с бачком из обкома партии, где тоже шел очередной ремонт. Из того же обкома стащили и плитку для ванной комнаты.

Я получил от хозяина карт-бланш на снятие с кухни дровянной плиты, но, подумав, решил ее разобрать и сложить небольшой камин. Чем и занимался несколько вечеров подряд.

Соседка, баба Шура проявила недюжинную любознательность и тоже следила за ходом ремонта. Увидев мой камин, она долго его разглядывала, а потом попросила сложить ей такую же штуку.

- Зимой сяду у огня, буду косточки греть, - сообщила она.

Ссориться с ней не хотелось, поэтому пришлось пообещать сложить такой же камин, но после того, как разберусь со своими делами. Мама несколько раз интересовалась, почему от меня несет краской, пришлось отговариваться ремонтом на работе. Хорошо, что она не проверяла мои слова.

Но, наконец, с ремонтом было покончено, и в первый же воскресный день я пригласил Лену в кино. В кинотеатре "Победа" вторую неделю шел фильм Клода Лелюша "Мужчина и женщина". Именно на него я и взял билеты. Сюжет фильма был весьма мелодраматичен, поэтому, когда мы вышли из кинотеатра, Лена комкала в руках мокрый носовой платок.

- Пойдем, ко мне в гости, - предложил я, как бы между делом.
Лена явно испугалась.

-Нет, я твоих родителей стесняюсь, и вообще, я не одета для гостей, -
все еще шмыгая носом, начала она возражать.

-Не бойся, - начал успокаивать я. - Родителей дома нет, так, что
посмотришь, как я живу.

-Ладно, пошли, - согласилась Лена. - а точно родителей нет дома? Ты
не сочиняешь?

-Точно, - засмеялся я. - Точнее не бывает.

-Сапаров, ты, куда меня привел? - возмущенно воскликнула Лена,
когда я закрыл за нами входную дверь.

-Леночка, не волнуйся, все под контролем,- начал я нести всякую
чушь, одновременно снимая с девушки пальто.

-Не надо, - слабо сопротивлялась она, - у меня платье не то надето.

-Перестань, ты в любом платье красива, - сообщил я, разбираясь с ее
шапкой и шарфом.

Проходи, пожалуйста, в мое скромное жилище, - продолжил я, когда
наша верхняя одежда была повешена на вешалке.

Жаль, что Лена не видела, как выглядела квартира до ремонта и не
могла оценить мои старания.

-Так ты тут живешь? - удивилась она. - Почему же мне раньше не
рассказывал?

-Почему, почему, - мысленно передразнил я девушку. - Да потому, что
не о чем было рассказывать.

-Нет, ты точно сумасшедший! - выдохнула Лена, услышав причину,
заставившую меня снять квартиру.

Тем не менее, отсутствием любопытства она не страдала и сунула свой
носик во все углы.

Увидев на кухне камин с лежавшей рядом охапкой дров, Лена на миг
потеряла дар речи.

-Он настоящий? - недоверчиво спросила она.

-Конечно, - заверил я. - Зря, что ли дрова здесь лежат. Ты пока посиди
на диване, можешь телевизор включить, мне надо немного похозяйничать.

Лена уселась на диван, я включил ей старенький Рекорд и ушел на
кухню.

За окном потемнело, шел дождь вперемежку со снегом.

Я, тем временем накрывал стол. Затопив камин, прошел обратно в
комнату.

Ленка, в глубокой задумчивости, забралась на диван с ногами, в руках

у нее был розовый тапок.

-Лен, очнись, - шепнул я, целуя ее в ушко. - Пойдем, я приглашаю тебя к праздничному столу.

Девушка подняла на меня глаза.

-Саша, эти тапочки совсем новые, даже этикетка не снята. Ты для меня специально их купил? - спросила она. - Зачем ты это делаешь?

-Вот, что спешка делает, - подумал я, - забыл про этикетку.

Вслух же подтвердил ее предположение, помог ей подняться с дивана и увлек за собой на кухню.

Зайдя туда, девушка ахнула и застыла у дверей. Еще бы! Я очень старался. На улице стемнело еще сильней. Свет на кухне был потущен. Мягко потрескивали поленья в камине, отсвечивая багровыми бликами на стенах. На столе в двух подсвечниках горели свечи.

Центральное место там занимала бутылка шампанского, рядом стояла бутылка Токайского вина. Зефир, открытая коробка конфет, апельсины, довершали композицию. Как ни странно, но у хозяина в серванте оказались хрустальные бокалы, которые сейчас также стояли на столе.

-Прошу к столу, моя хорошая, - сказал я, отодвигая для нее стул.

Лена, совсем не такая, как на работе, вся домашняя, с заплетенной косой, в простеньком платье и шерстяной кофточке, робко уселась за стол.

Открыв шампанское, я наполнил бокалы и предложил тост.

-Давай, выпьем за то, чтобы в нашей жизни все получалось, и чтобы наши мечты сбылись.

Про себя же я думал:

-А в прошлой жизни, я сейчас сидел и на листе ватмана делал задание по начерталке или мусолил учебник Фихтенгольца. Нет, уж повторять ту жизнь я не буду!

-Прошел час, Бутылка шампанского опустела. Из списанного магнитофона Язуа, доносилась негромкая музыка. Мы в комнате танцевали босиком медленный танец. Лена в одной комбинации, я в одних трениках, поэтому шторы на окнах были наглухо закрыты. Периодически мы целовались и прижимались друг к другу. Она уже не просила выключить свет, как делала это, когда я еще за столом начал расстегивать ее кофточку.

-Саша, - обратилась она ко мне, когда закончилась музыка, и мы плюхнулись на диван, - Ты, наверно презираешь меня?

За что? - спросил я.

Она замялась.

-Ну, мы с тобой делаем ужасные вещи, я, наверно, не должна была соглашаться на них. Мне так стыдно, просто кошмар.

-Перестань говорить глупости, - тихо сказал я, закрывая ей рот поцелуем. - мы ничего плохого не делаем, и ни перед кем не должны отчитываться за наши поступки.

-Ты, странный, совершенно не похож на своих сверстников - сказала девушка, - я рядом с тобой чувствую себя маленькой девочкой, хотя старше на год. Почему так происходит? И еще, я знаю, ты меня не любишь.

-Почему?

-Потому, что ты делаешь в постели все, чтобы мне было хорошо, но я до сих пор остаюсь девушкой. Значит, ты считаешь невозможным связать со мной свою жизнь.

Слова Лены прозвучали холодным душем. Она ведь была права. Мне совсем не хотелось брать на себя какие -либо обязательства.

На миг я разозлился.

-Ну, что тут будешь делать, думал, что делаю доброе дело, а оно мне боком вылезло. Женскую логику мужчинам не понять. Но доказывать, таким образом, свою любовь сегодня все равно не буду, - думал я

-Лена, солнышко мое, ты неправа. Ты прекрасно понимаешь, что сейчас мы не можем быть вместе. Тебе надо учиться, Меня в следующем году заберут в армию. Жизнь сложная штука, всякое может случиться за это время. Давай не будем спешить. Время все расставит по местам, - уговаривал я свою студентку.

Говоря эти слова, мысленно смеялся над собой.

-До чего же ты Саня дошел, для своей девушки роль мамы выполняешь, уговариваешь не торопиться, вместо того, чтобы заняться настоящим мужицким делом. Тебе ведь все давно разрешили. Но вот дети сейчас совершенно были бы некстати.

Закончив свои проникновенные речи, я опустил с плеч Лены тонкие бретельки комбинации и принялся целовать ее грудь.

К сожалению, время шло неумолимо. Лене нужно было идти домой, собственно, как и мне. Она хотела помочь в уборке остатков пиршества, но я убедил девушку, что завтра загляну сюда и сам все сделаю.

Улица встретила нас все той же непогодой. На нашу удачу, почти сразу навстречу выехало такси с манящим зеленым огоньком. Усевшись на заднее сиденье, я сказал водителю адрес и обнял спутницу.

Водитель глянул на нас в зеркало, ухмыльнулся, включил счетчик, и нажал на газ.

Ехать было всего ничего. Когда машина остановилась, я попросил водителя подождать, и хотел положить на сиденье часы, как залог возвращения.

На этот жест шофер сморщился и сказал:

-Иди, а то девица сейчас убежит. Подожду, сколько нужно. И часы забери, знаю я вас обоих.

В подъезде мы в последний раз поцеловались, и Лена торопливо застучала каблучками вверх по ступенькам. Я же вернулся в такси и назвал следующий адрес.

-Что-то рановато сегодня с работы, - как бы между делом произнес водитель.

-Да, нет у нас сегодня выходной, в кино просто ходили, - сообщил я.

-Понятно, - сообщил собеседник. - Значит, отбил девку у Таракана?

В ответ я промолчал, только пожал плечами.

-Вот же городишко, - раздраженно пролетела мысль. - Куда не сунься, все тебя знают.

-А чего злишься? Сам ведь этого хотел, - моментально пришел в голову ответ на эту мысль.

Видимо водитель понял мое нежелание говорить на эту тему, поэтому перешел на рассказ о трудностях таксерской работы.

Когда мы подъехали к нашему дому, на счетчике натикало рупь девяносто. Я широким жестом выложил на сиденье трешку, и вышел из машины.

-Эй, Сашок, погоди, - остановил меня шофер. - говорят Таракан все еще хочет с тобой поквитаться. Ты бы осторожней по городу вечерами бродил.

-Спасибо за предупреждение, - поблагодарил я и зашел в подъезд.

-Ну, и где ты весь день болтался? - такими словами встретила меня маман. - Какая нужда по улицам по такой слякоти бродить. Тебе девчонку свою не жалко?

-Ну, мама, мы в кино ходили на "Мужчину и женщину", потом у Лены дома были, Агафья Тихоновна нас обедом кормила.

Мама тяжело вздохнула.

-Саша, когда ты у меня повзрослеешь. Разве можно целый день в гостях сидеть у пожилого человека. Ей, что, больше делать нечего, как недоросля развлекать.

-Юра, ну скажи хоть ты ему, что нельзя быть таким эгоистом, - повернулась она к отцу, безучастно слушавшему наш разговор.

Батя мечтательно вздохнул и сказал.

-Знаешь, Марина, я тут не удержался и как-то зашел в шашлычную.

-И что?

-У нашего сына губа далеко не дура, - сообщил папахен и снова

мечтательно вздохнул.

-Не поняла, - нахмурилась мама.

-Чего же тут не понять, - сказал отец. - Софи Лорен рядом с этой девчонкой делать нечего. Оказывается, мы своего сына совсем не знаем. Все за мальчишку держим. А он у нас, орел!

-Это как понимать? - начала маман строить из себя дурочку.

-Марин, перестань. Все ты поняла, - улыбнулся отец. - Меня тогда, как пыльным мешком из-за угла стукнули. До сих пор не верится, что Сашка с такой красоткой гуляет.

Тут он спохватился, вспомнив, с кем говорит, и попытался исправить свою ошибку.

-Ну, она почти, такая же красивая как ты двадцать лет назад.

-Все, батя попал, - понял я и попытался смыться к себе. Попытка удалась, маман переключилась на отца и сейчас выясняла, почему это она сейчас не так красива, как двадцать лет тому назад.

Следующим утром, идя на работу, я обдумывал каким образом еще немного заработать. Ведь доходы резко упали с началом учебы. Вечерами мне удавалось работать только в выходные дни. А именно вечера давали большую часть дополнительных средств. После съема и ремонта квартиры мои накопления упали до нуля, однако, я уже привык, что в кармане всегда имеется какая-то копейка. Сильно бодяжить коктейли и недоливать спиртное мне не хотелось. Испорченную репутацию уже не исправишь ничем. Чаевых днем давали мизер. Основную долю получал Гена, работавший вечерами. Поэтому я решил, что приму предложение Валеры Незванцева, сделанное еще месяц назад.

Тогда он с комсоргами обсуждал итоги очередного комсомольского собрания. По завершению прений, Валера попросил меня остаться.

Когда мы остались одни, он встал, прикрыл плотнее дверь кабинета и начал говорить.

- Александр, я не слепой и давно заметил твой реальный взгляд на нашу действительность. Наталья Петровна тобой довольна. Недавно, так и сказала, Сапаров - наш человек. Я тоже, честно говоря, не ожидал от тебя такого профессионализма в комсомольских делах. Короче, есть деловое предложение, - с этими словами Валера выложил на стол пачку сигарет Кэмел.

-Понятно, - прервал я его. - Мне это не нужно. Продавать левые сигареты, не собираюсь.

Незванцев снисходительно улыбнулся.

-Ну, какие же они левые. Закуплены в Финляндии, официально

Минторгом республики, по разнарядке выделены тресту. И официальная цена у них имеется.

-Поэтому их в свободную продажу не пускают, и продают по блату нужным людям, - закончил я.

- Правильно, - подтвердил мои выводы Валера, - Только ты не представляешь, сколько сигарет лежит на складе. Их там еще лет пять будут таким макаром продавать.

Я ехидно улыбнулся.

-Так в чем же дело, отправьте по торговым точкам, через пару дней все расхватывают. Даже с тройной наценкой.

Вот именно, с наценкой,- сказал Валера. - Тебе они уйдут по полтора рубля, за сколько ты будешь их продавать, нас не волнует.

- Интересно, - думал я, - По-видимому, есть неучтенные сигареты, которые и собираются продавать. Иначе они бы шли обычным путем, накладные, склад и прочие формальности. Учитывая, что со мной разговаривает сексот, КГБ в курсе происходящего.

-Хорошо, Валера, я подумаю над этим предложением, и мне бы хотелось знать, как этому вопросу отнесется наш общий знакомый, - ответил я.

-Думай, только недолго, - равнодушно сказал Незванцев. - а знакомый нормально отнесется.

Придя на работу, я позвонил по знакомому номеру. По голосу Валеры было трудно понять, обрадовался ли он моему звонку. Но поскольку у нас уже появлялись посетители, гордо выкладывающие на стойку пачку американских сигарет, и интересовались покупкой, было понятно, что где-то ими уже торговали.

-Хорошо, - сказал он. - Забеги ко мне в обеденный перерыв. Обговорим детали.

В обед, быстро поев, я отправился в трест. Здороваюсь по пути со знакомыми, зашел к Незванцеву.

Беседовали мы с ним недолго, уяснив расклад, я пошел обратно на работу.

Через час меня вызвала к себе Наталья Петровна и провела еще один инструктаж, сообщив, что уже завтра привезут первую коробку сигарет. Деньги, полученные от их продажи, нужно было сдавать ей лично в руки, оставляя себе все сверх оговоренной суммы.

Вечером, когда я пришел на занятия меня ожидал небольшой сюрприз.

-Слушай, Сашок, - обратился ко мне Борис Ефремович с просительным выражением лица. - Тут такое дело, я заметил, как ты

Петровичу помогал в гараже. Руки у тебя из правильного места растут. И в моторах волокёшь. Петрович, хрен моржовый, раскидал движок с УАЗа и запил. Коленвал я в расточку отправил, его завтра, послезавтра должны привезти. Там еще гильзы надо поменять, кольца ну и по ходу дела сальники там заменить. Может, займешься этим делом, а я тебя от занятий освобожу, чего тебе на них зря штаны протирать.

-Блин! Как же я забыл, что здесь практически армия и инициатива наказуема, - с досадой подумал я. Сидеть вечером в гараже и возиться с железяками совсем не хотелось.

На кой хрен сунулся помогать? Сидел бы лучше за столом в учебной комнате, да глазами лупал по сторонам.

Борис Ефремович, у нас ведь пока не коммунизм, - сообщил я механику. -Каждый труд должен быть оплачен по справедливости.

Ефремович почесал затылок.

-Да, я в общем и не против, давай я завтра с утра переговорю с начальством, если даст добро мы с тобой договорчик составим на ремонт, рублей на сто. Потянет такая сумма?

-Потянет, - признался я, думая в этот момент, что лучше сто рублей, чем ничего.

Хотя если бы движок для переборки отвезли в Сельхозтехнику, там бы с ДОСААФа слупили бы рублей четыреста.

-Только мне инструмент нужен, одной кувалдой не обойтись, - добавил я.

-Будет тебе все, будет родной! - сообщил Ефремович.

-Ишь, как тебя прижало, - удивился я про себя. - Что-то Боря мудришь, жаль, все водители уже слиняли, не узнать с чего это Ефремыч такой ласковый.

Следующим вечером, меня уже ожидал напечатанный договор, в котором я обязался перебрать уазовский двигатель.

Водители, присутствовавшие при этом эпохальном событии, ходили с кислыми рожами, зато Ефремович буквально сиял от удовольствия. Только сейчас меня осенило, в чем, собственно, дело. Мужики не хотели браться за работу по дешевке. А я получается, по незнанию влез в это дело за копейки, и помочь теперь от них ждать не приходится. Но деваться было некуда, обещал, так обещал, и договор пришлось подписать.

Когда Ефремыч ушел, один из водителей громко высказался:

-Откуда ты такой шустрой выполз, перебил нам всю малину, мать твою!

Я с покаянным видом сообщил:

-Мужики, так получилось, извините, меня Ефремович уговорил. Откуда же я знал, что он вас динамит.

-Простите, не отдалаешься, - мрачно заявил второй воитель постарше.

-Без проблем, - заявил я, - Как только закончу с движком, накрываю поляну.

-Ты смотри Жека, - воскликнул первый водитель. -Понимающий пацан попался. Далеко малый пойдешь, если милиция не остановит.

Я давно не занимался подобной работой. Поэтому сборка заняла у меня несколько вечеров. Так, как все крутилось вокруг коленвала, пришлось ждать его появления.

Водилы, сопровождавшие ехидными комментариями мои труды, постепенно заглохли. И даже откликались на просьбы, что-нибудь придержать, или помочь поднять.

Ефремович, похоже, тоже не очень мне доверял, поэтому при свободной минутке, приходил глянуть, как у меня идут дела.

Когда он трясущими руками выдал мне завернутые в промасленную бумагу вкладыши, то сразу предупредил.

-В гараже нигде не оставляй. Носи с собой, пока по месту не поставишь.

Я же в это время с любопытством оглядывал его кандейку, где на полках лежали запчасти, составлявшие предмет мечтаний тогдашних автолюбителей. Увы, несмотря на то, что автомашин в стране было мизер, запчастей к ним было еще меньше.

Увидев мои любопытные взгляды, механик быстро погнал меня оттуда, тщательно закрыл дверь на два замка и, завязав веревочки, шлепнул на них пластилиновую печать

Все бы было неплохо, но с утра надо было идти на основную работу. А там мне нужно было иметь ухоженные, чистые руки с аккуратно подстриженными ногтями.

Поэтому утро у меня начиналось с мыльно-содовой ванночки для рук. Не будешь ведь подавать посетителям коктейли грязными руками да еще с черной каймой под ногтями

Но все же ремонт был закончен. С помощью тали, мотюгов, и известной матери, движок был затолкан на место.

Некоторые торопыги подбивали сразу его и опробовать. Но меня одолевали сомнения. Вкладыши я затянул вроде, как надо, но коленвал практически не проворачивался, что наводило на всяческие подозрения.

-Херня! - заявил Жека, - стартером провернет.

-Помолчал бы, сынок,- сказал механик, - ты уже допроворачивался.

Кто двигатель на сухую завел, не ты ли? По идее тебя надо было бесплатно заставить все сделать. Так, ведь тебе доверить ни хрена нельзя.

-Не мужики, давайте лучше на холодном двигателе УАЗ потаскаем, - предложил я. - Надежней будет.

Молчание было знаком согласия.

В девять часов вечера на тускло освещенном единственным фонарем гаражном дворе мы начали кругами таскать еще не старый уазик. Я сидел за рулем шишиги, а Ефремович в УАЗе.

Остальные водители давно отправились по домам.

Минут через двадцать я остановился. Борис Ефремович тоже выскочил из кабины и доставал из кармана новые свечи.

-Давай, вкручиваем и заводим, - предложил он.

Машина завелась без проблем.

-Вроде клапана на третьем цилиндре постукивают, - озабоченно сообщил Ефремыч. - Ладно, на сегодня все. Поехали домой, я сегодня с тобой и так задержался. Завтра доведешь все до ума, я подпишу акт выполнение работ, и можешь в бухгалтерию дуть за деньгами.

-Ага, задержался ты, - подумал я, - ты в десять вечера только должен нас с учебы отпускать, а на деле мы уже дома в девять часов.

Через день я нашел время и получил свои семьдесят с чем-то рублей и отправился в магазин, поливая матом советское законодательство. Ведь совсем выпустил из вида, что у меня высчитывают два налога, подоходный, и за бездетность. Возмущенные возражения, что мне нет восемнадцати лет, не произвели на кассира никакого эффекта.

-Разбирайтесь с бухгалтером, начисляющим зарплату, - сообщила она равнодушно.

Желания терять время на разбирательства из-за семи- девяти рублей, не было, а обеденный перерыв уже подходил к концу.

Вечером, когда я зашел в гараж и многозначительно позвенел сеткой, там раздались одобрительные возгласы. А когда из сетки появились три бутылки водки и закуска, аплодисменты перешли в бурные овации.

Чего было не отнять у водителей, так это умения организовать стол. Уже через пару минут рабочий верстак был застелен газетами. На них один из водил резал тонкими пластинками розовое сальцо, пахнущее чесноком и свежий черный хлеб. Соленые огурцы были вывалены из банки в жестяную миску, а когда в такую же миску я вывалил полбидончика шашлыка, на миг наступило молчания.

-Шоб я так всегда жил, - сказал только что вышедший из недельного запоя Петрович, нарушив тишину. - Саня, да мы так не пили никогда.

Краюшка черняшки в радость была, рукавом занюхаешь, да сухарик пожуешь.

Он одним движением раскрутил бутылку и удовлетворенно крякнул, глядя на кружасиеся в ней пузырьки. После чего опытной рукой разлил бутылку по стограммовым стаканчикам.

-Ээ - ребята! Вы что тут устроили за представление? - раздался голос Никулина, бесшумно подошедшего к нашей компании.

-Так, вот, Санек нам угощение выставил - заявил нисколько не смущившийся Петрович.

-Борис Ефремович свирепым взглядом уставился на того.

-Ты б... п... еб... м.... совсем ох ..л, заорал он. -Неделю гулевонил, и опять хочешь нажраться, пошел отсюда на х..

Он спихнул Петровича с табуретки и уже спокойней предложил тому.

-Ты сегодня отдыхаешь, иди лучше покарауль, чтобы кому не надо не заходили

После этого он взял оставшийся налитый стакашек, и предложив выпить за здоровье всех присутствующих, ловко опустошил его одним глотком.

Что для четверых мужиков и примазавшегося меня, три бутылки, через сорок минут Жека уже бежал в ближайший гастроном за добавкой.

-Вот, оказывается, чего мне не хватало! - думал я, выходя на улицу. - Обычного мужицкого трепа, о машинах, работе и о бабах, конечно.

В этой кампании скидку на возраст не делали.

В голове слегка шумело. Я хоть и старался пить немного, но все же ухитрился опьянеть. Мужики пошли на второй заход, я бы с удовольствием остался, но домой надо было прийти трезвым, если мама унюхает запашок будет скандал.

Мне повезло, потому, как шел какой-то фильм по телику, и мама даже не вышла из комнаты, только крикнула, что ужин на столе.

-Может, признаюсь, что я снимаю квартиру и хочу пожить один, - в который раз подумал я. Но представив предстоящий скандал, опять, малодушно, оставил этот вопрос на потом.

Ноябрь принес ранний холод и снег. Седьмого числа, задул резкий ветер, и температура опустилась до двенадцати градусов мороза. Но демонстрацию никто не отменял. Я, носился, как савраска вдоль формирующейся колонны нашего треста и раздавал плакаты с членами Политбюро и ЦК КПСС. Несмотря на морозец, спина была уже взмокшая.

Получил я наглядную агитацию еще вчера у Неванцева. Огромная комната была завалена плакатами, лозунгами и прочими атрибутами.

Хорошо, что нам выделили грузовую машину, иначе весь этот хлам было не увезти.

К сожалению, приходилось отрабатывать высокое звание комсорга. За полчаса я раздал, наконец, осточертевших Сусловых, Брежневых и Громык, и сам встал в ряды демонстрантов. Наталья Петровна все еще ходила рядом и брала на карандаш тех, кто не явился на демонстрацию.

Из громкоговорителей доносилась маршевая музыка, песни военных лет, Народ был бодр и весел. То тут, то, там, собираясь в круг, люди сами запевали песни, смеялись, радовались происходящему.

К сожалению, Лена на демонстрацию не пришла, у нее была рабочая смена.

- Саша, мне плаката не хватило! - обиженно воскликнула Зинка Бахирева, незаметно появившаяся рядом.

-Да, пожалуйста, бери, - ответил я и протянул девушке своего Брежнева с мохнатыми бровями. Та сразу скорчила жалобную мину.

-Ой, я же пошутила, не хочу такую тяжесть таскать, - сообщила она.

Я не стал настаивать и снова положил плакат ручкой на плечо .

В это время машина с названием нашего треста тронулась в путь, и вслед за ней двинулось начальство во главе с директором.

Зина ловко прихватила меня под свободную руку и плотно прижавшись, пошла рядом.

- Лена говорила, ты квартиру снимаешь? - внезапно спросила она, в ее дыхании явственно чувствовался аромат вина Изабелла.

-Ничего себе? - мысленно удивился я. - Не думал, что Ленка такая болтушка. А эта подруга уже успела винца глотнуть

-Ну, да, снимаю,- нехотя вслух признался я.

-Может, после демонстрации покажешь, как ты устроился? - спросила она, глядя на меня смеющимися глазами.

Я в ответ окинул ее взглядом, еще в первые рабочие дни мне стало понятно, что Зина неровно дышит в мою сторону. Но она была замужем, воспитывала двухлетнюю дочку, поэтому я не обращал внимания на ее намеки, тем более, что увлекся Леной.

- Странно, только сейчас дошло, что фигурой она на Бьянку похожа, один в один, такая же жопастая и грудастая, хотя лицо совсем другое, - подумал я. Даже сейчас смешное зимнее пальто не могло скрыть ее грудь четвертого размера.

Неожиданно возникшее желание заставило сбиться с шага. Встревоженная девушка отпустила мою руку и воскликнула

-Саша, это же шутка, никуда я с тобой не пойду!

-Нет, уж, дорогая, в каждой шутке есть доля правды, -усмехнулся я.

-У девочек вино есть, - внезапно прошептала Зина, - будешь пить?

Я мотнул головой в знак согласия.

Когда колонна в очередной раз остановилась, мы встали в кружок и дружно выпили по полстакана венгерского хереса.

Наталья Петровна, наблюдавшая все это мероприятие, погрозила нам пальцем и сама отправилась пить армянский коньяк с директором треста.

Еще через полчаса мы прошагали мимо трибуны, на которой стояло руководство республики и города, прокричали "Ура партии и правительству". Выйдя с площади, закинули плакаты в кузов подъехавшего грузовика и начали разбегаться в разные стороны.

Зина стояла неподалеку и искося наблюдала за мной.

-А чего, собственно, парюсь, - внезапно пришло мне в голову. - Если она хочет гульнуть, на стороне, то, кто я такой чтобы ей читать мораль.

Проходя мимо нее, шепнул свой адрес и медленно пошел вдоль улицы.

Зинка осталась на месте, затем присоединилась к девчонкам и, хихикая, шла с ними, ничем не показывая, что собирается навестить мое скромное жилище.

Не успел я повесить пальто на вешалку, как в дверь осторожно постучали.

-Бегом что ли бежала? - пришло мне в голову, когда повернулся, чтобы открыть дверь.

Зина стояла в расстегнутом пальто, тяжело дыша, и смотрела на меня шалыми глазами.

Я отступил в сторону и дал ей пройти. Закрыв дверь, начал помогать снять пальто. Оставшись в платье и кофточке, Зина, сняв войлочные ботики, схватила меня за руку, и сказав:

-Показывай, где у тебя кровать? - потащила в комнату.

Через два часа мы с ней пили чай на кухне. Вымотанный до предела я хотел одного, улечься в койку. Зато моя гостья чувствовала себя прекрасно, Она, похоже, не собиралась идти домой. Зина сидела, накинув мою рубашку на голое тело, и беззастенчиво демонстрировала задорно торчащие груди.

-Вот еще одну чашку выпьем, и скажу ей, что пора и честь знать,- думал я.

-Однако, некий орган, отдохнув, решил, что еще не вечер, поэтому речь о прощании я так и не завел.

Все-таки хорошо, что есть квартирка, - думал я, направляясь в сторону родительского дома. - Сейчас, даже стыдно вспомнить, как в той жизни

приходилось зимой с девчонками по подъездам отираться. Только под юбку залезешь, или бюстгальтер расстегнешь, опять какой-нибудь жилец запоздалый домой топает. И начинаешь все по новой.

Летом можно было в лес пойти, но там комары, да мошки портили всю малину. Да и подглядывальщиков там хватало.

Время было около пяти, и я никуда не торопился. Зинку все-таки пришлось отправлять домой насильно. Он намеревалась у меня оставаться до ночи, мотивируя это тем, что ребенок у бабушки, а муж в рейсе.

Настроение у меня испортилось, когда она начала жаловаться на мужа, дескать, тот в постели не особо себя проявляет, не то, что я.

Было бы мне семнадцать лет на самом деле, я, наверно задрал нос кверху после таких слов. Но прожившему жизнь человеку, стало противно.

- Лучше бы ты мужа не вспоминала! Не нравится, возьми и разведись. Завтра может, также будешь говорить обо мне, - ядовито вертелась мысль в голове. - Нет уж, провели седьмое ноября в постели, отпраздновали, так сказать, пятьдесят первую годовщину революции и на этом закончим такие встречи.

И я намекнул, что меня ждут дома, поэтому нам нужно закругляться.

Зина сначала обиделась на мой намек, но быстро пришла в себя. От провожаний мы благородумно отказались.

- Я тебя еще навещу, - улыбаясь, сказала она в дверях на прощание. Я же ничего на это не ответил, только чмокнул пухлую щечку.

Дома меня ждал накрытый стол, ждали только меня. Отец, для порядка надел свой китель с майорскими погонами украшенный орденами и медалями, и мы слегка отметили сегодняшний праздник.

Потом разговор опять перешел на мою работу, мама так и не смирилась с ней и вслух строила планы, куда я буду поступать после армии.

Не хотелось портить ей настроение, поэтому я послушно кивал головой в ответ на все ее предложения.

Незаметно наступила зима. Иногда казалось, что вся моя прошлая жизнь была просто сном, закончившимся этой весной. Но сном очень полезным, дававшим возможность выбрать другую дорогу в будущее. К сожалению, я знал о свободе выбора не понаслышке и прекрасно понимал, что каждое решение одновременно ограничивает меня в выборе следующего.

Решение работать барменом, собственно ничем пока не грозило. Вскоре у меня будут права с тремя категориями, так, что если надоест работа за стойкой, можно сменить ее на таксиста. Тем более, что в лихие

девяностые такой опыт пришлось получить. Когда месяцами не выдают зарплату, приходится крутиться, как можешь.

Можно было подумать о заочной учебе в институте торговли. Но из-за маячившей впереди службы, пришлось этот вариант временно откладывать.

А пока я исправно ходил на работу, меня узнавали на улице и здоровались десятки людей. Даже появилась постоянная клиентура, оставлявшая изрядные чаевые. Зина Бахирева несколько раз намекала на продолжение наших отношений, но мне этого не хотелось. Зина, правильно поняв мои недомолвки, быстро от меня отвязалась и успокоилась, загуляв с приятелем Виноградова.

На учебе также все было неплохо, Ефремович меня освободил от занятий и я большую часть времени проводил в гараже, помогая Петровичу в ремонте. Зато мой заместитель в команде Вовка Иванов, не переставал удивлять. В очередной заезд он ухитрился загнать Урал с кунгом в самую глубокую канаву на пустыре. Как Ефремович не ругался, но пришлось ему все-таки заводить пятьдесят четверку и вытаскивать тяжелую машину.

Сам Урал остался практически, невредим, а вот кунгу наступит полный крандец.

Десятого февраля мне исполнилось восемнадцать лет, а первого марта я успешно сдал экзамены на водительские права. В отличие от своих товарищ, я сдавал еще вождение на мотоцикле, Заботливый Ефремович расстарался для меня, не забыв посыпать песком бревно, по которому нужно было проехать, и также песком нарисовать восьмерку.

Экзамены сдали дружно, даже Иванов. Инспектор сидевший в кабине, вздрагивал, матерился, тяжело вздохал, но ставил зачеты всем подряд. Советской армии нужны адские водители.

Сложнее было с письменным экзаменом, но и тут все решалось без проблем.

Дома я с гордостью показал новенькие права и талон, пока еще девственныи без единой дырки.

-Может, бросишь свой бар, пойдешь к нам водителем,- без особой надежды в голосе предложила мама.

-Не мама, не пойду, все равно через месяц в армию, зачем зря дергаться, - сообщил я в ответ.

Что меня напрягало, так это отношения с Леной. По мере приближения предстоящего призыва, она все больше нервничала, на свиданиях плакала, и требовала доказательств любви. Вообще ситуация была дурацкая. Ведь доказательств в основном требуют парни. А тут черт

знает что, все шиворот навыворот.

На женские слезы всегда смотреть неприятно, наверно, это генетически запрограммировано в мужском характере, чем женщины беззастенчиво и пользуются.

Короче, в один прекрасный день, я не выдержал очередных упреков и сделал то, чего от меня давно добивались.

Правда, перед этим я скрупулезно подсчитал дни, прошедших у Лены после месячных, чтобы не попасть в положение солдатиков, приезжающих в десятидневный отпуск домой, чтобы зарегистрировать свои отношения в ЗАГСе.

-На фиг, на фиг, - думал я, - Лена, конечно, красавица, и вообще хорошая девчонка, но два года, это два года. И вообще жениться мне ни к чему.

Повестку принесли второго мая. Придя с работы, я застал маман в слезах.

-Саша, тебе надо двенадцатого на комиссию явиться, - сообщила она сморкаясь в платок.

-Мама, ну чего плачешь, два года быстро пройдут.

-Конечно, вам мужикам, что два года, а в мире такое деется. В прошлом году в Чехословакии мятеж. В этом году, не дай бог, в Польше, или с Китаем опять из-за Даманского воевать начнем, - плачущим голосом говорила она.

В военкомате было людно. Коридоры заполнены возбужденной толпой.

Отстояв небольшую очередь, я получил документы и зашел в дверь с надписью врачебная комиссия.

В небольшом зале на стульях раздевались и одевались призывники, пока еще не подстриженные под ноль.

Раздевшись до трусов, я по стрелке направился в первый кабинет. Окулиста и невропатолога я прошел влет. Лор-врач, пожилой старишок, долго разглядывал мою глотку, что-то бормоча себе под нос. Ничего не обнаружив подозрительного, написал годен и отправил дальше.

Зайдя к хирургу, я обнаружил там молодую симпатичную женщину.

Она попросила меня присесть, развести руки, а затем буркнула:

-Снимай трусы.

Я спокойно снял свои черные сатиновые трусы, и стоял с радостной улыбкой идиота.

Женщина неожиданно покраснела. Видимо мое поведение вышло за рамки привычного поведения молодых парней и это ее смущило.

Сев на табуретку передо мной, она пальцем ткнула в мошонку, проверяя наличие паховой грыжи.

В задницу пальцем она не полезла, зато заставила лечь на кушетку и раздвинуть ягодицы.

-Как анус, симпатичный? - спросил я, насмешливо улыбнувшись.

-Вот так достали ваши жопы! - сказала врачиха, проведя ребром ладони по горлу. - Слава богу, еще два дня и закончим этот балаган.

После заключения терапевта я вместе с другими ребятами уселся у дверей с надписью призывная комиссия.

Среди ожидающих оказались трое одноклассников. Мы не виделись с момента получения аттестатов, поэтому нам было о чем поговорить.

В этот момент в кабинет прошел знакомый мне майор Жилин, он внимательно глянул в нашу сторону, перед тем как закрыть за собой дверь.

-Интересно, что он на меня так таращился? - подумал я. - Ох, не к добру!

В свою очередь, пройдя в кабинет я обнаружил там несколько человек, сидящих за сдвинутыми столами.

Отдав секретарю свои бумаги, я молча ожидал вопросов.

За столом сидел военный комиссар, милиционер, молодой парень с комсомольским значком, наверно представитель райкома ВЛКСМ, непонятная женщина, а сбоку притулился, майор Жилин.

-Так-так, значит вы молодой человек закончили десять классов в прошлом году, - поинтересовался военком .

-Так точно, -товарищ полковник, - сообщил я в ответ.

-Ну, что товарищи, - сказал тот, коротко глянув мое дело. - Парень с образованием, комсомолец, спортсмен разрядник, в школе был комсоргом и на предприятии. Окончил курсы ДОСААФ. Имеет права категории А В и С. Кстати, у милиции к нему нет замечаний?

Милицейский капитан отрицательно покачал головой.

-Нет, данных на Сапарова не имею.

Отлично, направим мы тебя паренек в учебную часть, будешь служить сержантом, - заключил полковник

-Черт побери, неужели все повторится, как в той жизни? - подумал я. Но в этот момент Жилин заявил:

-Товарищ полковник, по сведениям из учебной части ДОСААФ, Александр Сапаров во время учебы зарекомендовал себя с лучшей стороны, являлся старшим учебной группы, Принимал активное участие в восстановлении автотехники и блестяще сдал выпускные экзамены. В мой отдел поступил рапорт коменданта городского гарнизона, направить для

него личного водителя, в связи с увольнением в запас предыдущего. Поэтому есть предложение направить Сапарова Александра Юрьевича в Н-скую часть, в распоряжение коменданта гарнизона..

-Ну, что же, товарищи, уважим просьбу коменданта, - улыбаясь, сказал военком. - Возможно, у кого-то имеются возражения?

Возражений, естественно, не было

Выйдя вслед за мной в коридор, Жилин сообщил:

-два дня тебе на сборы и чтобы утром пятнадцатого мая ты стоял на КПП Н-ской части с сопроводительными документами. Все понятно?

-Так точно товарищ майор, - уныло сообщил я.

-Ты, что не рад, что дома будешь служить? - удивился майор.

-Да, нет, все путем, - буркнул я. - Конечно, рад.

-Ну, тогда бывай здоров. Отцу передавай привет.- сказал он и удалился.

-Как это в городе остаешься? - возмутился батя. - А как же проводы? Так вот просто, соберешься и пойдешь?

-Ну да, соберусь и пойду, - подтвердил я. - Возьму только мыло одеколон, зубную пасту, щетку, да иголку с ниткой, кстати, пап, у тебя где-то валяется приспособление для чистки пуговиц, да асидола чуть-чуть.

-Возьми лучше бруск ГОИ, - посоветовал батя. - Асидола на пару раз осталось, да и лет ему немало.

-Не, не возьму, меня, наверняка, в карантин с остальным молодняком пихнут, там эту пасту на следующий день украдут или сержанты наедут. - Сообщил я в ответ.

-Ну, да, вполне возможно, - согласился отец.

Маму наш разговор не интересовал, с того момента, как она узнала, что сынок, родная кровиночка, остается служить практически дома, у нее началась почти эйфория.

Лена, узнавшая вечером о моем месте службы, радовалась не меньше. К сожалению, владелец квартиры, Мишка Петров неделю назад вернулся из длительного рейса, и ее пришлось освободить. Поэтому мы прогулялись по вечернему городу, и потом пили чай в кампании Агафии Тихоновны.

Пятнадцатого мая, я сел в автобус и проехав три остановки, вышел у входа в часть.

Около КПП с деловым видом прохаживался часовой, АКМ без магазина висел у него на плече, на поясе болтался штык-нож.

-Мда, расслабуха полная,- насмешливо подумал я.

Зайдя на КПП, положил сопроводиловку и военный билет на стол кепешника. Грузинистый рядовой недоуменно разглядывал документы.

-Ты, эта кто такой? - наконец, спросил он.

-Там все написано, - пояснил я, показав на бумаги.

Грузин снова уткнулся в мой военный билет, затем взял трубку телефона.

-Товарищ капитан, докладывает дежурный по КПП рядовой Чхеидзе, тут какой-то гражданский хочет пройти, бумажки показывает, а пропуска у него нет.

-Из трубки послышались громкие маты на голову грузина. Тот положил трубку и сказал:

-Жды, придет дежурный по полку и все решит.

За окном светило солнышко, дул весенний ветерок, поэтому я вышел на улицу и, усевшись на солнечную сторону, зажмурил глаза от удовольствия.

-Эй, сынок, просыпайся, - раздался над ухом мощный бас. Открыв глаза, я увидел здорового краснорожего капитана с петлицами мотострелка и повязкой "дежурный по полку"

Вскочив, я представился

- Призывник Сапаров Александр Юрьевич, прибыл в в/ч N для прохождения срочной службы.

-Ни х.. себе! - громко прокомментировал мой доклад капитан. - Ты чего, от команды отстал? Почему один?

-В сопроводительных документах все написано, товарищ капитан, - бодро отрапортовал я.

Тот прошел на КПП и, взяв документы, вновь вернулся ко мне.

-Ага! -воскликнул он. - Понятное дело, значит, водителем в комендатуре будешь служить. Хм, что мне с тобой сейчас делать? У нас молодежь уже две недели в карантине, отдыхает, хе-хе. Так, пожалуй, я тебя сейчас в свою роту отведу, старшине поручу тобой заняться. Он научит Родину любить.

Капитан широким шагом двинулся по асфальтовой дорожке, с обеих сторон которой росли молодые березки, со стволами, покрашенными известью метра на полтора в высоту.

По дороге я не утерпел и задал вопрос

-Товарищ капитан, так вроде бы в штате мотострелковой роты не предусмотрен водитель коменданта, комендатура вообще самостоятельная структурная единица?

Капитан удивленно глянул на меня и сообщил:

-Для слишком умных и любознательных отвечаю, мы направляемся в роту материально- технического обеспечения. В ней имеется хозвзвод в котором ты будешь служить. Комендатура, понимаешь, у нас не доросла до

коменданского взвода.

Больше, на всякий случай, я вопросов не задавал, пока мы не зашли на первый этаж стандартного казарменного здания.

В пустынном коридоре на тумбочке сидел дневальный и чистил ногти штык-ножом.

Увидев нас, он спрыгнул с тумбочки, заорал:

-Рота Смирна!- и, типа строевым шагом направился к нам, на ходу пытаясь вставить штык-нож в ножны.

-Рядовой Мамедов, - заорал капитан. -Какого х.. ты на тумбочке жопу протираешь, где б.. п.... дежурный по роте. Думаете, если у меня дежурство по полку, то можно бардак устраивать.

В этот момент появился дежурный, заспанный сержант, он побежал и доложил, чем занимается личный состав.

Слегка взгрев сержанта, капитан двинулся дальше, туда, где, как я предполагал, была каптерка старшины.

Старшина крепкий плечистый парень, в отличие от дежурного по роте, вел себя спокойно, при нашем появлении он встал и просто произнес:

-Добрый день Николай Павлович, кого это вы нам доставили?

-Здорово, Петро, - сказал капитан, - пвел тебе молодца, будет у нас служить.

Старшина нахмурился.

-Товарищ капитан, так, может его в карантин, пусть там его уму разуму учат, на хер мне с ним возиться. Примет присягу, тогда к нам заберем.

-Понимаешь, Петя, не все так просто, - задумчиво поделился капитан. - Парень будет водителем у подполковника Климова, а тот уже неделю пешком ходит. Так, что придется тебе новобранца в темпе вальса, одеть, обуть, и научить. Чтобы он б... п... на х... послезавтра сидел за рулем у входа в комендатуру. Усек?

-Усек, - хмуро пробормотал старшина.

-Вот и отлично, - резюмировал капитан и хлопнув меня по плечу вышел из каптерки.

Старшина взял у меня военный билет и начал его изучать.

-Сапаров, Сапаров, что-то парень у тебя фамилия не русская, из Чуркестана что ли приехал? - недовольно проворчал он.

А в чем проблема, - хладнокровно осведомился я, демонстративно разглядывая висевшую на стене табличку с надписью " ответственный, старшина Пузенко Петро Михайлович". - Мы все единый советский народ, так нас учит Коммунистическая Партия и Правительство.

Старшина заткнулся, поняв, что на этой теме может здорово погореть.

-Однако, как ни странно не обиделся. Одобрительно хмыкнув, он сказал:

-А тебе, я смотрю, палец в рот не клади. Бойкий на язык, наверно активным комсомольцем был.

-Комсоргом,- буркнул я.

-Это хорошо! - оживился старшина, - осенью мы с нашим комсоргом на дембель собираемся, будем иметь тебя в виду.

К словам старшины я отнесся спокойно, до осени еще было время, а про то, что я был комсоргом, на работе, при желании узнали бы все равно.

-Ну, что пойдем на склад, что ли, надо тебя в человеческий вид привести, - сказал Петро и поднялся.

Мы вышли из казармы и извилистой тропкой, сократив путь, прошли к длинному зданию склада. Войдя в неприметную дверь, оказались в маленькой комнатушке, в одной из стен которой имелось окно, закрытое сейчас ставнями.

Старшина забарабанил в него изо всех сил. Через минуту из-за ставен послышался мужской голос.

- Минутку, сейчас открою.

Увидев нас, пожилой старшина сверхсрочник доброжелательно улыбнулся и заговорил с Пузенко на украинской мове. Они говорили так быстро, что я почти ничего понять не мог. Несколько раз в разговоре проскакивала фамилия моего будущего командира.

Поговорив, сверхсрочник исчез в глубине склада, оставив окно открытым. Оттуда несло кожей и лежалой мануфактурой.

Минут через десять он появился, неся на руках целую кипу одежды и сапоги.

Когда он выложил ее на прилавок, теперь уже я в удивлении воскликнул

-Ни х... себе.

Передо мной лежала п/ш - полуsherстяная повседневная форма солдата, под ней простая хбэешка, а рядом парадная форма. И все нового образца. Кроме того яловые сапоги а не простая кирза!

-Сейчас еще шинелку принесу и зимнюю шапку, сообщил кусок и снова скрылся в глубине склада.

-За какие заслуги мне все это, - спросил я у старшины.

В ответ тот подняв указательный палец вверх сказал:

-Сынок, ты, где будешь служить? В роте материального- технического обеспечения.

Я недоуменно пожал плечами.

-Все равно не понимаю, сапоги яловые, п мне с какой радости выдали?
Пузенко подозрительно глянул на меня.

-Ты что-то слишком много знаешь хлопец, п сразу разглядел. Откуда сведения.

-У меня отец военный, майор, только четыре года, как ушел в запас. - ответил я, - Мы всю дорогу по военным городкам мотались. Так. что про форму я знаю все. Бате сапоги чистил, как только щетку смог в руках держать, тоже самое, и с пуговицами на кителе.

Старшина сдвинул пилотку назад и вытер пот со лба.

-Ну, это радует, слышал же сам, как кэп приказал, чтобы ты послезавтра уже машину подал в комендатуру. А п тебе выдали из-за Климова, тот вечно требует, чтобы у него водитель нормально выглядел.

В это время кусок притащил шинель и зимнюю шапку. Забрав всю амуницию, мы двинулись обратно в казарму.

Там я переоделся в х в каптерке у старшины, свою домашнюю одежду запихал в наволочку, рассчитывая при случае отвезти ее домой. Кучку петлиц и погон распихал по карманам, рассчитывая пришить их, как только пристроюсь на табуретку рядом со своей койки. Остальную форму старшина аккуратно повесил на вешалку.

Посмотрев, как я заправился, он опять удивленно покачал головой, затем, щедро оторвав полметра белого материала, спросил:

Может тебя не надо учить, как подшиваться?

-Не надо - ответил я и мечтательно добавил. - Жаль не выдали гимнастерку старой формы, ее можно с проводком подшивать.

-Но, но сынок, - сообщил старшина. - Со стариками себя не ровняй, походишь и так. Ты пока никто и звать тебя, салабон.

Он забрал у меня все документы, сказав, что сам отнесет в строевую часть, после чего мы вышли в расположение. В большом помещении с четырьмя рядами двухъярусных коек почти никого не было. Около вешалки с шинелями топтался дневальный, видимо, на десятый раз, приводя их в нужное состояние. Рядом за столом сидел дежурный по роте и разглядывал свою рожу в зеркале.

-Синицын, ко мне! - негромко скомандовал Пузенко. Тот для начала подскочил, потом, повернувшись, сказал:

-Петя, достал со своими шуточками. Хорош под Ахрамеева косить. Так и сердечником стать недолго.

Старшина показал на меня.

-Поручаю тебе молодого бойца. Хватит прыщи перед зеркалом давить,

делом займись. Проследи, чтобы он до обеда с гимнастеркой разобрался, а когда народ начнет подтягиваться, передай его Яшенкову. Я ушел в штаб. Все понятно?

-Понятно? - ответил Синицын и метнул на меня злой взгляд.

Как, же, салага заметил его испуг, да потом еще и по поводу прыщей старшина прошелся.

Стоило тому выйти из расположения, как младший сержант Синицын крикнул свободного дневального.

-Эй, Жан Тотлян ху..в, мухой сюда!

Мелкий армянин подбежав к нам с жутким акцентом доложил:

-Товарищ сержант дневальный, рядовой Гаспарян по вашему приказанию прибыл.

-Дневальный, дневальный, тащи станок еб ...й, -пробормотал как бы про себя, сержант, искоса поглядывая на меня.

Э! Да ты позёр, братец, - подумал я. - Перед молодым выступаешь, как в театре.

-Слушай сюда, - обратился Синицын к Гаспаряну. - Садишься рядом с этим раздолбаем, и показываешь, как надо пришить погоны и петлицы, на все, про все даю полчаса, все понял?

-Портянки то хоть умеешь наматывать? - обратился он ко мне, проявив неожиданную заботу.

-Умею, - ответил я, временно проглотив слово раздолбай.

Ну, и хорошо, - сообщил Синицын, отправляясь дальше давить угри на своем носу.

Ближе к обеду в роту стал подтягиваться народ. Мимо меня без шуток никто не проходил. Но пока особо не приставал.

Только я закончил шитье, как появился Синицын, вместе с еще одним старшиной лет тридцати.

Как оказалось, это был командир хозвзвода, Яшенков Илья Сидорович.

Он пристально оглядел меня со всех сторон и неожиданно спросил:

-Как насчет подъема переворотом рядовой, слабо?

-Без проблем, - ответил я и подошел к турнику. Демонстративно поплевал на ладони, подпрыгнул и ухватился за перекладину.

На десятом перевороте около турника появились зрители, на двадцатом они уже делились впечатлениями, ну а на двадцать пятом перевороте я сам решил завязать.

-Отлично, - хлопнул меня по плечу Яшенков. - Еще бы десять раз и перебил рекорд Гаспаряна.

-Мда, хорошо, что решил остановиться, - подумал я. - Только

соревнований мне здесь не хватает.

-Так, что сынок через неделю от нашей роты пойдешь на полковые соревнования, вместе с ним, - обломал мои надежды комвзвода.

Стоявшие рядом парни весело засмеялись.

-Правильно, пусть салажня теперь за нас отдувается, - кто-то из них высказал общую мысль.

Яшенков посмеялся вместе со всеми, потом отвел меня в сторону и сообщил:

-Будешь служить в моем взводе во втором отделении, у младшего сержанта Синицына, Расслабляться некогда, после обеда займемся с тобой строевой подготовкой. Ротный, капитан Ахрамеев, приказал тебя гонять по плацу до отбоя, но чтобы послезавтра ты стал хоть чуточку похож на бойца.

Он подозвал к нам рослого светловолосого сержанта.

-Это мой заместитель Ромас Мицкунас, он лично займется твоим воспитанием.

Замкомвзвод хищным взглядом уставился на меня.

-Точняк, загоняет до смерти, - правильно понял я взгляд сержанта.

-Рота! Выходи строиться! - раздался крик дневального.

Бойцы вразвалочку двинулись на выход.

-Однако, хозвзвод нехреново живет, - подумал я, двинувшись вместе со всеми. - Помню, мы в учебке пулей вылетали на улицу.

На улице большинство сразу кинулось к курилке, на ходу закуривая сигареты. Однако долго курить не удалось.

Раздалась громкая команда Пузенко:

-Пррота, в паходную колонну по четыре, станоовись!

Я слегка замешкался, не зная, куда бежать. Но тут рука Мицкунаса сгребла меня за воротник и вдернула в строй.

- Сынок, твое место сегодня здесь, сразу за мной. - Сказал он, нехорошо улыбаясь. - И попробуй только наступить мне на пятку. Будет очень х..во.

Я без возражений встал, куда было указано, а чего выступать? Молодой, есть молодой.

Между тем раздалась следующая команда, и рота не очень дружно двинулась в сторону столовой. Не доходя метров сто, до нее старшина, ведший колонну, скомандовал:

-Запеевай!

Шедший рядом со мной боец дискантом громко запел:

-Путь далек у нас с тобою, веселей солдат гляди,

И тут остальные подхватили:

Вьется, вьется знамя полковое, командиры впереди!

Я тоже принял участие в пении. Орал от души. Подумаешь, мне медведь на ухо наступил, Кто не шел в таком строю и не пел, все равно не поймет, Это даже бессмысленно объяснять. Вроде бы мы все разные, можем не любить друг друга, ссориться, но когда идем в одном строю, мы чувствуем себя единым целым, готовым к защите своего отечества.

Похоже, замкомвзводу делать было нечего, иначе, отчего он так взялся за строевую подготовку. Через час после обеда он вывел жалкие остатки взвода на плац, под руку ему попало всего восемь человек. Кроме меня все были из прошлогоднего осеннего призыва 1968 года. Остальные на их счастье были на работах. И тут сержант принял нас муштровать и делал это буквально с садистским удовольствием. И было понятно почему, Несмотря на то, что он служил уже два года, а рядовые всего шесть месяцев, в следующем семидесятом году они уйдут на дембель в одно и то же время. С одной стороны прошлогоднему призыву повезло, им служить всего два года, но зато они уйдут в запас, так и не побывав дедами. Злые трехгодичники отыграются на них по полной. Мне повезло больше, целых полгода буду наслаждаться положительными сторонами дедовщины. Хотя, по большому счету, для меня все это было безразлично. Послезавтра начну возить коменданта городского гарнизона, и все разборки в роте будут до лампочки. Появляться буду в ней вечерами, да в выходные дни. Лелею, правда, небольшую надежду, что комендант, будет давать мне увольнительные на эти дни.

Несмотря на середину мая, солнце пригревало чувствительно.

Мицкунас уселся на скамеечку в тени и подавал команды оттуда.

Мы же дружно шагали строевым шагом под его непрестанные вопли:

-Ногу тяните выше! Е.. вашу мать.

Шел уже второй час издевательств, я уже боялся, что завтра придется набивать набойки на каблуки. Но тут вдруг в тенистой аллее появился офицер, он шел медленным шагом, слегка прихрамывая. Вначале он не обратил на нас внимания, но потом он обнаружил, что команды подаются непонятно откуда. Насторожившись, он прошел между кустами и вышел прямо на скамейку с развалившимся на ней сержантом.

И тут я услышал маты, нет, это были Маты! Офицер ругался самозабвенно, Мицкунас стоял перед ним с бледным видом. Если передать все это обычными словами то он говорил примерно следующее:

-Ты нехороший.... пидорас....какого..... тебя надо..... доложишь Ахрамееву, чтобы он тебя..... и высушил. Чтобы я такой больше не видел. Ты.... должен пример показывать, а ты

-Это кто такой? - спросил я у соседа по шеренге

-Замполит наш, майор Куницин, - вздохнул тот. - Сейчас он Роме пистон вставит, а тот потом на нас отыграется.

-И что он так всегда ругается?

-Да, ты что, разве это он ругается? Слышал бы, как он политзанятия проводит, там вообще полный п...ц

-Что прямо так на политзанятиях матерится?

-Конечно, он так и говорит, что без мата не было бы русского солдата. Что с одной МПЛ пехотинец выкопает окоп, а с помощью МПЛ и такой-то матери, два.

Но вот потоки брани из уст политработника иссякли. Он подошел к нам и доброжелательно глянул на наши лица.

-Устали, ребятки, - ласково спросил он.

-Я ничего не успел сообразить, как мои товарищи дружно отрапортовали:

-Никак нет, товарищ майор, не устали!

-Вот и хорошо, товарищи бойцы, тяжело в ученье, легко в бою, как говорил Александр Васильевич Суворов.

-А точно ли это Суворов сказал?- думал я, когда замполит тяжелой походкой направился к штабу.

-А если бы сказали, что устали? - успел еще спросить я, пока Мицкунас раскуривал сигарету.

-Да, ты чего, тогда бы точно песец! - ужаснулся сосед. - До ужина пришлось бы маршировать.

Настроение после получения люлей у сержанта испортилось, наверно поэтому, всего через полчаса он закончил нашу муштру. И мы строевым шагом, правда, без песен, направились в роту.

Куда в роте исчезли мои спутники, не знаю. Мне же Ромас вручил строевой устав.

-Учи, сынок, от корки до корки, завтра будем проверять на практике.

Он хотел еще что-то сказать, но тут к нам подошел кряжистый ефрейтор.

Он потряс перед Мицкунасом сидором, в котором, что-то брякало.

-Купил?! - выдохнул тот.

-А то, - гордо сказал ефрейтор. - Как заказывал, десять бутылок Жигулевского.

Говоря это, он внимательно оглядывал меня

-Салабон, я ведь тебя где-то уже видел? - неожиданно спросил он.

-Вполне возможно, - ответил я. - В городе ведь живу, недалеко от

части.

Ребята переглянулись.

-Ты, наверно, по блату к нам попал? - совсем другим тоном заговорил Мицкунас. - Так просто рядом с домой служить не оставляют.

Оправдываться я не собирался. Все равно не поверят. Я и сам не до конца понимал, как все произошло. По крайней мере, к этому не приложил ни малейшего усилия. Батя, естественно тоже, он бы даже пальцем не шевельнул, чтобы оставить меня служить практически дома.

Видимо, все было решено где-то на уровне Ефремовича и Жилина. Одному я пришелся в нос, а второй - батин друган, отсюда и следует плясать.

Поэтому просто пожал плечами, оставляя собеседникам свободу предположений.

-О, я вспомнил! - воскликнул ефрейтор. - Ты барменом в шашлыке работал!

Он повернулся к Мицкунасу.

-Помнишь, дней десять назад я в увольнение ходил, мы с Бекасом тогда в гражданку переоделись и завалили в шашлык. Вот он мне коктейли наливал.

-Понятно, - сказал Ромас. - теперь понятно, почему ты у себя дома служишь.

-От зависти, или волнения у него даже прорезался литовский акцент, до этого совершенно незаметный.

Похоже, мои акции в глазах старослужащих взлетели на небывалую высоту.

-Послушай, пацан, - обратился ефрейтор ко мне. - а сестры у твоей девушки случайно нет?

-К сожалению, нет, - развел я руками.

- Ромас, ты бы видел его девчонку, не поверил глазам, - сообщил он, ничего не понимающему сержанту.

-Что такая красивая? - переспросил тот.

-Просто слов нет, мы с Бекасом только на нее и таращились. А она кроме этого обормота никого не замечала, - кивнул ефрейтор в мою сторону.

Мицкунас вновь уставился на меня, видимо искал, что во мне могло привлечь такую красотку, как ее описывает сослуживец. Не найдя, спросил у ефрейтора.

- Славка, ты ничего не попутал?

- Ты. чо, Рома, у меня же глаз - алмаз. Я потом два раза еще туда

заходил, только, чтобы на нее глянуть. Специально останавливался, когда белье в прачечную возил. Яшенкову, говорил, что за сигаретами.

-Слушай, может, познакомишь, а? - Славка с надеждой повернулся ко мне.

-А смысл? - улыбнулся я.

-Ну, просто, хоть поговорить.

-Ладно, - согласился я. - Если представится такая возможность, познакомлю. Только учи, это моя девушка.

Вот так, совершенно неожиданно, я стал своим для Славки Позднякова, одного из шести дедов в нашей роте.

Но это не избавило меня от еще одной обязанности. Когда в одиннадцать часов после вечерней поверки я забрался на койку второго яруса, ноги почти не шевелились. Как-то не привык я еще к строевой подготовке. Да после ужина еще два часа читал уставы, и подшивался..

Хоть в помещении были выключены лампочки, еще было достаточно светло. Белые ночи уже начинались.

-Ну, что там, кто сегодня кричит за дембель? - раздался чей-то голос в тишине.

-Эй молодой, че молчишь? не знаешь что кричать? - шепнул сосед.

-Старики! - изо всех сил крикнул я. - День прошел!

- Ну, и х.. с ним! - дружно отзвались деды.

-Презрение кускам! - завопил я.

-У, суки! - загудели мне в ответ.

-До приказа осталось....- тут я замолчал, как-то не удосужился подсчитать.

-Сто двадцать один день, - прошипел мне в ухо сосед.

-До приказа осталось сто двадцать один день! -снова крикнул я.

-Уррраа!- отзвались мне в ответ.

Когда утром нас разбудили на зарядку, у меня было ощущение, что я служу уже, хрен знает сколько времени. Выбежав на улицу, обнаружил, что на зарядке присутствует едва ли третья взвода. Ни одного старика на ней не было, как и сержантов. Только тощий младший сержант Синицын командовал парадом.

-Хозвзвод, этим все сказано, - думал я, бегая по спортплощадке вместе остальными несчастными.

До обеда день прошел суматошно и с приключениями, После построения меня вызвал в канцелярию капитан Ахрамеев, где вместе с Яшенковым и командиром второго взвода лейтенантом Гавриловым кололи на предмет, как я попал на место водителя коменданта. Так и не расколов,

выгнали в коридор. Минут через десять вышел Яшенков и вместе со мной отправился в автопарк.

Идти до него было недолго. Автопарк ничем не отличался от виденных мной ранее. На входе в него у ворот стояла дощатая будка, в ней сидел боец, поднимавший при необходимости хлипкий шлагбаум.

Мы прошли мимо здания с открытыми боксами, в них вокруг машин возились солдаты в рабочих комбинезонах. Завернув за угол, уперлись в закрытые ворота. Яшенков потянул на себя дверь в одной из створок и вошел вовнутрь. Пройдя следом за ним, я обнаружил, что стою в большом ярко освещенном боксе. На ямах в нем стояли три машины, два 69 газика и одна Волга. Ее сейчас осторожно протирал тряпкой какой-то старший сержант.

-Генеральская машина, - кивнул в сторону волжанки Яшенков. - Толик, привет! - крикнул он сержанту, - Все драишь свою Антилопу Гну?

-Ух, ты! - удивился я, - Начитанный мне комвзвод попался!

- Сидорыч, здорово! Все драю, дембеля ожидаю, - эхом отзывался сержант. - Как служба?

-Нормально, вот тебе соседа привел вместо Васьки Грищенко, - сообщил Яшенков. - На девяносто третьем будет ездить.

-Давно пора, - сказал сержант. - Климов на ваши головы все маты сложил.

Он пристально посмотрел на меня и протянул руку

-Здорово, сынок, - меня Толя Иванов зовут, вожу командира дивизии.

- Здорово, - сказал я и, пожав руку, представился. - Сапаров Саша, рядовой.

-Ха-ха! - засмеялись мужики. - Это и так видно, что рядовой.

-В общем так, Саня, - перешел к делу Яшенков, - говорят, ты в автоделе петришь, так, что бери ключи, флаг тебе в руки и чтобы к вечеру машина была к выезду готова. Перед ужином приду проверю, как справился.

Сказав все это, он вышел из бокса на улицу.

Когда мы остались вдвоем, Толик задумчиво посмотрел на меня.

-Теперь, салабон, послушай мой расклад, - сказал он. - Сейчас ты до обеда обслужишь мою машину, а после обеда, займешься своей.

-На кой, интересно, хрен мне это нужно? - поинтересовался я.

-На тот, что я так сказал! - повышая голос, ответил Толик.

У меня же не было ни капли сомнения в том, что такие наезды надо давить в зародыше, иначе всю дорогу буду работать за того парня.

- Послушай Толик, хочешь, покажу, куда тебе надо пойти с твоими

требованиями? - предложил я.

Сержант покраснел от злости.

- Это ты меня сейчас так на х.. послал?

- Точно! Как угадал?

Я даже не успел договорить, как Толик ринулся на меня, демонстративно замахиваясь правой рукой. За эту руку я его и ухватил, резко опуская ее вниз. Пришлось ее даже придержать, чтобы он не ударился головой в борт газика.

-Ну, и что дальше, спросил я, держа сержанта в полусогнутом положении.

-Отпусти, сука! Тебе теперь полный песец, - бубнил Толик. - нападение на старшего по званию,

Я освободил руку и сделал шаг в сторону.

-Ну, бл.. получи! - заорал Толян и снова попытался меня ударить. Драться он явно не умел, поэтому сразу получил удар в подых, от которого скрючился, и упал на бетонный пол.

-Послушай, сержант, - проникновенно начал я, - Давай на этом закончим. Я никому не скажу, что тебя молодой с одного удара уложил, а ты успокоишься и больше не будешь выступать. Ну, что договорились? Или мне продолжить? А потом всем рассказать, как я тут тебя п...л, а ты сопли жевал.

- Не надо, - прохрипел Толя, - все путем.

-Давай, помогу встать, предложил я и осторожно взял его плечи. Подняв, довел до скамейки и усадил на нее.

-Ну, как? Оклемался? - спросил я, оглядываясь по сторонам в поисках воды.

Воды так и не обнаружил, но за это время бледность с лица Толика ушла.

-Черт, сильно вмазал! Надо было удар придержать, - с раскаянием подумал я.

-Да не мельтеши, я в порядке, - уже без хрипоты сообщил Толик. Он встал, прошелся по боксу и без слов вышел за ворота.

Через сорок минут в каптерке старшины Пузенко шел следующий разговор.

-Мужики, тут приходил Толик Иванов, жаловался на нашего салабона. Дескать, тот борзый, старших не уважает, Толян ему предложил машину помыть, так тот его на х.. послал. Просил молодого на место поставить. Что будем делать? - Спросил Пузенко у присутствующих здесь Мицкунаса, Позднякова и Шедиса - второго замкомвзвода.

-Я пас, - решительно сообщил Поздняков, - этот парень меня обещал с такой девушкой познакомить, так что решайте без меня.

Мицкунас заговорил следующим.

-Вообще неплохо бы его сегодня в каптерке отпихнуть, чтобы не борзел. Но тут такое дело. Вы в курсе, что он барменом работал здесь в городе? Значит всех бандюг города знает. Мне лично здесь еще год служить, и хочется в увольнения ходить спокойно, а не ждать, что мне из-за этого кадра перо в бок засунут, так, что я не при делах.

Шедис глянул на своего земляка и коротко сказал:

-Я согласен с Ромасом.

Услышав мнение сослуживцев, Пузенко подвел итог совещания.

- Точно, хлопцы, все так. Добавлю от себя, непонятный этот парень, мутный какой-то. Вас не было, когда он форму одевал. Все ведь видели, как в ней молодежь выглядит, мешок мешком. А этот как будто в ней родился. Портянки намотал, приходи глядеть.

А подворотнички, он же их не глядя, подшивает. Да вы только подумайте! Он в часть один пришел, прямо из дома. Точняк, есть у него кто-то там наверху. Не, на хер, на хер! Трогать его не будем, Толику надо, пусть сам разбирается. Я осенью хочу дома дембель праздновать, а не в дисбате пару лет бревна таскать.

На этом заседание негласного трибунала завершилось.

Я выгнал машину из гаража и, включив воду, мыл ее из шланга, когда вернулся Толик. Не глядя на меня, он прошел в бокс и принял за работу.

-Настучал и вернулся, - понял я. Ух, как бы я ссал в прошлой жизни в такой ситуации! Скорее всего, ее бы просто не было, согласился бы мыть машину без звука. Сейчас же страх отсутствовал совершенно.

-Если пригласят на разговор, так и скажу, завтра рапорт будет лежать у ротного на столе, - думалось мне. - Это в восемнадцать лет можно благородно докладывать под смешки окружающих, что получил фонарь под глаз, когда нечаянно упал лицом на угол табурета. Я, со своим теперешним опытом, так распишу в рапорте все подробности, что виновные будут долго плакать и рыдать. Если ротный начнет юлить, до командира части доберусь. Правда потом со мной строго по уставу разговаривать начнут, и хрен с ним, переживу, зато ни один долбоеб больше докапываться не будет.

Ближе к обеду я снял танковый комбинезон, вымыл руки с кальцинированной содой. После чего отправился в роту.

Идти одному по территории части было неприятно. Видимо это осталось еще с той жизни. Тогда приходилось, передвигался по части

только в строю.

Взял себя в руки, пошел спокойней, отдавая честь проходящим мимо офицерам.

Успел во время, только-только к построению. Когда вставал в строй, Пузенко проводил меня странным взглядом, как будто хотел что-то сказать, но так и не сказал.

После обеда я снова отправился в автопарк, то, что меня никто ни о чем не спрашивал, ничего не значило. По своему опыту я знал, что все такие разговоры проходят в туалете или каптерке после отбоя.

Сейчас же я намеревался, как следует отмыть двигатель и вообще все подкапотное содержимое. Машина, на которой мне придется ездить два года, была неплоха. На спидометре было всего двенадцать тысяч км , хотя пломба на тросике казалась очень подозрительной. На кузове ни сколов, ни особой ржавчины я не обнаружил.

-Хорошо этот Грищенко за машиной следил, - одобрительно думал я, намывая движок, а затем полируя крышку трамблера.

Время шло незаметно, В половине пятого я сидел на корточках и посвистывал, скептически разглядывая изношенные колодки, машина стояла без колес, с подложенными под раму чурками. Тормозные барабаны лежали рядом, а у стенки гаража сохли колеса после покраски дисков.

-Так, так, что это тут происходит? - послышался сзади мужской голос. Обернувшись, я увидел пожилого, можно даже сказать старого майора. У него в отличие от прочих офицеров петлицы были черного цвета с автомобильными эмблемами.

Не успел я встать, как из бокса выскочил Иванов и вытянувшись начал докладывать:

-Товарищ майор провожу обслуживание автомобиля Волга командира дивизии, согласно графика, - старший сержант Иванов.

Я к этому времени вскочил и встал рядом с ним

-Ну, ты, кто таков, - обратился ко мне майор.

-Рядовой Сапаров, - товарищ майор, провожу обслуживание автомашины ГАЗ-69 номер 23-93, по приказу командира взвода старшины Яшенкова. - бодро доложил я.

-Ага, значит, ты будешь возить подполковника Климова, - оживился майор. Он кивнул Толику.

-Можете продолжать работу, товарищ сержант.

Потом повернулся ко мне.

-Я смотрю, ты тут канитель развел на весь день. - улыбнулся он, - Молодец! Вижу, Ефремыч тебя не зря нахваливал. Ну, расскажи, что тут у

тебя делается.

-Товарищ майор, разрешите узнать вашу должность, Хотелось бы знать, с кем я разговариваю.

Майор удивленно подвигал бровями.

-Хм, вообще то я зампотех комдива, товарищ рядовой, если удовлетворены ответом, докладывайте. -добродушно ухмыльнулся он.

-О! Вот откуда корни всей истории растут! - понял я. - Оказывается, Ефремыч служил с майором, он меня ему и сдал.

- Так точно, удовлетворен, товарищ майор. В порученной мне машине обнаружены следующие неисправности и недостатки.

В течение минут десяти я перечислял все то, что нарыл, за время осмотра. Майор слушал меня, склонив голову набок и прищурив глаза. Толик тоже оставил в покое свою Волжанку и, открыв рот, слушал мои слова.

-Какие у вас будут предложения по ремонту, товарищ рядовой? - пожевав губами, спросил майор.

-В настоящее время машина может эксплуатироваться, однако в течении летнего периода необходимо провести следующий ремонт... Еще в течение нескольких минут я перечислял, что нужно заменить и сделать, чтобы безопасно передвигаться на этом вездеходе.

- Меня вообще Дмитрием Федоровичем зовут, - неожиданно сказал зампотех и, сняв фуражку, добавил. - Что могу сказать, солдатик, котелок у тебя варит.

Среди его поредевшей, совершенно седой шевелюры, был хорошо заметен длинный уродливый шрам.

Заметив мой взгляд, он пояснил, - это мне в сорок пятом году досталось, под Кенигсбергом. Полгода в госпитале провалялся.

Я в ответ сказал:

-Мой отец тоже в сорок пятом был ранен, только в самой Польше.

- Да многих людей война зацепила, - вздохнул офицер, - Ладно паренек, трудись, не буду мешать, но завтра перед выездом специально приду, проконтролирую, что да как.

Он повернулся и пошагал дальше.

Через час ушел Толик, на прощанье, сказав, чтобы я закрыл все сам и сдал под охрану, а если у него хоть что-то пропадет, то мне песец.

Нитрокраска на колесах никак не хотела сохнуть, не знаю, что уж в нее было намешано. Еле дождавшись момента, когда она перестала прилипать, я быстро начал ставить их на место.

Броде все, что мог на сегодня выполнил. Народа к этому в времени в

парке убавилось. Я убрал машину в бокс и закрыл ворота. Идти в роту не хотелось, На верстаке валялась замызганная книга "Военный ремонт автомобиля ГАЗ 69".

Взяв книгу я перебазировался в яму, включил там переноску и усевшись на табурет приступил к чтению. В ДОСААФе такой учебник имелся, но там мне было не до него, хватало других забот.

Сейчас же я сидел в холодке и просматривал карты ремонтных работ.

-Молодцы, все-таки вояки, - думалось мне. - Не надо быть семи пядей во лбу, открывай книжку и делай, растолковано, как для детского сада.

-Заскрипела входная дверь, и раздался голос Яшенкова:

-Сапаров, мать твою, куда ты делся?

-Здесь, товарищ старшина, под машиной, - крикнул я и начал выбираться наверх.

Оценив мой рабочий вид, в спецовке, в одной руке раскрытое руководство, в другой переноска, старшина одобрительно покачал головой.

- Вижу, вижу, не сачкуешь, парень, - пробурчал он.

-А то, - подумал я. - Создавать деловую рабочую обстановку - наше все!

-Ну, как, разобрался? - спросил он, обходя отмытую от пыли машину. - Так точно, товарищ старшина, разобрался, - сообщил я. - Машина к выезду готова. Масло заменено, зажигание отрегулировано, люфты, где возможно убраны. Тормоза прокачаны. Только заправиться и можно в рейс.

-Хм, а кто тебе помогал тормоза качать? - с любопытством спросил Яшенков.

-Точно, Толян уже кому мог, всем рассказал, что я его послал подальше, даже старшина в курсах, - понял я.

- Из соседнего бокса ребят попросил, они мне помогли, - ответил я, улыбнувшись.

Яшенков в ответ ухмыльнулся и сказал:

Я с тобой тоже все берега попутал, начальство кричит, скорей, скорей, Климов уже достал. Забыл совсем, что в журналах инструктажа ты не расписался.

Сейчас опломбируем бокс, и пойдем на ПТК, там, в журнале распишешься.

Когда старшина закрыл бокс на замок и сделал оттиск печати на пластилиновой пломбе я, на всякий случай его предупредил:

-Товарищ старшина, мне старший сержант Иванов, обещал голову оторвать, если у него что-нибудь пропадет. На всякий случай, взгляните, у меня при себе ничего нет.

Старшина ухмыльнулся.

-В свидетели берешь. Так может, ты за это время пол бокса в кустах распихал, воон там, у забора. Не ты первый, между прочим. Может, пойдем, глянем? - И решительно направился в сторону забора.

Я последовал за ним.

Яшенков сунул руку между веток... и вытащил оттуда пару гаечных ключей.

-Хе-хе, не ты ли Сапаров их туда засунул? - ехидно улыбаясь, спросил он.

Я улыбнулся не менее ехидно:

-А вы, товарищ старшина, отпечатки пальцев снимите. Работал то я без рукавиц, мне их как-то забыли выдать.

-Слушай, а это идея, - воодушевился старшина. - У всех, на хер, рукавицы отберу, и все что найду эксперта вызову и проверю. А то пи..дят все, что плохо лежит.

После отбоя ко мне подошел озабоченный Синицын.

-Сапаров, я за тебя пи... лей ограбить не собираюсь. Быстро в каптерку, забери п и ко быстро ко мне.

-Товарищ сержант, а в чем деле.

-Я бл.. тебе что сказал? Мухой бл... лети.- заорал Синицын. Под левым глазом у него желтел старый синяк.

Я пожал плечами и отправился в каптерку. Пузенко там не было. За столом сидел капитенармус, ефрейтор Витя Малышев и пилил старые зубные щетки. Я уже знал, что его любимое занятие делать маленькие финки, с лезвием 4-5 сантиметров и с наборными ручками. Получались они у него одно загляденье.

- Он бросил на меня хмурый взгляд и спросил;

-Какого х.. надо.

-Синицын приказал п взять.

-О бл...! Я и забыл.

Малышев залез на табуретку, и с верхней полки достал аккуратно сложенную форму.

Взяв п я вернулся обратно.

Там меня дожидался еще и Мицкунас.

Сердце тревожно екнуло. Сейчас начнутся разборки. Но тут последовала команда:

-Давай сынок переодевайся.

Я надел форму, сапоги и после чего меня начали разглядывать, как невесту на выданье.

-Ну, как пойдет? - спросил Мицкунас у появившегося Пузенко. Тот обошел вокруг меня склонил голову набок, прищурился, и затем оценил:

- В общем, неплохо, но левый погон надо пришить ближе к воротнику на четыре миллиметра.

Левая петлица криво пришита, тоже отпороть и перешить. Так, комсомольский значок, надо переколоть вот сюда. И последнее, сынок, возьмешь утюг тряпку, отпаришь форму, и повесишь на вешалку. Пилотку я завтра найду другую. Приступай время пошло. Да, если спалиши п, лучше сразу вешайся.,

-Что это было? - спросил я у Синицына, когда деды скрылись в каптерке.

-Вот завтра встретишься с подполковником Климовым и поймешь, что это было, - злорадно сообщил сержант, - Папа Клим тебя научит Родину любить. Сейчас слушай, завтра на зарядку не идешь, вместе с дежурным по роте двигаешь в столовую, завтракаешь, летишь сюда, переодеваешься и в парк за машиной. Там тебе скажут, куда и что, все понял?

-А что вы так все дергаетесь, как будто вам самим завтра Климова возить? - спросил я.

Мне что-то стало не по себе, загадочный подполковник начал меня пугать.

Синицын усмехнулся.

-Все боятся папу Клима, Если завтра он найдет к чему придаться, сразу отправит тебя обратно, позвонит Ахрамееву, и мы ночью отправимся строевым шагом хоронить окурки, или побежим три километра в противогазах, а литер Гаврилов будет бежать рядом и проверять, не вытащил ли кто-нибудь клапан из него. Щетку и гуталин не забудь в машину положить,

А сейчас двигай, перешивай погоны и петлицы и отпаривай форму.

Утром восемнадцатого мая я подъехал к подъезду N2 ДОСа, там уже нетерпеливо топтался невысокий, полный подполковник.

Увидев меня, он демонстративно взглянул на часы, лежавшие у него на ладони, после чего закрыл крышку и убрал их в карман.

Я выскоцил из машины и хотел, было, рапортовать, но не успел.

-Смирна,- скомандовал толстяк. Я вытянулся, боясь лишний раз вздохнуть.

Климов. нахмурив брови, задумчиво обошел вокруг меня.

Затем, подойдя вплотную, подергал за пряжку поясного ремня. Та, начищенная с утра, сверкала под лучами утреннего солнца, точно также сверкали яловые сапоги.

-Вольно!- скомандовал офицер. - Умеют ведь, чертяки, когда захотят, - сказал он в никуда.

Я ощутимо расслабился. Но это был еще не конец.

Климов подошел к машине. С невозмутимым лицом поглядел на свежевыкрашенные колеса с белыми ободками.

-Открой капот! - приказал он, извлекая из кармана белый платок.

Я быстро выполнил приказ и вновь встал по стойке "Вольно".

Подполковник провел платком по головке блока цилиндров. После чего удивленно начал разглядывать, оставшуюся белой, материю.

Ткнув еще в паре мест, он приказал закрыть капот, и опустить задний борт. После того, как с надеждой заглянув туда, не нашел к чему придраться, он скомандовал мне.

-Садись в машину, едем в комендатуру, надеюсь, адрес знаешь?

-Так точно, товарищ подполковник, знаю, - браво доложил я и, усевшись за руль, завел двигатель. В голове царило полное уныние.

-Это что, он так каждый день меня проверять будет! - билась в мозгах единственная мысль. - Я же чокнусь от такого контроля.

Утешало одно, мой предшественник Вася Грищенко ведь как-то дослужил до дембеля.

Я уже хотел нажать на газ, когда Климов сообщил:

-Еще минуту погоди.

Через эту минуту дверь подъезда распахнулась и оттуда выбежала симпатичная, немного полная, девушка. В руках у нее был портфель.

Она открыла заднюю дверь и, усевшись на сиденье, поздоровалась со мной.

В животе ощутимо похолодело. Эту девицу я знал. Последние полгода она частенько заходила в бар в компании подружек и беззастенчиво клеила меня.

Она ничего больше не сказала, но пока мы ехали до университета, куда ее приказал отвезти отец, в зеркале я видел ее довольное лицо.

Пока мы ехали до комендатуры, я успел прийти в себя и размышлял, чем для меня может грозить такое знакомство. И пришел к выводу, что пока особо ничем.

Высокие металлические ворота распахнулись сразу, как только я просигналил.

Стоило подполковнику опустить ногу на землю, как к нам уже бежал старлей с повязкой "дежурный по комендатуре" и орал: - Смирна.

Пришлось и мне срочно высакивать и стоя дожидаться окончания доклада.

Закончив доклад, старший лейтенант продолжал глазами "есть" начальство.

-Вольно, - лениво произнес Климов. - Ну, пойдем, поглядим, какой у нас нынче улов.

Он повернулся ко мне и коротко приказал:

- Следуй за мной.

Мы зашли в одноэтажное кирпичное здание.

В пустом холодном коридоре, выкрашенном в темно-синий цвет, тускло горела одна лампочка. В коридор выходили несколько дверей, на дальней, металлической, крупными буквами было написано "гарнизонная гауптвахта".

Климов повернулся к нам и прошипел.

-Тише, не топайте сапожищами.

Сам он осторожно прошел к двери и прислушался. Когда мы с старлеем подошли и встали рядом, он рывком распахнул дверь.

Часовой, разговаривающий рядом с сидящим за решеткой, солдатом дернулся, из его рук выпала пачка сигарет и те рассыпались по полу.

-Так, так - ехидно произнес подполковник, глядя на лейтенанта, - это мы значит, так караульную службу несем, мать, перемать,

Лейтенант побледнел, а часовой вообще застыл мумией. Лишь арестованный самоходчик лыбился из-за решетки.

- Товарищ лейтенант, немедленно вызвать сюда начальника караула, - приказал полковник.

Через минуту на гауптвахту влетел запыхавшийся сержант.

- Начальник караула старший сержант Яхонтов, товарищ подполковник, - представился он.

-Товарищ сержант, приказываю вам произвести замену часовому. А ты голубок, - повернулся он к часовому,- после снятия с поста сдашь оружие начальнику караула и поясной ремень тоже. Отдохнешь на губе пару суток.

Тут он повернулся к улыбающемуся солдату за решеткой и тихо произнес:

- Ты чего лыбишься, сынок, мать твою, чему так рад? Что своего товарища под монастырь подвел? Ты этому радуешься бл..?

Он снова повернулся к лейтенанту.

-Товарищ дежурный, откройте камеру.

Лейтенант с обреченным видом открыл замок.

Климов схватил караульного, уже снятого с поста и без оружия, и втолкнул в камеру.

-Ну ка, сынок, дай этому нарушителю в морду, я приказываю!

Караульный не веряще смотрел на офицера.

-Бей, я что тебе сказал! -заорал тот еще сильней.

Растерянный солдат легонько шлепнул товарища по щеке.

-Кто же так бьет, разве это удар, мать твою, бей сильнее.

Караульный размахнулся и уже чувствительно заехал противнику по морде.

Климов расслабился.

-Ну, вот это уже кое-что.

Затем он уставился на арестованного.

-А теперь, ты, дай этому говнюку в морду!

Через несколько секунд в камере ожесточенно били морды друг другу оба рядовых.

-Все, закончили, - приказал подполковник спустя минуту. - Развести их по камерам. Пусть посидят, подумают, как дальше службу нести. А мы пройдем, посмотрим, кто тут еще отдыхает.

Из следующей камеры несло перегаром так, что можно было опьянеть. Троица стройбатовцев в расстегнутых гимнастерках без подворотничков со страхом взирали на Климова. Они, видимо, были в курсе, кто это такой.

-Ого! Какие "редкие" гости! - радостно воскликнул подполковник,- Три солдата из стройбата заменяют экскаватор! Сегодня мы это в очередной раз проверим. Быстро сюда две лопаты.

Он открыл камеру и закинул туда две совковые лопаты. Троица кинулась на них, как коршуны, мутузя, друг дружку.

-Встать смирррна! - скомандовал Климов. Троица вскочила. Два счастливца прижимали к телу драгоценные лопаты. Третий понуро глядел в пол.

-Ага! Так ты, парень, у нас лентяй! Почему без лопаты? Работать не желаешь? - заорал наш комендант. - Сегодня работаешь ассенизатором, давно у нас сральник не выгребали. А вы ребята молодцы! Сразу видно, трудяги! Будете до обеда заниматься строевой подготовкой.

Парни переглянулись. По их лицам трудно было сказать, предпочли бы они чистить туалет, или четыре часа заниматься шагистикой.

С утра, раздав люлей, Анатолий Петрович Климов превратился в милейшего человека, и, до обеда не беспокоил никого своим присутствием.

Меня тоже никто не трогал. От скуки пришлось заняться машиной. Благо, что ветоши я припас изрядно.

Отвлекали только маты сержанта, командующего стройбатовцами.

Те дружно топали по закатанному асфальтом двору комендатуры, пот тек с них градом. Наверно выходило вчерашнее спиртное. Но строевого

шага у них все равно не получалось.

Около часу дня подполковник вышел на крыльце и оглядевшись крикнул мне:

-Сапаров, заводи машину, поедем на обед!

Когда мы подъехали к ДОСу, я думал, что Климов сейчас отправит меня в часть.

Но тот смог удивить.

-Давай, пошли, пообедаем у меня,- сказал он, улыбаясь. Глядя на его румяное улыбчивое лицо, было трудно поверить, что всего несколько часов назад он заставил двух солдат драться друг с другом.

-Товарищ подполковник, может, не стоит, - сказал я. - Неудобно, вроде бы. Лучше я в части пообедаю.

-Неудобно штаны через голову надевать, - ответил тот. - Не дергайся, пойдем, никто тебя не съест.

Я особо и не стеснялся, но для приличия стоило слегка поупираться.

Моему появлению никто не удивился. Жена Климова такая же полная женщина лет сорока, приветливо улыбнулась и поздоровалась в ответ на мое приветствие.

Накормили меня от всей души, так, что я с трудом вылез из-за стола, в душе надеясь, что это не последний раз. Алефтина Ивановна готовила не хуже моей мамы. Хотя до Гиви Хорбаладзе ей было далеко.

Вторая половина дня прошла без особых приключений. Я отвез Климова в штаб армии, затем в нашу часть, после чего домой. На ужин опоздал, и пошел в роту.

В курилке одиноко сидел старшина Пузенко и курил самокрутку с махвой.

-Как день прошел?- полюбопытствовал он.

-Вроде нормально.

- Ты чего из парка идешь? В столовой не был?

-Не был, опоздал, - признался я.

Старшина хмыкнул.

-Ты, где служишь, сынок, в хозвзводе. Бегом в столовую, подойдешь к поварам, они найдут, чем накормить сослуживца.

После роскошного обеда есть мне не очень хотелось, но отказываться от предложения еще меньше. Поэтому я двинул в сторону столовой. Действительно, повар встретил меня дружелюбно и навалил здоровую миску тушеной картошки с тушеникой.

Я ел и вспоминал первую службу. Тогда мы питались рагу из смеси гороха и квашеной капусты, а вместо мяса на стол нам ставили миску, в

которой в комбижире плавали десять кусочков свиного сала с кожей. Иногда даже со щетиной.

-Мда, такая служба мне нравится больше, - думал я заедая сладкий чай ломтем белого хлеба.

К сожалению, через неделю мне пришлось оставить Климова без водителя. Ротный приказал каждое утро отправляться в карантин и вместе с остальной молодежью готовиться к принятию присяги. Я естественно, не сообщил ему, что уже принимал, однажды, присягу и повторно ее принимать не стоит, только в это никто не поверит, и отправят меня в одно хорошее заведение для дураков. Поэтому я стойко переносил строевую подготовку, кроссы в противогазах, разборку и чистку оружия. Тем более, что в отличие от своего призыва, мне это нужно было делать всего неделю. А ночевал я в роте, поэтому был избавлен от такой сержантской забавы, как Отбой - Подъем, и так раз пять-шесть, по утрам и вечерам.

Присяга, по крайней мере, для меня прошла без фанфар. В эти годы еще не было моды на эту церемонию приезжать родителям. Тем более, что почти все призывники направлялись подальше от родных мест.

На следующий день после присяги мое появление у ДОСа Климов встретил радостным воплем. И даже не доставал с открыванием капота.

-Отлично! - восхликал он. - Все думал, что опять не повезет.

-Чего он так радуется, - думал я, но спрашивать не торопился.

Все выяснилось после обеда.

Сегодня, оказывается, была суббота и, семейство Климовых нужно было везти на дачу. А у Алефтины Ивановны было очень много рассады помидоров, огурцов и перца.

Меня тут же привлекли к их переноске. В этом процессе я не раз сталкивался с Юлей, дочкой Климова и каждый раз она делала вид, что это происходит нечаянно. Отец, конечно, ничего не замечал, а вот мама пару раз укоризненно качала головой.

Девчонка она была очень даже симпатичная, но у меня хватало соображения не флиртовать с ней на виду у командира.

Нагрузив полную машину баулов и рассады, климовское семейство загрузилось в машину, и мы направились за город.

-Это хорошо, что ты местный, - неожиданно выдал подполковник. - Не надо ничего объяснять. Васька был неплохой водитель, но пока ему растолкуешь куда ехать, язык сотрешь.

Я тем временем выехал за город и катил по новому асфальту в сторону деревни Машезеро.

Мне не довелось в первой жизни в это время побывать здесь, поэтому

я с любопытством разглядывал небольшую карельскую деревеньку, стоявшую на берегу одноименного озера. На нем сейчас несколько человек вытаскивали невод. К сожалению, с дороги не было видно, что за рыба им попалась.

Как обычно, старые карельские дома поражали размерами. Все двухэтажные с огромными прирубленными салями, в которых на втором этаже имелись ворота. В эти ворота в старые времена по помостам заезжали на телеге и разгружали сено прямо на сеновале.

Сейчас деревня оставляла жалкое впечатление. Никто еще не предполагал, что пройдет всего двадцать лет и все здесь будет застроено сотнями дач, в которых старая деревня просто растворится.

Климову повезло купить дом в хорошем состоянии, по крайней мере, на первый взгляд нижние венцы были еще целые. И место было просто классным, небольшой пригородок, практически на берегу озера.

Мы быстро разгрузили привезенные вещи, и Алефтина Ивановна понеслась ставить самовар, выхватив из кучи вещей старый сапог.

Климов же с задумчивым видом разглядывал меня.

- Не знаю, что с тобой делать, - признался он, наконец, - Ахрамееву я сообщил, что машину с водителем забираю до вечера воскресенья. Ты сам что хочешь, поедешь в часть, или у нас до завтра останешься.

-Хм, это он так тонко намекает, что надо помочь по хозяйству, - подумал я. - Напрямую сказать неудобно. Интересный мужик. На службе зверь зверем, а тут стесняется сказать, мол, поработай парень у меня на участке.

-Останусь, товарищ подполковник, если вы не против, может, помогу чем, - сообщил я в ответ.

Климов повеселел на глазах.

-Вот и хорошо, - сказал он и сразу предложил:

-Пошли для начала чайку дернем, а потом посмотрим что тут у нас делается.

Он озабоченно оглядел меня.

-Только переодеться тебе придется, есть тут у меня кое-что в запасе. А п мы повесим на вешалку, чтобы не помять.

Мысленно я усмехнулся.

-Служака остается служакой, в первую очередь беспокоится о форме.

Мы сидели за столом и пили чай из самовара. Тот, закопченный, огромный, стоял посередине стола и тихонько гудел.

Вода из местного колодца была выше всяких похвал. В меня влез уже третий стакан крепкого чая . Юлька сидела напротив и беззастенчиво

стреляла в меня глазами.

-Хм, может ее ночью на сеновал пригласить? - подумал я, после очередной стрелялки. - Такая домина, никто ничего не услышит, а девка сама напрашивается. Хрен с ним с Климовым. Не убьет же он меня, даже если узнает.

Но все же чаепитие было завершено. Алефтина Ивановна приступила к готовке обеда. Юля взяла какой-то учебник и в открытом купальнике отправилась на улицу, не обращая внимания на мамин укоризненный взгляд. Несмотря на легкую полноту, фигурка у нее была вполне ничего.

Я же, переодевшись в старую форму Климова, пошел вместе с ним на обход хозяйства.

Те, кто жил в этом доме раньше, явно не были дачниками. На участке не росло ничего, кроме единственного куста крыжовника. Два огромных картофельных поля завершали композицию.

-Вот, Санек, посмотри, тут я собираюсь сделать теплицу, - показал мне подполковник на кучу старых досок и бревен.

-Ну, что же хорошее место,- согласился я. - Солнечное, и колодец рядом. С поливкой проблем меньше будет,

-Да? - удивился Климов. - Я об этом и не подумал.

--Ты еще о многом не подумал,- мысленно засмеялся я, вспоминая свою многолетнюю дачную эпопею.

-Так, давайте товарищ подполковник я займусь ей. По крайней мере, за сегодня и завтра каркас сделать успею. Только бы инструмент бы мне, - предложил я.

Климов чуть не засветился от счастья, но, тем не менее, с подозрением спросил:

-Ты хоть справишься с этим делом, это не твои железки, тут думать надо, что да как.

-Все будет нормально, товарищ подполковник, - попытался я его успокоить.

-Что ты пристал товарищ подполковник, да подполковник, мы же сейчас не в форме, обращайся ко мне Анатолий Петрович, - немного раздраженно сообщил Климов и повел меня за инструментом.

Увидев его инструменты, я немножко приуныл. Конечно, привыкнув в последние годы работать электроинструментом, вновь перейти на ручной труд - перспектива нерадостная. Но ничего не поделаешь, придется привыкать.

Взяв в руки видавшую виды ножовку, глянул ее прищурившись. Как и предполагал, никакого развода не было и в помине. Зубья стерты напрочь.

Климов только развел руками в ответ на мой взгляд. Пошарив в ящике, я нашел трехгранный напильник, насечка на нем еще была чуточку жива, разводки обнаружить не удалось, но ржавые плоскогубцы в ящике имелись.

-Для начала пойдет, а там посмотрим, - подумал я и приступил к разводке зубьев.

Заметив, что я занялся делом, Климов тоже решил приложить усилия к чему-нибудь и решительно снял со стены сарай, висевшую под стрехой, косу.

Даже не проверив, плотно ли забит клин, он попытался начать косьбу. И при первом же взмахе, коса слетела с косовища.

С кучей матов он схватил все прибамбасы и понес обратно в сарай. В течение минут двадцати оттуда раздавались громкие маты.

Я уже с лопатой в руках пытался очертить контур будущей теплицы, когда подполковник подошел ко мне.

- Слушай Сашок, может, ты что-нибудь посоветуешь, ни хрена у меня не выходит, - признался он.

Глянув на его работу, я еле удержался от смеха. Коса на косовище вместе с клином фиксировалась полоской жести вырезанной из консервной банки. Но у Климова никак не получалось как следует ее намотать и затем зафиксировать гвоздиком.

Зайдя в сарай, я начал рыться в куче хлама и на счастье нашел кусок водопроводной трубы диаметром два дюйма.

Пила по металлу также удалось обнаружить. Тиски, к сожалению, отсутствовали, поэтому пришлось одной рукой держать трубу, другой пилить.

За тем, как я работаю, увлеченно наблюдал Климов и Юля, стоявшая у него за спиной.

-Конечно, - думал я. - Все, как в известном выражении, можно бесконечно долго наблюдать за горящим костром, текущей водой и за работающим человеком.

Отпилив кусок трубы нужной длины, слегка обстрогал косовище и надел получившееся кольцо на него.

Затем пришлось взяться за косу. Отбив ее молотком на какой-то здоровой железяке, уже окончательно посадил ее на место и закрепил клином. Бруском снял ограхи отбивки, после чего вручил косу хозяину.

Климов, взяв косу в руки, смотрел на меня каким-то новым взглядом.

-Ты разве в деревне рос? - спросил он внезапно.

-Нет, вы же знаете, у меня детство по военным городкам прошло, - сообщил я.

-Да, конечно, знаю, - рассеянно ответил он, видимо, что-то соображая в мыслях.

Повернувшись, он увидел сзади, стоявшую в купальнике дочку и звонко шлепнул ее по мягкому месту.

-Быстро оделась! - скомандовал он. - Ишь, выпялились перед парнем.

Но злости в его голосе не было. Мне показалось, что он даже доволен, как Юля демонстрировала себя.

Та и не подумала выполнять его приказ. Ушла к одеялу, расстеленному на траве, и улеглась на него лицом к солнцу.

До ужина я успел, сделать один венец из бревен и запилить в них места для стоек. Климову сказал, что надо бы их пропитать отработанным маслом, тогда они простоят года на три-четыре дольше, но тот махнул рукой, дескать, сойдет и так. Ну, мое дело маленькое, делаю, как сказано.

Но свое эстетическое чувство я потешить успел. Пилить бревна ножковкой не хотелось, поэтому я взял двуручную пилу и позвал Юлю, по-прежнему наблюдающую за мной, помочь в распиловке.

Та без колебаний пришла на помощь. Бревна лежали невысоко, поэтому пилить пришлось, стоя на коленях. В начале у нас не получалось, но затем мы приоровились и дело пошло. Я же с удовольствием наблюдал за колыханием Юлькиных грудей при движении. А когда одна грудь выпала из бюстгальтера, сверкнув розовым соском, вообще прибалдел. Юля, между прочим, обратно прятать ее не спешила.

-Все-таки молодое тело, это вещь! - пришло мне в голову в этот момент, - я думал, что такие вещи на меня уже не действуют.

Наши переглядывания закруглила Алефтина Ивановна, приказав Юле одеться, этот приказ та выполнила моментом. Видимо, боялась маму больше чем отца.

-Когда мы допилили бревна, я сказал ей, глядя в глаза.

-Я сегодня ночую на сеновале, если хочешь, приходи.

Девушка ничего мне не ответила, повернулась и молча ушла в дом.

-Придет, - понял я, глядя на ее походку.

Увы, надежды не сбылись. Юля не пришла. Почти сразу, как забрался на сеновал, понял, что зря это затеял. Лучше спал, как было предложено, в комнате на нормальной кроватке, укрывшись одеялом, на чистых простынях. Нет, захотелось экстрема, мать его! Прошлогоднее сено пахло мышами и пылью. Сами мыши сначала притихли, но потом начали во всю шуршать рядом со мной. Я ворочался на покрывале, думая, придет ли девушка. И как-то незаметно для себя заснул.

Проснулся неожиданно, от глухого бубнения за дверями. Бубнила

Алефтина Ивановна.

-Юлька, паршивка, ты опять за свое. И в кого ты такая уродилась? Отец в прошлом году тебя со скандалом заставил из Ленинграда уехать. Вроде начала здесь учиться, все хорошо, и опять за свое взялась. ведь ты врач будущий, разве можно так себя вести?

-А как я себя веду? - раздался тихий шепот дочери.

-Как профура последняя, - в сердцах шептала мать. - Увидела парня смазливого и сразу в постель к нему лезешь. Хочешь отца до инфаркта довести.

-Никуда я не лезла, хотела только воздухом подышать, очень душно у нас.

Алефтина Ивановна хмыкнула.

- Кому ты сказки рассказываешь, горюшко мое. Я тебя насквозь вижу. Сейчас же идешь и ложишься спать, и без фокусов. Тебе паразитка сессию надо сдавать, к экзаменам готовиться, а ты другими делами озабочена.

Раздался звук подзатыльника, и за дверью стало тихо.

-Вот тебе Саня и Юрьев день! - уныло подумал я, повернулся на другой бок и довольно быстро заснул.

Утром за завтраком, девушки не было, Алефтина Ивановна была мрачнее тучи и только Анатолий Петрович был бодр и весел, рассказывал старые анекдоты и первым над ними смеялся.

Зато день прошел у меня плодотворно, так, как ночью сил тратить не пришлось весь энтузиазм, я вложил в стройку. Поэтому к отъезду мы с подполковником успели закрыть ее полиэтиленом. Видимо, полиэтилен считался жутким дефицитом, потому что Алефтина Ивановна ругала мужа за каждый испорченный кусочек.

Уезжали мы с Клиновым вдвоем, его домочадцы оставались еще на пару дней, до очередного Юлинго экзамена.

И тут я в разговоре совершенно нечаянно ляпнул глупость.

-Эх, баньку бы мне как-нибудь срубить, - сообщил подполковник между делом. - Третий год, как купил этот дом и все никак не могу начать. Сам боюсь взяться, никогда этим не занимался, а найти никого не могу. Лес куплен еще хозяином дома, ты бревна для теплицы из него выбирал. Все переживаю, что так и сгниет.

-Так, чего там сложного, удивился я, - руби себе да руби. У вас в укках весь инструмент для этого имеется.

В чем, чем? - удивился Клинов.

-Ну, в сарае, укки - просто местное название помещения в доме между жилым помещением и хлевом. - пояснил я.

- Так, ты говоришь, можешь баню срубить? - заинтересованно спросил собеседник.

-Блиин! Ну, какого хрена я не могу придержать свой язык? - подумалось мне. Тем более, следовало учесть, что после сегодняшней стройки, командир воспыпал ко мне необычайным доверием по этой части и выслушивал внимательно все мои советы.

Товарищ подполковник, - попытался я юлить. - В одиночку это сложно, да и когда это делать?

Климов не возразил. Но всю дорогу до города находился в странной задумчивости. А я думал, что, похоже, все лето мне придется провести на природе с топором, теслом и чертой.

Вечером в роте пришлось рассказать дедам о поездке на дачу к Климову. Всем было интересно, где я ночевал.

-Ну, ты дал шороху, - сказал Мицкунас, после того, услышал о постройке теплицы. - Хохол, еще в апреле, перед дембелем хвастался, как он там с дочкой Климовской прошлым летом кувыркался, да жрал от пузза, а ты пахал целый день.

-Я хмыкнул про себя, услышав эти слова. Похоже, Вася Грищенко изрядно привидал. Мама Юлю блюла, как могла, поэтому вряд ли Васе что-то обломилось.

-Кстати, - продолжил Мицкунас, - завтра мы в комендатуре встретимся. Я в патруль иду вместе с летехой Гавриловым, Славка Поздняков еще будет да еще несколько годков.

Следующим утром я, как обычно, начищал машину во дворе комендатуры.

По двору строевым шагом шагали несколько солдат, задержанных вчера вечером, гонял их сегодня Ромас, оставшийся в резерве патруля.

Делал он это с большим удовольствием, что не преминул отметить и Климов, на минуту выглянувший из дверей комедатуры.

-У вас хороший командный голос товарищ сержант, - похвалил он. И снова ушел заниматься своими делами.

Ближе к одиннадцати часам дня ко мне подбежал растерянный дневальный с КПП.

-Слушай там к тебе пришли, такие, такие, амбалы! - он даже не мог подобрать слов.

Я вышел за КПП и попал в объятья Вовки Сякина.

-Санек, здорово! Как брат дела!? -заорал он, выжимая из меня последний дух.

-Да отпусти ты его! - крикнул Зиганшин. - Парень даже вздохнуть не

может.

Вова разжал объятья, и мне полегчало.

Привет ребята, - воскликнул я. - Какими судьбами? Даже не думал, что вы меня навестите.

-Понимаешь, Санек, тут такое дело,- замялся Вова. - На той неделе ты звонил Наталье Петровне, рассказал, где ты и что, вот мы и решили пройтись мимо комендатуры. Тут тебя легче выщепить, чем в части. Вот пришли кое-что сообщить.

Тут он замялся. и слово взял Рифат.

-Ты, главное не бери в голову. Не переживай, у тебя девок еще будет много.

-Да, что стряслось? Говорите прямо, - пробурчал я.

-Твоя Ленка выходит замуж. - Сообщил Сякин .

-Что, вот так, уже через три недели после моего призыва? - Вслух удивился я.

-Так, вот почему она к телефону не подходила. А Наталья Петровна, сучка, причины придумывала, - понял я ситуацию.

-Да, вот так, неожиданно, мы сами все в шоке, - подтвердил Зиганшин.- Никто ничего не понимает. А в пятницу она заявление на расчет подала.

Ты, как, ничего? - встревожился он, глядя на мое лицо.

-Нормально, - прошелся я. Мысли в черепной коробке толклись, в сумятице. Такого поворота я никак не ждал. Нет, если бы это произошло через полгода, год, было бы все понятно и ожидаемо. Но через три недели, уму непостижимо!

Я еще минут десять потрындев с мужиками о том, о, сем. Они, увидев, что я перенес их сообщение без особых эмоций, и рыданий, повеселели и ушли в гораздо лучшем настроении, чем приходили.

Зайдя обратно во двор, я подошел к Славке Позднякову, который вместе с Мицкунасом наблюдал за моей беседой.

-Ну, что Славик, к сожалению, выполнить обещание не смогу, - сказал я.- Замуж моя девушка выходит.

-Что! Уже! - вырвалось сразу у обоих. - Ни х.. себе!

Они посмотрели друг на друга и заржали.

-Не мы одни, в дураках,- констатировал Поздняков, хлопая меня по плечу. - Не бери в голову, салабон, выше нос! Все будет путем.

-Похоже, после моего сообщения у них даже поднялось настроение, - подумал я и пошел дальше заниматься машиной и думать, что же случилось с моей девушкой, клявшейся ждать меня сколько угодно

времени.

Мицкунас, глядя на уходящего салагу, тихо сказал Позднякову.

- Видал, с какими ребятами он дружбу водит? Так, что мы вовремя задний ход дали, Даже присягу ложками не отбили, как остальным.

Поздняков согласно кивнул головой.

-Точно, особенно страшен тот верзила, который его обнимал. Ну и рожа! Ночью увидишь, так сразу обделаешься. Этот Сапаров еще тот прохиндей, только притворяется активистом, а девка, наверно, сто раз пожалеет, что замуж выскочила.

-Может, она узнала, что я с Зинкой Бахиревой шуры-муры крутил? - в который раз подумал я, ожесточенно протирая стекла газика.

Ничего больше не приходило в голову. День, между тем, подходил к концу, И тут перед распахнутыми настежь воротами комендатуры остановился горбатый запорожец.

Из него вышла Лена и направилась ко мне, убивая всех очевидцев наповал своей красотой.

К ней из помещения КПП уже бежал дневальный, чтобы остановить у ворот.

Поэтому я поспешил выйти сам на дорогу, чтобы многочисленные свидетели не слышали нашего разговора.

Лицо у Лены было заплаканное, но выглядела она решительно.

-Саша, - сразу начала она подготовленную речь. - Я знаю, что тебе уже все доложили, и хочу, чтобы ты знал, почему я так поступила, и прошу простить, если сможешь. Игорь Федорович, давно оказывал мне знаки внимания, а на следующий день, после того как ты ушел в армию, он сделал мне предложение, и я его приняла.

Я только хочу объяснить причины своего поступка. Понимаешь, Саша, ты работал барменом и был удовлетворен своей работой и не хотел ничего больше от жизни. Сейчас ты служишь в армии, а потом снова придешь работать в шашлычную. Меня такая перспектива не устраивает, через три года я окончу институт и получу высшее образование, о чем мы с тобой будем говорить всю жизнь. О том, сколько денег ты сегодня заработал? У тебя в будущем нет никакой перспективы, так и будешь коктейли свои разливать.

-Да, товарищ, Лена совершенно права, - сообщил плюгавый молодой человек с козлиной бородкой, выбравшийся из автомобиля - она очень талантлива, и ее ожидает отличная карьера в науке. Поэтому вам с ней не по пути. Вы же совершенно разные люди.

-А вы собственно, кто такой? - спросил я его.

Тот приосанился, и важно сообщил:

-Я доцент кафедры биологии Дементьев Игорь Федорович, в настоящее время жених уважаемой Елены Сергеевны.

-И какие вы можете предложить Елене Сергеевне перспективы? - ехидно спросил я. К этому моменту я уже полностью пришел в себя. Все было ясно и понятно. Оставалось только смеяться над своей глупой уверенностью в верности девушки.

-Как это, какие? Я, в настоящее время пишу докторскую диссертацию по иглобрюхим рыбам, обитающим в бассейнах Японского и Южнокитайского моря, очень, кстати злободневная тема. Через год два стану доктором наук. А Елена Сергеевна - талантливая студентка. В этом году она перейдет на дневное отделение и под моим руководством, начнет заниматься научной работой.

А вообще, молодой человек, вы должны поблагодарить девушку, за то, что она чувствовала себя обязанной объясняться с вами. - одним духом выпалил доцент.

-Иглобрюхие! Ха-ха-ха, - я закатился слегка истерическим смехом. - Иглобрюхие! Хорошая перспектива! Ой, не могу! Ха, через двадцать лет останетесь точно с голым брюхом. Ну, Лена, ты пролетела, по полной программе.

Парочка смотрела на меня удивленными глазами, не понимая причин смеха, а я не собирался им ничего объяснять.

-Пойдем, Игорь, - презрительно сказала Лена. - У Саши началась истерика. Никогда бы не подумала, что он такой слабак. Я думала, что ты встретишь мои слова, как настоящий мужчина.

Я перестал смеяться и сказал.

-Да ладно Лен, мне все понятно и ясно. Идите себе с богом. Обидно только за то, что не разглядел в тебе таких черт характера раньше. Так, что благословляю вас, плодитесь и размножайтесь.

Лена, сбив накал эмоций, всхлипнула и тихо спросила:

-Ты, действительно меня прощаешь?

Я улыбнулся.

-Ну, что мне остается делать, прощаю, конечно. Желаю вам счастья.

Похоже, мои слова ей пришлись не в нос. Она фыркнула и, повернувшись, пошла к автомобилю, где ее нетерпеливо ожидал будущий муж.

-Хм, смотри-ка, не понравилось девушке, что я так легко с ней расстался, - думал я, смотря вслед тронувшейся машине. - Рассчитывала, небось, что я Отелло изображать начну, нет уж дорогая, трагедии не

получится. Душить сегодня никого не будем, бить тоже.

А в будущем, не исключено, что твой будущий муженек очень удивится, когда женушка оставит его ради декана или ректора, к примеру. Судя по сегодняшнему дню, такое событие вполне может иметь место.

Когда я вернулся обратно к своему газику, на меня сочувственно уставились сослуживцы.

- Слыши, Сашка, не расстраивайся сильно, все бабы такие, - сказал подошедший Поздняков. - Я своей ребенка заделал перед тем, как в армию пойти, так она все равно с Костей гармонистом спуталась. Мать мне сразу отписала. Я из-за этого в отпуск не поехал, боялся, что ему ноги переломаю. Хотя, все равно, приеду отп-жю, как бог черепаху.

А хахаля твоей девушки даже бить не надо, его ткни, он сам развалится. Ленка твоя еще пожалеет, что за такого козла пошла. Хиляк какой-то! - выдал он пренебрежительно.

-Зато доцент,- сказал я.

Славка удивленно уставился на меня.

-А это кто такой доцент?

-Ну, ученый, одним словом.

-А, тогда понятно чего он доходягой выглядит, ученые они такие, - констатировал Поздняков, неопределенно поводив рукой перед носом, сам то он на доходягу никак не походил.

После этого визита служба у меня вступила в однообразную колею. В части я только ночевал, даже на обед ходил в столовую, расположенную недалеко от комендатуры. В субботу я частенько увозил подполковника с семьей на дачу, а вечером тот отпускал меня домой, для порядка выписывая увольнительную. Хотя я бы посмотрел, какая ВАИ рискнет останавливать машину коменданта гарнизона. Баней он меня пока не напрягал, так, иногда просил помочь в какой-нибудь мелочи по хозяйству. Зато Юлька изошарялась, как могла, чтобы попасться мне на глаза. Хорошо, что после сдачи сессии, к ней приехала подружка, и они больше времени болтались на озере, чем дома и не будили во мне гормональный взрыв своими телесами.

Маме очень понравились мои субботние приезды, поэтому она к ужину готовила всяческие деликатесы и внимательно следила, чтобы я все съел до конца. Бате, наоборот, мои частые визиты не очень нравились, он обычно ворчал:

- Что это за служба, совсем распустили молодежь, если бы я был твоим командиром, ты бы на своей шкуре узнал, что такое настоящая служба.

В начале августа такая идиллия была нарушена визитом неизвестного

мне капитана.

Вернувшись с ужина, я проходил мимо дверей в канцелярию, когда те открылись и, незнакомый голос крикнул:

-Товарищ солдат, зайдите, пожалуйста, в кабинет!

Повернувшись, я увидел в дверном проеме капитана с общевойсковыми петлицами. Тот улыбнулся.

-Да, да именно вы товарищ Сапаров меня интересуете, - сообщил он и шагнул в сторону, освобождая проход. Краем уха я уловил в гуле множества голосов слова:

_Особист, особист пришел.

В канцелярии кроме этого капитана присутствовал наш ротный.

Когда я зашел он обратился ко мне.

Так, Сапаров, товарищ капитан хочет с тобой поговорить, я пока пройдусь по роте, гляну, что да как.

-Присаживайтесь, Александр Юрьевич, - предложил капитан, когда ротный вышел из помещения. - Скажите, как хорошо вы водите мотоцикл?

-Ну, участвовать в кроссе я бы не рискнул, а так, думаю вполне прилично.

-А что скажете насчет мотоцикла с коляской?

-Без проблем,- лаконично ответил я.

-Хорошо, - сказал капитан и заметно повеселел.

-Ты представляешь, -- наклонился он ближе ко мне, - на всю дивизию один ты с правами на мотоцикл.

-Бреши больше, -насмешливо подумал я.

Капитан, между тем продолжил говорить.

-Что же, твои слова я услышал, сейчас пойдем с тобой прокатимся, посмотрю, не расходятся ли слова с делами.

Мы вышли из роты и вновь направились в автопарк, откуда я недавно вышел.

Там у КПП уже маячил разводящий с недовольной мордой. Вместе с ним мы прошли на территорию, где нас громким "Стой! Кто идет! остановил испуганный часовой.

Со страху он даже забыл крикнуть, как положено "Разводящий ко мне, остальные на месте!" Поэтому подошли мы к нему втроем.

Капитан не преминул сообщить о незнании часовым устава караульной службы, когда срывал пломбу с гаражных ворот. По взгляду разводящего стало понятно, когда часового сменят, то его ожидает продолжительная беседа, не исключено, подкрепленная телесным воздействием.

Мы вдвоем выкатили из бокса почти новый мотоцикл Урал с коляской. Я, по быстрому, проверил, есть ли бензин в баке и кик-стартером завел двигатель. Офицер плюхнулся в коляску и скомандовал

-Поехали!

-Куда? - спросил я.

-Куда глаза глядят, - сообщил тот.

Катались мы по вечернему городу, потом выехали на загородное шоссе. Вернулись в часть, когда совсем стемнело. Мотоцикл оставили у караульного помещения.

И потом вновь продолжили беседу в ротной канцелярии. Капитан Рубцов вытянул из меня все сведения о родителях, родственниках, школьных друзьях. Рота спала спокойным сном, а мы все продолжали разговор.

Когда мы закруглились, я все же рискнул спросить, к чему все это было.

Капитан в ответ сообщил, что все узнаю в свое время.

Следующим утром Климов был в жутком настроении, для начала без разговоров забрал у меня военный билет, потом в комендатуре выместили все зло на молодом лейтенанте, начальнике караула. Тот имел после этого бледный вид и шаткую походку.

Катались мы с ним целый день из штаба дивизии в штаб армии и обратно.

В конце дня он сунул мне военный билет и сообщил:

-Возьми лычки у старшины. Приказом командира полка тебе присвоено звание ефрейтора.

-За, что? - невольно вырвалось у меня.

-За все хорошее, мать твою, - сообщил подполковник. - Завтра убываешь в командировку, так, что экипируйся, как положено. Ахрамеев в курсе.

Как ни странно деды о моей беседе с особистом, не задали ни одного вопроса, что, собственно было понятно, меньше знаешь, крепче спиши.

Только попивая чаек в каптерке молча следили за моими сборами. Также молчанием и переглядыванием отреагировали на лычки на моих погонах.

Потом, когда они остались одни, Пузенко сказал:

-Видали? Сегодня салабону ефрейтора дали, завтра с особистом в командировку уезжает. Интересно, в каком звании он из нее приедет, и приедет ли вообще. Точно засланцем у нас служил. Кого только выслеживал, непонятно.

Он подозрительным взглядом обвел сослуживцев.

-Вы случайно не из зеленых братьев будете? - ехидно спросил он Мицкунаса с Шедисом. - Может, он вас выпасал?

-Ты, что охренел! Какие зеленые братья? Мы оба комсомольцы, - возмутился Мицкунас. - У нас биография чистая. А зеленых братьев уже лет пятнадцать, как нет. Несешь всякую ерунду!

-Да, ладно, уже и пошутить нельзя, - засмеялся старшина. - Но все равно, уж очень странные дела вокруг этого парня происходят.

Утром меня разбудил дежурный по роте.

-Эй, ефрейтор, подъем, - тихо скомандовал он, трогая за плечо, - приказано тебя разбудить в шесть часов. Собирай вещички и дуй в столовую, Особист в семь утра ждет тебя у караулки.

Когда я со скаткой и сидором подошел к караулке, у мотоцикла суетились два солдатика, что-то монтируя в коляске.

Капитан Рубцов, покуривая, ожидал меня на крыльце, беседуя с начальником караула. Тот видимо только, что проснулся, потому, что стоял с заспанным лицом.

-Ага! Вот и водитель! - воскликнул Рубцов, и спустившись с крыльца, протянул руку, чтобы поздороваться.

Я не успел, как положено, отрапортовать, поэтому пришлось протянуть руку в ответ. Пожатие капитана было железным. Но мы не лыком шиты, я также сжал ладонь сильнее.

-Нормально, - сказал капитан и отпустил руку. - Смотри, ты к поездке готов. Сухпаек, надеюсь, тебе на неделю выдали?

-Так, точно, - я погремел сидором.

-Тогда клади его в коляску, только осторожней, там радио ребята установили. И в путь.

-Товарищ капитан, разрешите спросить, а куда, собственно, мы едем?

Рубцов усмехнулся.

-Ну, пожалуй, конечный пункт маршрута я могу назвать. Едем мы в Алакуртти.

-Ни хера себе! - мысленно воскликнул я, - тысячу км на мотоцикле! Блин, охренеть и не жить. Да у капитана жопа отвалится на заднем сиденье сидеть. В коляску из-за радио и груза не усесться. Хотя Алакуртти это здорово, можно глянуть знакомые места.

Мы ехали, не останавливаясь часа четыре. Остановились около небольшой речушки. Рубцов вытащил туристический топорик и предложил мне заняться костром.

-Когда костерок разгорелся и у капитана на плащ-палатке был накрыт

стол, две банки с тушенкой, полбуханки хлеба и сахар рафинад, пачка грузинского чая. И кроме того стояла фляжка с неизвестным содержимым.

Повесив котелок над костром, я присел к столу, капитан недрогнувшей рукой налил в кружки по пятьдесят грамм и первым опрокинул их в рот, перед этим лаконично сказав,- За успех.

Ну, что же дают, бери, а бьют беги, поэтому я тоже выпил водку и придвинув банку с тушенкой начал есть.

Покемарив с часок после чаепития, Евгений Иванович встярхнулся и, встав на ноги, предложил:

-Сашок, как насчет размяться? Ты же у нас вольник, вроде даже призером был каким-то.

-Я встал и, оглядев капитана, ответил:

-Вообще то можно, только вы товарищ капитан легче меня будете кил на пятнадцать, как бы нечестно получается.

-Какая на хрен честность, - ответил тот. - Враг в бою тебя не спросит, сколько ты весишь.

-Ну, тогда давайте, - согласился я, и в этот же момент Рубцов кинулся ко мне.

Мое молодое тело послушно сдвинулось в сторону, подсечка, и капитан кубарем полетел на речной песок.

-Встав, он подозрительно посмотрел на меня, отряхнулся и сказал:

-Что-то я такого приема у вольников не встречал. Откуда дровишки?

-Товарищ, капитан, - не преминул я его подколоть, - вы же меня позавчера два часа расспрашивали. Вам напомнить, где учился мой батя.

Рубцов озадаченно почесал затылок.

-Уел, салага, - расстроено сказал он. - Как есть уел. Тогда давай еще раз попробуем.

-Второй раз мой номер не прошел. Разошедшийся капитан валял меня, как хотел по песку. Через полчаса он закончил экзекуцию и встав заключил:

-Потенциал у тебя есть, но заторможенный ты какой-то. Никак не могу понять почему?

Мне то было понятно почему. Но рассказывать об этом было бессмысленно. Никто не поверит. Хорошо еще, что у тела остались кое-какие наработанные движения, а то и этого бы не смог продемонстрировать, Все же занимался борьбой пятьдесят лет назад.

Рубцов глянул на часы .

-Так, давай собираться, сейчас мы заедем кое-куда.

Пока я собирали все вещи, он включил радио и сказал в нее несколько слов. Затем снял китель и надел выгоревшую гимнастерку с старшинскими

полосами. На мой удивленный взгляд только подмигнул и ухмыльнулся.

Мы проехали с десяток километров, когда он похлопал меня по плечу.

-Сейчас поворот будет, поверни направо и остановись.

Я остановился на наезженной грунтовке. Рубцов, внимательно глядя мне в глаза, сказал:

-Сегодня мы займемся с тобой проверкой боеготовности некой воинской части. Твоя задача вести мотоцикл, выполнять мои команды и не отсвечивать. Понятно.

-Так, точно, - ответил я, хотя непонятно было все.

Мы двинулись дальше. Через пару километров дорога уперлась в хлипкий шлагбаум. В стороны от него в лес уходила высокая ограда колючей проволоки. Рядом располагался небольшой КПП.

-Сигналь! - шепнул мне из-за спины Рубцов.

На мой сигнал из будки лениво вышел рядовой с повязкой на рукаве и направился к нам.

Рубцов соскочил с мотоцикла и заорал:

-Какого х.. плетешься, как баба беременная!? Быстро бл.. поднимай шлагбаум. С какого подразделения? Кто командир?

Ленивый шаг у дежурного превратился в бег. Он шустро поднял шлагбаум и отдал честь, браво вытянувшись, когда мы проезжали. Довольный тем, что строгий старшина забыл уточнить подразделение, он ушел обратно в будку.

-Езжай прямо, - шепнул мне Рубцов, - Видишь здание штаба, сейчас поверни и подъезжай прямо к нему.

Я остановил напротив дверей. Капитан слез с сиденья, одернул гимнастерку и, козырнув выходящему офицеру, зашел в штаб.

-Прошло полчаса. Мимо периодически проходили военнослужащие, кое-кто кидал любопытствующие взгляды, но в основном никто внимания на меня не обращал.

Еще через полчаса на улицу вышел капитан, рядом с ним перебирал ножками толстый майор, то и дело вытиравший шею платком.

-Товарищ капитан, - может, задержитесь, поужинаете у нас в офицерской столовой, - заискивающим голосом произнес он, когда Рубцов подошел к мотоциклу. - Вам ведь еще обратно ехать.

-Нет, спасибо, - сказал капитан, - Поедем пока светло. Мне еще на доклад к генералу надо успеть.

-После этих слов майор окончательно побелел и еле нашел в себе силы попрощаться с нами.

Зато когда мы подъехали к КПП, оттуда пулей вылетел сержант,

потребовал документы и прочитал от корки до корки.

-Поздно пить шампанское, - вздохнул Рубцов.- Вероятный противник подорвал штаб, похитил знамя полка, и убил командира части.

- Когда мы выехали на шоссе, я остановился в раздумьях.

Вроде бы капитан говорил, что надо возвращаться.

-Что задумался, едем дальше на север, у нас еще дел полно, - бодро сказал Рубцов. - До Сегежи всего ничего осталось, там, в гостинице заночуем, а завтра уже рванем дальше.

Чем ближе оставалось до Полярного круга, тем выше над горизонтом поднималось солнце, леса становились заметно ниже а болота обширней.

В Кандалакше мы повернули в сторону границы. Каменистая грунтовка сменялась песком, но ехать было достаточно легко.

На одном из поворотов на дорогу неожиданно вышли два пограничника и требовательно махнули рукой.

Я остановился и ждал когда они подойдут.

-Молодцы, парни, - прошептал мне в ухо Рубцов, - еще двое страхуют из леса, да как грамотно встали, директрисы огня не перекрывают.

После того, как погранцы просмотрели наши документы, капитан спросил у старшего наряда:

-Сержант, мне нужно переговорить с капитаном Филипповым.

После чего он с сержантом ушел в лес, а остальные остались на своих местах, внимательно наблюдая за дорогой, а заодно и за мной.

Рубцов вышел из леса необычно хмурым, и что-то ворча под нос.

-Поехали, - сказал он мне и уселся на свое место.

Мы проехали еще километров пятьдесят, когда он приказал остановиться и, вытащив планшет, начал разглядывать карту.

-Так, пролетели мы с тобой поворот, - сказал он огорченно, поворачивай назад.

Назад, так назад, я развернулся и проехав пару километров повернул на лесную дорогу. На ней были хорошо заметны следы тяжелых машин.

-Ракеты, наверно везли, - подумал я.

Еще через пяток километров, мы остановились, закатили мотоцикл в лес и закидали его сосновыми ветками.

Затем, надев масхалаты, пошли пешком по дороге. Вскоре впереди послышался гул техники. Рубцов сразу повернул с дороги и крадущим шагом пошел в сторону.

-Сейчас посмотрим, как у них боевое охранение служит,- шепотом сообщил он.

Мы уже приближались к месту, где шла тренировка расчетов. Острай

макушка одной из ракет хорошо была видна среди невысоких сосен.

Внезапно капитан остановился.

-Замри! - прошептал он мне.

Я остановился.

-Вот он, где, сука, - удовлетворенно прошептал он. - Надо же, как повезло!

-Стой, где стоишь, - обратился он ко мне, вытаскивая Стечкин из кобуры, и упав на землю, бесшумно пополз к неприметному бугорку. Только сейчас я понял, что в пятидесяти метрах впереди на земле лежал человек в маскировочной накидке. Не услышал он нас, только из-за рева моторов на площадке, где ракеты готовили к учебному старту.

-Надо бы подойти ближе, - думал я, смотря, как Рубцов подбирается к непонятному наблюдателю.

Стараясь держаться за деревьями, я начал тоже двигаться в этом же направлении.

Я был метрах в пятнадцати, спрятившись за толстым стволом сосны, когда, вроде бы лежащий безучастно, наблюдатель рывком вскочил и прыгнул на капитана, ползущего с АПС в руке.

Выбитый из руки Рубцова пистолет упал неподалеку от дерущихся в схватке мужчин .

Я рванулся на помощь капитану, однако, когда подбежал к дерущимся, то шпион уже поднимался с земли, а Рубцов лежал навзничь, раскинув руки.

-Убил! Падла! - вспыхнуло в мозгу, и я кинулся на вставшего врага. Что-то шелкнуло и я почувствовал удар в плечо. Но меня было уже не остановить. В прыжке я ударил ногой противника в лицо. Тот упал на землю вместе со мной. Видимо Рубцов его успел помять, так, что он не смог уклониться от моего удара. Вскочив на ноги, я в запале еще раз ударил его ногой по голове и попал сапогом в висок.

Мужчина захрипел, закатил глаза, на его губах выступила пена.

-Убил! - проскочила опасливая мысль.- Да и хер с ним, Надо глянуть, что с капитаном.

Рубцов был жив, но без сознания. Похоже, шпион успел чем-то приложить его по голове.

Я разорвал маскировочную накидку на полосы и начал заматывать ими шпиона с ног до головы. Тот в это время слабо замычал. А я почувствовал, что правая рука перестает слушаться, а в рукаве подозрительно мокро.

Когда закончил с завязыванием, в голове уже шумело во всю.

Пошатываясь, я направился в сторону ракетчиков.

Когда меня остановил часовой, я успел только сказать:

-Особый отдел штаба армии, там задержанный шпион и раненый офицер.

После чего наступила темнота.

Сначала появилась нудящая боль в правом плече. Потом послышался шум ветра. Я открыл глаза и взглядом уперся в белый полотняный потолок. Попытка повернуть голову отзывалась резкой болью. Но удалось понять, что я лежу в большой медицинской палатке.

-Все понятно, я в медсанбате, притом развернутом на учения. И сразу в мозгу вспыхнули последние воспоминания, шелчок бесшумного пистолета, боль в плече и я лихорадочно заматывающий лежащего без сознания шпиона.

Повернувшись, я невольно охнул, и в палатку сразу зашли пара человек.

Первым из них оказался капитан Рубцов.

-Ну, что Аника-воин, пришел в себя? - радостным голосом спросил он.

- Мы уж заждались.

-Что со мной было? - еле шевеля пересохшим языком, спросил я.

-Что, что, пулевое ранение правого плеча, большая потеря крови, кости целы. Заштопали тебя капитально. - сообщил Рубцов. Выглядел он не очень.

Левую половину лица занимал багровый отек, из-за которого не было видно глаза.

-И что теперь? - спросил я.

Рубцов, оглянулся на высокую пожилую женщину в белом халате и сказал:

-Об этом спрашивай товарища майора Барышеву Галину Михайловну. Ты у нее единственный такой пациент, так, что она тебя долго не выпустит.

Барышева в ответ сразу заявила:

-Товарищ капитан, оставьте раненого. Он нуждается в уходе и покое.

Рубцов спорить не стал, встал и, наклонившись, сообщил:

-Завтра снова зайду, меня тоже пока не выписывают. Некоторые доктора, - он покосился на Барышеву, - считают, что у меня сотрясение мозга.

На следующий день мне стало намного легче, ушла слабость, появился аппетит. Только плечо по-прежнему болело при любом движении.

Оказалось, что я в госпитале третий день. Оперировали меня позавчера вечером.

Когда приперся Рубцов мы с ним вышли на улицу и уселись у курилки.

Он собирался завтра уезжать, меня же Барышева не отпускала, обещая подумать дней через десять

-Ну, Сашок, даже не знаю, как тебя благодарить, - сообщил он, - Если бы не ты, не представляю, что бы было. А сейчас можешь считать я уже майор, а у тебя орден в кармане. Тут он поспешил поправиться.

-Ну, я так думаю, по крайней мере, представление уже пишется. Задержал шпиона, получил ранение, спас жизнь офицера - полный набор. Что еще надо?

-А кто этот шпион, можно мне узнать? - спросил я без особой надежды на правдивый ответ.

Капитан усмехнулся.

-Это у нас везение такое. Особо рассказывать кто он и что, не буду. Короче, следили за ним от самого посольства. А в Карелии неожиданно потеряли. Из-за этого Москва всю погранслужбу Северо-Запада на уши поставили. А тут мы с тобой подсуетились. Никто даже не думал, что он здесь окажется. Все считали, что он пойдет через границу, чтобы проверить систему охраны, а он, оказывается, на учения намылился. Тут нам и попался.

-Так он хоть жив остался?

-Остался, - нехотя сказал капитан,- но его в отличие от нас сразу в Москву на вертолете в госпиталь отправили.

Несколько дней пришлось провести в медсанбате. Скучно было ужасно. Про меня все забыли, как только стало понятно, что рана заживает без проблем.

Слоняться по территории в трусах и майке не очень хотелось, а форму мне благоразумно не давали.

Но всему приходит конец, и вот я сижу рядом с водителем ГТТ и мы мчимся по лесной дороге, оставляя за собой тучи пыли.

В военной форме, с рукой на перевязи, на вокзале в Кандалакше я приковывал к себе сочувственные взгляды окружающих. Получив проездные документы, уселся в вагон и покатил к месту постоянной службы. О мотоцикле я не беспокоился, на нем уехал Рубцов, оказывается он водил его не хуже меня.

Прибыв в роту, первым делом отдал медицинские документы ротному.

Тот, внимательно их, изучив, тяжело вздохнул.

- Слушай ефрейтор, тут тебе предписан месячный отпуск для восстановления здоровья. Сам то, как считаешь, он тебе нужен? Нет, если бы ты был родом из Брянска, или Новосибирска вопросов не было. Поехал бы в момент. Но ты же местный. Оно тебе надо? Думаешь, я не знаю, что

каждую субботу до командировки ты дома ошивался?

Я улыбнулся.

-Что товарищ капитан, Климов достал?

-Достал, - согласился ротный. - Еще как достал. А где я ему водителя возьму? Рожу, что ли, на всю дивизию три человека у кого права на легковую машину есть. Так, что если можешь, сними с меня этот головняк. Будь человеком, сынок, сам понимаешь, если откажешься, напирая на здоровье, приказать, не смогу.

-Хорошо, товарищ капитан не нужен мне отпуск, с вождением справлюсь.

Ротный улыбнулся.

-Я в общем и не сомневался. Знаешь парень, первый раз в жизни такого удачливого стервеца вижу. У нас о тебе легенды начинают ходить. Четыре месяца отслужил, уже ефрейтор, представление на награждение отослано.

-Не перехвалите, товарищ капитан,- сказал я и постучал пальцем по столу.

-Ладно, иди в роту, и смотри, о своих похождениях не распространяйся.

-Так точно, есть не распространяться, Капитан Рубцов со мной целую беседу провел по этому поводу. - сообщил я, встав со стула.

Этим же днем в штабе дивизии происходил следующее событие.

В кабинете комдива Петра Ильича Трунова присутствовал командир Н-ской части полковник Сазонов, замполит Куницын и командир роты материально технического обеспечения капитан Ахрамеев.

- Ну, что капитан, прибыл твой солдатик, - вальяжно развалившись на кресле, спросил комдив.

Так точно, товарищ генерал-майор, - вскочив со стула доложил Ахрамеев. - Прибыл, паршивец.

-Ну почему же паршивец, - усмехнулся генерал. - В кой веки о нас в верхах вспомнят хорошим словом. Товарищ Куницын сейчас нам доложит по этому поводу свои соображения.

- Товарищи офицеры, - начал свою речь замполит, - Считаю, политически неверным, чтобы орденом награждали обычного солдата. Если посмотреть со стороны, то многие спросят, как же так получилось товарищи, что обычный парень, только начавший служить смог совершить такой подвиг. А где же вы были товарищи, в чем заключалась ваша роль в воспитании этого молодого человека?

Хотя, скорее всего, награждение будет происходить в закрытом

режиме, возможно, его будет проводить Генеральный Секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, или член ЦК Михаил Андреевич Суслов. И тут они узнают, что награждают военнослужащего, не отмеченного никакими заслугами. То есть, получается, мы не имеем никакого отношению к воспитанию нашего бойца. Так быть не должно.

Свою речь замполит пересыпал обильными матами через каждое слово, но никто из присутствующих даже не поморщился, и внимательно слушали опытного политработника.

-Ваши предложения товарищ майор? - спросил комдив.

-Товарищ генерал, я считаю, что на награждение должен поехать не просто ефрейтор Сапаров. А отличник боевой и политической подготовки, кандидат в члены КПСС, старшина роты Сапаров, тем более что у нас имеется вагон времени, чтобы решить все эти вопросы.

-Кхм,- кашлянул комдив. - Все мы знаем, что товарищ Куницын имеет обыкновение отрываться от реалий сегодняшнего дня, и мыслит масштабными категориями. Давайте товарищи офицеры более приземлено смотреть на вещи. Вряд ли наш герой будет награждаться на таком уровне. Скорее всего, его вызовут в Ленинград в штаб округа.

А что скажет наш самый младший по званию капитан Ахрамеев?

-Товарищи, могу поддержать майора Куницына в одном, - заявил Ахрамеев. - ефрейтор Сапаров вполне справится с должностью старшины. За прошедшее время я в этом не раз убедился. Очень необычный парень, надо сказать. Разговаривая с ним, ловишь себя на мысли, что перед тобой опытный поживший человек, сумевший поставить себя на равных со старослужащими, Где уж он набрался житейской премудрости непонятно. Но не это важно. Важно то, что я уже не раз думал, что после увольнения старшины Пузенко в запас, хотел бы видеть старшиной именно Сапарова.

Комдив Трунов раздраженно побарабанил пальцами по столу.

-Капитан, я вас собрал здесь не для того чтобы решать, кто там у вас будет старшиной. Думаю, что с командиром полка вы обсудите это без меня. Я лично считаю, что на награждение должен поехать обычный солдат, ну, ефрейтор, раз уж вы присвоили ему это звание по настоянию особистов, Но звание отличника боевой и политической подготовки у него должно быть по любому. Даже если орден ему вручат в штабе армии.

Куницын, осторожно кашлянул.

-Ну, что там у вас еще, - спросил Трунов.

-Думаю, что мне следует провести индивидуальную беседу с этим военнослужащим, и при положительном впечатлении предложить ему написать заявление в партийный комитет о принятии кандидатом в ряды

КПСС. План по приему в партийные ряды, между прочим, никто с меня не снимал. А кого еще принимать, если не таких решительных парней.

Ну, это ваши трудности, - снова отмахнулся комдив, - на этом закончим обсуждение, у нас хватает других более злободневных забот.

Когда полковник Сазонов и капитан Ахрамеев вышли в коридор, первый спросил у капитана

-Если ты планируешь на должность старшины, Сапарова, кто тогда будет возить Климова, хочешь, чтобы тот забросал меня рапортами?

-Ну, я надеялся, на осенний призыв, может там найдутся водители с правами на легковушку, может таксист какой попадется, - смущился Ахрамеев.

-Надежда это хорошо, товарищ капитан, но пока не найдется замены, о назначении Сапарова забудь. А то сам знаешь, что начнется, мне Климовские рапорта уже здесь, - и Сазонов выразительно постучал себя по загривку.

За месяц, что меня не было, в роте ничего не изменилось, разве, что ребята из весеннего призыва стали уже походить на настоящих солдат. Деды со дня на день ожидали увольнения в запас, забили на все и ничего не делали, переложив все на плечи молодежи. Среди тех, кто служил уже два с половиной года ходили неясные слухи, что их тоже отправят домой, но точно никто ничего не знал. Поэтому Женьку Судакова, штабного писаря, каждый вечер донимали расспросами, не узнали он, что-нибудь новое по этому поводу.

Деды, конечно, напали с расспросами, по поводу моих приключений и особенно ранения.

На что я отвечал словами известного фильма.

-Шел, упал, очнулся, гипс.

Конечно, когда я вечером снимал гимнастерку, все соседи глазели на мое правое плечо, где все еще багровел зарубцевавшийся шов. Выходное отверстие мне не было видно. Но в зеркале я его разглядывал с десяток раз. Там дела обстояли не хуже.

-На тебе все, как на собаке заживает! - восхищалась Галина Михайловна в дивизионном медсанбате Алакуртти. - и вообще необычайно повезло, только ранение мягких тканей, ни один шов не разошелся. Дренаж на третий день уже можно снимать.

Однако, хоть она так и говорила, но продержала у себя почти месяц.

Я даже на всякий случай, написал пару писем домой, чтобы родители были в курсе. Но в подробности, конечно не вдавался. Служба, да служба, ничего особенного.

На третий день после возвращения в часть вечером в роте появился замполит полка майор Куницын. Его сопровождал наш ротный замполит младший лейтенант Табаков по кличке Махорка.

Мужик он был безобидный, но как бы сказала Нона Мордюкова -

-Не орел.

-Ефрейтор Сапаров, пройдемте в канцелярию, - сообщил он, обнаружив меня подшивающим подворотничок.

Накинув гимнастерку, я пошоркал тапочками вслед за ним.

Когда я зашел в канцелярию и встав по стойке смиро хотел доложить майору о прибытие, тот вскочив со стула подошел ко мне и обнял.

-Ну, ты б.. е... оху..й молодец! - воскликнул он. - Настоящий б... п...вот, что значит потомственный воин, мать перемать! Сын фронтовика это вам не х... с изюмом. Такие ребята на амбразуры в войну бросались, с криком - За Родину, за Сталина, всех на х... порвем!

Снизив немного накал эмоций, он уселся на место и пригласил меня присесть за стол.

-Послушай, сынок, я знаю, что ты комсомолец, до армии активно участвовал в комсомольской жизни. Всего лишь за пять месяцев службы зарекомендовал себя крайне положительно. Есть мнение, что такой человек может быть принят кандидатом в члены Коммунистической Партии Советского союза.

Как Куницын ухитрился произнести эти слова без единого мата, не представляю, но сейчас он сидел и доброжелательно разглядывал меня сквозь очки.

-Это очень серьезный шаг в жизни, - сказал я в ответ. - Мне кажется, что я не заслуживаю такой чести.

-Ерунда! - взмахнул рукой замполит. - Кого еще принимать в партию, как не таких ребят, своими делами заслужившими стать коммунистами. Так, что садись и пиши заявление на имя парторга полка. Рекомендации тебе дам я и капитан Ахрамеев.

-Ни хрена себе! - удивился я про себя.- Да у них тут целый заговор!

-А можно немного подумать, товарищ майор, - спросил я, - мне все же кажется, что я еще не готов быть членом партии.

-Позволь об этом судить мне, - сообщил тот. Он открыл, принесенную с собой папку, вытащил оттуда лист бумаги и протянул мне авторучку.

Вздохнув, я принялся писать под диктовку замполита. Взяв мое заявление, он попрощался и в хорошем настроении удалился. Мне же пришлось еще выслушать речь Табакова, пытающегося втолковать, какой чести я удостоен.

После этого моя служба вошла в привычную колею. Я продолжал возить подполковника Климова. На дачу тот уже не ездил, но в увольнительные отпускал регулярно. Раза три я приходил в шашлычную, переодевшись в гражданина, болтал там с Виноградовым, с девочками. О Лене Сафоновой никто при мне не вспоминал. Только Наталья Петровна, наедине в кабинете, просила не держать зла на девушку.

-Саша, понимаешь, женщина должна думать не только о себе, но и будущих детях. Она просто по молодости не смогла оценить твой потенциал, и предпочла синицу в руках, журавлю, - как-то сказала она.

-А меня вы считаете журавлем? - заинтересовался я.

-Ты, знаешь, дорогой, мне уже под пятьдесят, - ответила директорша. - И я немного научилась разбираться в людях. Ты, парень, далеко пойдешь, поверь моим словам. За год совместной работы я в этом убедилась. Не знаю, как получилось, но ты очень быстро повзрослел. Смотрю на тебя, потом на свою дочь и вижу огромную разницу, а вы ведь сверстники. Сомневаюсь, что ты вернешься к нам на работу, но если что, мы тебя будем ждать.

Поблагодарив Наталью Петровну за добрые слова, я отправился домой. По дороге думая, что бы она сказала, узнав, что меня, возможно, примут кандидатом в члены КПСС, да еще и чем-нибудь наградят.

В начале октября в часть начало прибывать молодое пополнение, а через несколько дней на дембель ушли наши деды, а затем капитан Ахрамеев обрадовал тех, кто прослужил два с половиной года. Утром на построении он объявил, что они тоже будут уволены в запас, сразу, как достроят новый гараж в автопарке.

С этого дня, новых дедов в роте мы не видели. Они с раннего утра, до позднего вечера проводили на стройке. Приходили в роту уставшие, грязные и сразу валились на койки. Зато дембельский аккорд был выполнен до конца октября.

Через два дня в роте их уже не было. Так, что, личный состав обновился, чуть ли не на половину.

Служба шла у меня не шатко, ни валко. На носу уже был новый 1970 год, а никаких известий о награждении пока не было. Да и о вступлении в партию никто речи не вел.

Зато комсоргом роты меня сделали сразу, как на дембель ушел Славка Поздняков.

Ничего нового в работе комсорга я не обнаружил, и вполне справлялся с этой нагрузкой. На мое счастье у нас в роте появилось сразу два художника, И я их сразу припахал к стенгазете и боевым листкам. Махорка

был весь при счастье, когда увидел первый выпуск стенгазеты с рисунками. И в беседе со мной нечаянно проговорился, что в планах Ахрамеева было поставить меня на должность старшины роты, но что-то у него не срослось. Но от этой мысли он не отказался и весной меня, скорее всего, ждет это должность вместе со званием сержанта.

Синицын, исполнявший сейчас обязанности старшины, Ахрамееву категорически не нравился, но после массового дембеля, ничего другого ему не оставалось делать, не ставить же на эту должность сержантов только, что пришедших из учебки. Они бы просто не справились с ней. Нельзя сказать, что меня это обрадовало.

-Может, товарищ капитан за это время найдет другую кандидатуру, или у Синицына начнет все получаться? - поинтересовался я у замполита.

-Не знаю, - пожал тот плечами. - Возможно и то и другое.

В декабре все мы ждали Новый год, как будто он, может принести что-то необычное в нашу повседневную жизнь.

Наконец он наступил, как я ни старался, но домой сорваться не удалось. Пришлось встречать праздник в роте. Тоска была смертная, по причине недальновидности некоторых рас...дяев.

На праздник было закуплено вино бутылок двадцать, все они были до времени распиханы в снежные отвалы вдоль дорожек, в ожидании генерального шмона. Старики, проходя мимо, предвкушали, как будут распивать их поздно вечером после отбоя.

Но, увы, часов в шесть появился поддатый Ахрамеев и на пару с капитаном Кторовым, командиром автобата не стали устраивать обыск в роте, а протыкав все сугробы арматурой, методично вытащили оттуда бутылку за бутылкой. Вина они набрали море и заносили в канцелярию, как дрова. А потом уселись там, и пили всю ночь. Могли бы нам хоть спасибо сказать за дармовую выпивку.

Отбой у нас ради праздника был в двенадцать ночи, В это время оба капитана выбрались из канцелярии и разошлись по своим подразделениям присутствовать на вечерней поверке.

Ахрамеев уже изрядно был навеселе, его рожа, постоянно имеющая отличительный багровый оттенок алкаша, сейчас вообще светилась, как фонарь.

Слегка покачиваясь, он поздравил нас с Новым годом, и, показав кулак на прощанье, опять скрылся в канцелярии, откуда сразу послышалось звяканье стаканов.

Улегвшись на нижнюю койку, переехать на которую удалось сразу по возвращению из госпиталя, я попытался заснуть.

Однако, сон не шел. Закинув руки за голову, я думал о том, чем заняться после увольнения в запас.

Стыдно сказать, но я до сих пор не мог понять, чем заняться. Понятно, что прожить всю жизнь, работая барменом, считай потратить ее зря. Конечно, если меня действительно примут в партию, да еще чем-то наградят, это даст возможность поступить в приличный вуз. И даже если мне не хватит баллов, как демобилизованному воину, то партийность сделает свое дело.

Осталось выбрать только вуз. Именно в этом и была загвоздка. Куда идти, вот в чем вопрос? - эта мысль постоянно крутилась в моей голове.

Мои размышления прервало легкое дрожание кровати, становившееся с каждой секундой все сильней.

-Опять, Лешка дрожит, - раздраженно подумал я. - Сколько можно повторять, чтобы не трясясь, как припадочный, дите, блин, херово!

Не дождавшись финиша, я силой пнул ногой по самой выпирающей точке на сетке верхней койки.

Тряска моментально стихла.

-Лешка, сукин сын! - прошептал я ему. - Иди в туалет дрожать, нечего постель пачкать и мне спать не давать, а утром готовься пендалей получить. Радуйся, что сейчас мне лень вставать.

Через минуту наверху послышалось шевеление, и спустившаяся оттуда фигура в белой рубашке и таких же кальсонах понуро побрела по проходу в сторону туалета.

В очередной раз не решив, насущный вопрос современности, кем быть и что делать, я все таки заснул.

В феврале началась движуха. Для начала меня вызвал для беседы к себе старлей Красиков, комсорг части. Он долго и красиво говорил о комсомольском долге, и прочем, после чего сообщил, что комсомольская организация согласна дать характеристику комсоргу роты ефрейтору Сапарову и считает его достойным звания кандидата в члены КПСС.

Разговаривать с ним было легко. В отличие от Куницына, это был комсомолец нового поколения в армии, такой же, как Незванцев на гражданке.

-Пожалуй, это первые ласточки перерождения комсомола, - думал я во время беседы. - Предшественники тех комсомольцев типа Абрамовича или Ходорковского, сумевших захапать себе все, что плохо лежало во время перестройки.

Мне ничего не стоило разговаривать в таком ключе и расстались мы с ним если и не лучшими друзьями, то вполне деловыми партнерами. По

крайней мере, на парткоме он обещал полную поддержку комсомольской организации.

Май 1971 года выдался холодным. Но мне и провожающим меня сослуживцам он таким не казался.

Дембельского чемодана, по причине отсутствия такового, за мной не несли. Все, что нужно, я уже отвез домой раньше.

На мне было новое п/ш полученное полгода назад, но одетое только сегодня. На груди приколото несколько значков, но они меркли по сравнению с орденом Красной Звезды привинченном с правой стороны. Рядом с ним знак ранения темно-красного цвета. На погонах широкая старшинская полоса.

У КПП меня бурно обнимают, желают всего хорошего и не забывать свою роту. Распрощавшись с ребятами и выйдя, наконец, за ворота, я неспешной походкой направился в сторону военкомата.

Особого удивления мое появление там не вызвало. Все кому надо уже были в курсе. Сдав документы, я направился в сторону остановки. Мне очень хорошо помнилось то чувство радости, охватившее меня после выхода из части в первой жизни, сейчас такого чувства не было и в помине. Сейчас просто оставалось ощущение удачного завершения очередного жизненного этапа.

За два года я так и не смог разобраться в себе и понять, чего же мне хочется. Не успевал продумывать один путь, как тут же пытался перейти на другой. Как ни странно, большинство этих путей вело за пределы страны.

Я прекрасно понимал, что быть у нас богатым безопасно не получится. Стать же партийным функционером мне просто претило. Нет, свое членство в партии я намеревался использовать по полной программе, но становиться партийным бонзой совершенно не хотелось. За рубеж не хотелось уходить из-за родителей, потому, что мой поступок испортит им жизнь на долгие годы. И я в который раз успокаивал себя тем, что еще есть время определиться.

Но вот, время вроде бы пришло, а в голове остается бардак и сумятица и никакого решения.

Увидев подошедший автобус, я отбросил раздумья и быстро полез в распахнутые двери.

Дома никого не оказалось. Рабочий день все-таки. Только на столе лежала мамина записка, в которой указывалось, что сегодня на обед.

Послонявшись по квартире, распахнул гардероб. Вся одежда в нем была мне мала. Хорошо, что мама недавно купила брюки и куртку, а то ходить пришлось бы в спортивном костюме. Я переоделся, убрал военную

форму. Орден спрятал в ящик письменного стола, вместе с орденской книжкой.

Достав заначку, пересчитал ее. Вместе с деньгами, выданными при увольнении, у меня имелось триста пятьдесят рублей.

-Хм, неплохо, можно слегка гульнуть, в шашлычку заглянуть, - подумал я. - Поболтаю, узнаю новости. А то последние полгода практически не бывал в увольнениях, текучка заедала.

Выйдя на улицу, я направился к остановке. Днем автобусы ходили редко, но пешком идти не хотелось. Подойдя к стендам с раскленными газетами, я лениво читал заголовки, временами фыркая от смеха. Всем известна старая игра, когда представляешь пару, занимающуюся любовью, и читаешь в это время заголовок типа "Хорошо прошла жатва на полях Кубани".

Неожиданно мои глаза уперлись в строчки -" Карельский государственный педагогический институт объявляет набор на подготовительные курсы для поступления в ВУЗ. Цена учебы - восемь рублей".

-А не пойти ли мне учиться на педагога, - всплыла мысль в моей голове. - Ты же в первой жизни всегда хотел выучить два языка, или три. Тебе представляется шанс, сделать это сейчас. Это тебе не технический английский, которым нас потчевали на физмате. Будешь свободно разговаривать на языке Гейне и Диккенса. А учителем быть совсем не обязательно, вполне возможно устроиться переводчиком, если подсуетиться.

Пока я раздумывал, к остановке подъехал автобус, прыгнув в него, я временно выбросил мысли о пединституте из головы.

Когда я зашел в шашлычную, за стойкой бара стоял незнакомый паренек, официантку я тоже видел в первый раз. Слегка расстроившись, я прошел в зал и тут увидел знакомые лица. За столом в кампании подполковника Климова восседал Борис Ефремович Никулин.

-Ба! Какие люди! - закричал он, увидев меня. - Санек, неужели отслужил? Поздравляю. Садись, это дело надо отметить.

-Присаживайся, не робей, - добавил подполковник. - Ты теперь гражданский человек,

И мы отметили. Давненько я так не нажирался. По пьяной лавочке мы перебрали не один десяток тем. Обсудили кучу армейского начальства, Узнав о ранении и ордене, Ефремыч даже прослезился.

-Молоток, парень. Я еще тогда понял, что на тебя можно положиться. Слушай, а чего тебе, работу искать?! На хрена тебе этот гадюшник? - В

какой то момент воскликнул он, кивнув в сторону бара.

-Брось дурью маяться, приходи ко мне, инструктором в ДОСААФ. Начнешь работать, зарплату сделаем, нормалек, поступишь в автодорожный техникум на вечернее отделение, директор -мой приятель, возьмет без проблем. Два года и ты механик. Я к этому времени, как раз соберусь на пенсию, мое место займешь.

-Не, я наверно пойду учиться в пединститут, - еле шевеля языком, удалось сообщить мне.

Оба собутыльника недоуменно уставились на меня.

-Слыши, Сашок, у тебя же к технике талант, зачем его в землю зарываешь? - наконец, спросил Ефремыч. - Неужели в школу пойдешь учителем работать? Не смеши людей!

-Пойду, и все, - сообщил я и уронил голову на стол.

Дальнейшие события в моей голове не задержались, Вроде бы меня осторожно вывели под руки и загрузили в газик, который я водил два года.

Очнулся я на лежаке в знакомом гараже ДОСААФа, во рту было сухо, в глазах темно. Глянув на часы, я обнаружил, что время около семи вечера.

-Это я хорошо погулял, - подумалось мне. Встав, я пошел к бачку с водой и выпил сразу стакана три.

-Ну, что очухался? - ворвался в гараж Ефремыч. - Ты уж нас стариков прости, не подумали, что доза для тебя многовата. Может, примешь еще грамм пятьдесят. Хоть в себя придешь немного.

-Нет, спасибо, - просипел я пересохшим горлом. - Я лучше так, без водки. Мне домой надо идти и так маман по приходу даст шороху.

Пока шел домой, немного пришел в себя. Поэтому смог вполне связно объяснить, где был и что делал, естественно не сообщая полной правды.

Конечно, мама заметила выхлоп, но, видимо, не решилась портить сегодняшний день скандалом.

Когда я сообщил, что планирую поступать в пединститут, энтузиазма не выразили оба родителя.

-Что-то тебя, Сашкец, в не ту степь прет, - высказался отец. - Не тот ты человек, чтобы детишек уму-разуму учить.

-И зарплата у учителей небольшая, - сказала мама. - Может, подумаешь насчет промышленного и гражданского строительства.

Но я уже закусил удила.

-Нет, все решено, завтра пойду записываться на подготовительные курсы, - услышали родители мой ответ.

Но, как бы то ни было, мама осталась довольна, единственный сын все же получит высшее образование.

Вечер у нас прошел в доверительной, дружественной обстановке, как сообщили бы наши СМИ.

Мамины истерики по поводу ранения прошли еще в прошлом году, поэтому она только вздохнула, когда я снял рубашку и в майке уселся за стол.

-Не болит, - спросила она, пустив слезу и проведя рукой по хорошо видимому шву.

-Да, нет, не болит, отмахнулся я. - Все в порядке, не переживай.

-Как это не переживай? - взмущилась мама. - Еще как переживаю, убила бы тебя насмерть, паршивца такого!

-И где логика, - хмыкнул я, - в армии не убили, теперь ты сама хочешь это сделать.

Мама собралась поговорить по этому поводу, и по множеству других, но отец вовремя прервал ее фонтан красноречия.

-Марина, ты кого учишь, подумай головой, - укоризненно сказал он. -

Парень ушел в армию никем, а пришел старшиной роты, коммунистом - орденоносцем. Ты же сама недавно благодарственное письмо от командира полка перечитывала. Сашка сам знает, что ему делать и на кого учиться.

Да, кстати, Сашкец, у меня мотоцикл перестал заводиться. Вчера весь вечер катал без толку. Может, завтра глянешь, - просительно добавил он.

-Документы отдам и займусь, - ответил я и отправился к себе. Наконец, то длинный день моего дембеля подошел к концу.

Утром, сбегав на зарядку, я взял аттестат, техпаспорт на квартиру, военный билет, мамино согласие как главного квартиросъемщика и первым делом отправился в милицию. Паспорт и прописку никто у нас еще не отменял. А я хорошо знал, что их не отменят никогда. Правда, после перестройки прописку почему-то назвали регистрацией. Но сути это почти не поменяло.

В милиции все было нормально, от меня приняли заявление на прописку, потом я пошел к паспортистке, ей тоже отдал заявление и фотографии.

Она все молча приняла, только скривилась, когда я обычной перьевый ручкой первоклассника посадил пару небольших клякс на заявлении.

После этого, не меняя презрительного выражения на лице, сообщила.

-Вам, молодой человек, нужно пройти еще в двадцать пятый кабинет.

Поднявшись на второй этаж, я прошел по гулкому коридору до обтянутой дерматином двери.

Пройдя в кабинет, я обнаружил там полную женщину с майорскими

погонами на форменном кителе.

-Что вы хотели, молодой человек, - спросила она с улыбкой.

-Паспортистка попросила зайти, - коротко ответил я.

-Тогда понятно, - кивнула майор и спросила. - Только что из армии?

-Да, вчера демобилизовался, - ответил я.

Женщина удивленно подняла брови, но ничего не спросила и продолжила:

-Не хотели бы вы молодой человек пойти на службу в милицию. В начале рядовым сотрудником, затем мы можем отправить вас на учебу в школу милиции. При желании, в дальнейшем вы сможете получить высшее образование.

-А в ГАИ можно будет работать, - спросил я, чтобы хоть, что-то сказать.

-Конечно! - оживилась майор. - Годик другой послужите, направим на учебу, получите права, и переведем в ГАИ.

-Так, я два года водителем служил, права у меня есть.

Энтузиазм на лице собеседницы заметно уменьшился.

-Ну, понимаете, молодой человек, на данный момент вакантных должностей у нас в автоинспекции не имеется. Могу заверить, что после двух лет службы в патрульно-постовой службе, вы стопроцентно сможете перейти туда.

-Понятно, - подумал я. - Как всегда в патрульно-постовой службе кадров не хватает. Но и мне делать там нечего.

-Спасибо за предложение,- сказал я вслух. - Но у меня другие планы, хочу поступать в пединститут, на инъяз.

-Женщина снисходительно улыбнулась.

-Юноша, вы знаете, какой туда конкурс был в прошлом году?

-Понятия не имею,- честно ответил я.

-Восемь человек на место, - сообщила собеседница, - моя дочка чуть-чуть до медали не дотянула, а поступить не смогла. Полбалла не хватило.

Так, что после вступительных экзаменов вспомните, пожалуйста, о моем предложении.

-Хорошо, обязательно вспомню, - сказал я и распрощался с кадровичкой.

От милиции до пединститута я отправился короткой дорогой, через кладбище. Пройдя, его я вышел на берег Неглинки и присел на берегу.

Глядя на текущую воду, неожиданно вспомнил, как три года назад на берегу этой речушки, только пятью километрами выше по течению, осознал себя в молодом теле.

-Три года прошло, как быстро! - думал я. - А собственно ничего еще не сделано. Я все еще на том же уровне, что и был. Хотя нет, не так, время зря не прошло, далеко не у каждого в двадцать лет имеется такой багаж плюшек. Признайся сам себе в том, что подсознательно боялся поступать в ВУЗ после школы, поэтому, и отправился в бармены. Сейчас же если просто сдать экзамены, даже на тройки, скорее всего, примут на учебу без проблем. А если еще зайти к Незванцеву и переговорить с ним, примут обязательно.

Солнце, выглянув из-за деревьев, начало светить в глаза. Упруго вскочив, я направился к мостику, перешел его и, поднявшись по косогору, зашагал в сторону института.

У трехэтажного здания на проспекте Ленина, толпились стайки девчонок. Пока я шел мимо них, пробираясь к дверям, те кидали на меня заинтересованные взгляды.

- Хм, видно скучновато вам здесь девушки без мальчиков, - сочувственно подумал я. - А уж как мне было скучновато два года, вы не представляете.

У меня резко поднялось настроение от вида этого "цветника", хотя умом прекрасно понимал, что если начну, тут учится, на цветник довольно быстро перестану обращать внимание.

После яркого дня в гулком коридоре было темно. Спросив, где находится бухгалтерия у вахтерши, я отправился прямиком туда.

На подготовительные курсы, слава богу, кроме аттестата и паспорта ничего не требовали. Отдав вместо паспорта справку из милиции, я получил ордер на оплату восьми рублей шестидесяти копеек и направился в кассу.

У ее окошка, уже стояли две очкастые девицы, видимо преподавательницы. Пока они получали зарплату, к нам подошла очень симпатичная девушка, в короткой юбке, с невероятно тонкой талией, и впечатляющей грудью, покачивающейся в такт шагам.

-Вы последний? - спросила она глубоким контральто.

-Да, - ответил я внезапно осипшим голосом и закашлял. В этот момент у меня в голове была одна только мысль.

-Может, она тоже поступает на подготовительные курсы?

Заплатив деньги, я отошел в сторону и прислонился к стене, наблюдая, как девушка протягивает листок и деньги в окошко.

-Ура! Она тоже на подготовительное! - обрадовано подумал я и храбро направился к ней.

-Ой! Девушка, извините, я случайно услышал, что вы оплачивали

учебу на подготовительном отделении. Я тоже там буду заниматься. Кстати, меня Саша зовут. А вас?

Девчонка от моего напора явно растерялась.

-Меня Женя.

Я протянул ей руку и слегка пожал робко протянутую ладонь.

-Так, что же мы тут стоим, - продолжил я охмурение. - Пойдем на улицу.

Выходя на тротуар, я продолжил говорить, не давая времени спутнице прийти в себя.

-Женя, тут через квартал, есть кафе-мороженое, пойдет, посидим. Я тебя приглашаю.

Не успела та кивнуть головой, как я подхватил ее под руку и повлек за собой.

-Через двадцать минут мы сидели в "Пингвине", и поедая вкуснейший пломбир с клубничным сиропом болтали о всякой всячине.

Оказалось, что Женя переехала в Петрозаводск буквально несколько дней назад. До этого она с родителями жила в Новосибирске, где и окончила десять классов. Из-за переезда она досрочно сдала экзамены и сейчас, чтобы ничего не забыть, отправилась учиться на подготовительные курсы.

-Отлично! - думал я, слушая ее рассказ. Надо же, как мне повезло. Такая девушка! Конечно, не Ленка Сафонова, с той никто бы не смог конкурировать, но мне ее пора забыть.

Естественно, что после кафе мороженого я повел ее знакомиться с городом.

К моей радости, Женя согласилась на это без раздумий. Болтались мы по городу пару часов, пока не оказались в городском парке.

Мы прокатились на карусели, качались на качели, даже постреляли в тире. К четырем часам у меня появилось ощущение, что мои старания прошли не напрасно. В тенистой аллее я рискнул привлечь девушку к себе и поцеловать. Та прижалась ко мне и ответила на поцелуй.

-Мне пора домой, - сказала она после этого.

-Пойдем, я тебя провожу, - безропотно согласился я. Выходя из парка мы пошли на улицу Кирова, где сейчас жила Женя. Еще когда она назвала адрес, у меня появились смутные подозрения о доме, в котором ее родители получили квартиру. Когда мы подошли к нему, подозрения перешли в уверенность.

Перед нами был, так называемый, дом специалистов. Но специалистов своеобразных. Здесь жил первый секретарь обкома партии, предсовмина и

прочие элитарные деятели.

-Вот это я попал! - мысленно восхитился я.

-Саша, если ты не торопишься, может, зайдешь к нам чаю выпить. Мы с тобой целый день на ногах, - внезапно предложила спутница.

-Зайду, - согласился я и вошел в подъезд, вслед за ней.

-На звонок дверь нам открыла моложавая женщина, очень похожая на Женю.

-Мама, - сразу воскликнула та. - Познакомься, Это Саша мы с ним будем заниматься на подготовительных курсах. Представляешь! Он меня сегодня по городу водил, столько нового рассказал. Мы устали, я его привела чаём напоить.

Мама, слегка настороженными глазами смерила меня с ног до головы, затем улыбнулась и сказала:

-Здравствуйте, молодой человек, меня зовут Наталья Николаевна, вы проходите, берите тапочки там в уголке, не стесняйтесь.

Поблагодарив, я прошел в большой коридор и увидел на полочке слева три телефона, один городской, на втором, без диска имелась надпись, обком партии, а на третьем, также без диска, короткое слово, редакция.

После того, как я одел тапочки, Женя утащила меня в свою комнату, а мама пошла готовить чай.

Квартира для этого времени была выдающаяся. Высокие потолки, огромные окна, и большие комнаты. Светелка Жени был не меньше двадцати метров. У одной стены стоял диван и рядом с ним письменный стол и книжными полками, над ним. На другой стороне, старый потертый рояль.

Я подошел к полкам, те были заставлены учебниками, и множеством книг формата покет бакс на английском языке.

Взяв одну из них, обнаружил, что это фантастика. Углубиться в чтение мне не дали. В комнату ворвалась еще одна девушка.

-Женя, рассказывай, с кем успела познакомиться?- сразу воскликнула она.

Женя повернулась ко мне.

-Саша, познакомься, это моя сестра Ира, она студентка, учится на третьем курсе инъяза и ужасная гордячка, - сказала она, ехидно улыбнувшись.

-Очень приятно, - сообщил я и хотел поставить книгу на место.

-Ты, что, читаешь по-английски? - спросила Ирина.

-Да, коротко ответил я и мы тут же пустились обсуждать достоинства англо-американской фантастики.

Прервало ее появление мамы.

-Девочки, хватит гостя кормить болтовней, пойдемте к столу, - сообщила она.

Когда мы прошли в гостиную, там нас уже ожидал хозяин - отец Жени.

Высокий кряжистый мужчина, оценивающе оглядел меня и протянул руку.

-Ну, будем знакомы, паренек, меня зовут Борис Семенович Гордин, - сообщил он и крепко сжал мою ладонь.

-Саша, - в ответ сообщил я.

В дальнейшей беседе выяснилось, что Борис Семенович корреспондент газеты "Правда", а его жена корреспондент Литературной газеты. Опытные в своем деле, они быстро выяснили мою подноготную. Когда Ира сказала, что я свободно читаю английскую литературу, Гордин хитро глянул на меня и перешел на английский язык.

Услышав в ответ английскую речь с американским акцентом, тот слегка поморщился.

-Испортили штатовцы язык, - констатировал он и сразу спросил. - Скажи, друг сердечный, как это ты после спецшколы попал в армию, а не в ВУЗ?

Я улыбнулся.

-Борис Семенович, почему вы решили, что я окончил спецшколу?

Тот слегка опешил от моего вопроса.

-Саша, твои знания явно выходят за предел школьной программы, что тут непонятного. Девочки тоже окончили спецшколу в Новосибирске с уклоном на английский язык, но вряд ли они смогут так вести беседу.

-Вы ошибаетесь, я окончил самую обычную школу, десять классов в нашем городе, - сообщил я и мысленно добавил:

-А потом прожил еще пятьдесят лет. Плюс три года в новой жизни.

Впервые в глазах Гордина появилась заинтересованность.

-Да, ты, брат, талант! - сказал он с чувством. - Видишь Наташа, какие бриллианты у нас в школах гранят. А ты совсем недавно разгромную статью писала об ухудшение качества преподавания иностранных языков в школе. А тут парень через три года после десятого класса по-английски говорит, не хуже студента -выпускника.

Наталья Николаевна еще до этих слов внимательно разглядывала меня. Сейчас же она глядела так, как будто я уже сделал предложение ее дочке.

-Мда, женщина, будь она доярка или профессорша едины в одном, - подумал я. - Парней, которых приводят их дочери, они оценивают только в одном качестве, качестве будущих зятьев.

Тут же за столом разгорелась дискуссия по поводу школьного образования, в ней стесняться я не стал и с удовольствием принял посильное участие. Это дома я мог напугать маман, неожиданно появившимися талантами до сердечного приступа. Здесь же никто не представлял, что хранится в моей, отнюдь не пустой, голове. Главное не сказать лишнего о будущем моего прошлого.

Ушел я из гостей около семи часов. Видимо, произведя неплохое впечатление на чету журналистов, иначе Наталья Николаевна не сказала знаменательную фразу, что у нее появилась надежда, что с таким серьезным, знающим другом Женя изрядно подтянет свои знания в языке.

Месяц май подходил к концу. Через пару дней начинались подготовительные курсы. Я сидел дома, в печальном одиночестве, подсчитывая свои финансы. Увы, от трехсот пятидесяти рублей за эти дни осталась половина. Даже при моих умеренных запросах, количество дензнаков уменьшалось на глазах. И с этим надо было что-то делать.

- Придется идти к Незванцеву, - в какой-то момент понял я.- Может, он что-нибудь предложит. Пять лет учебы без финансов, это труба! Стипендия в сорок рублей мои запросы не решит. Родителей потрошить не дело. Вагоны разгружать, как делал в прошлой жизни, не буду однозначно.

Храбро взявшись за трубку телефона, я набрал, еще не забытый номер.

На другом конце провода мне ответил девичий голос и сообщил, что Валерия Георгиевича нужно искать теперь по другому телефону.

Перезвонив, я, наконец, услышал знакомый голос.

-Слушай, Сапаров, где ты пропадаешь, неужели только дембельнулся?
- сразу перешел к делу Незванцев. - Подходи сегодня ко мне, есть одно предложение.

-Черт! Надо же, как отлично складывается! - подумал я и побежал одеваться. Критически оглядев себя в зеркале, я пригладил отрастающие волосы и отправился в путь.

В тресте, на первый взгляд ничего не изменилось. Вот только на двери кабинета, куда мне надо было зайти, висела табличка " Заместитель директора треста ресторанов и кафе Незванцев Валерий Георгиевич.

Постучавшись, я зашел в кабинет.

-О привет, чертюка! Рад тебя видеть! - воскликнул Валера, поднимаясь из глубин кресла. - Проходи, присаживайся.

Я поздоровался с ним за руку и, оглядываясь по сторонам, сказал:

-Вижу, вижу, растешь потихоньку. Но до секритутки еще не дорос.
Незванцев засмеялся.

-Саша, ты все в своем репертуаре, не подъ...ь, не проживешь. Будет и

секретутка, дай время. Ну, ты садись, может, по кофейку дернем.

Он включил электрический чайник, стоявший за шторкой на подоконнике и достал из шкафчика банку бразильского растворимого кофе.

Через десять минут по кабинету поплыл манящий кофейный аромат.

Я в это время рассказывал бывшему комсоргу о своих армейских буднях.

-Все это лирика, - заявил Валера. - У меня к тебе деловое предложение, не хочешь ли занять мое бывшее место? Ты объявился во время, как раз подыскиваем кандидатуру. Ты по всем кондициям подходишь.

-Я бы не против, но я уже не комсомолец.

-Да ты что? - помрачнел лицом собеседник. - Неужели исключили?

-Да, нет, я уже три месяца, как коммунист. На последнем партсобрании в полку меня приняли в члены партии.

-Ни фигасе? - выдохнул Незванцев и окинул меня оценивающим взглядом. После паузы он заявил:

Зная тебя около года, я уже не сомневался, что ты умеешь добиваться поставленных целей, но стать коммунистом в двадцать лет! Слушай, признайся честно, что ты такое совершил? Знаю, что такие случаи бывали, но не в системе же?

-Ничего особенного, - признался. - Орден получил.

Орденом я добил новоиспеченного зама до конца.

-Сашка, - потрясенно сказал он. - Это дело надо обмыть, в нашем тресте, в кой веки, воспитали орденоносца! Вставай, мы идем к Шмуленсону.

Вдвоем мы зашли в приемную директора. Секретарша, молча кивнула на вопрос Незванцева, можно ли пройти.

Директор, что-то писал, сверкая лысиной. Услышав нас, он вопросительно поднял голову.

-Лев Абрамович, - обратился к нему Валера. - Представляю вам нашего работника Сапарова Александра Юрьевича, призванного в ряды Советской Армии два года назад, сейчас он отслужил и вернулся в родной город.

В глазах Шмуленсона появился слабый огонек интереса.

-Да, припоминаю его, вроде что-то там было с магнитофоном? - спросил он.

-Ну, да было, - отмахнулся Незванцев. - Главное к нам вернулся член партии, орденоносец, награжденный орденом Красного Знамени. Вы представляете эффект?! Наша комсомольская организация воспитала такого человека.

-Орден Красной Звезды, Валерий Георгиевич, - поправил я Незванцева.

-Чего? - обернулся тот ко мне.

-Я говорю, меня орденом Красной Звезды наградили, - буркнул я под нос.

-Да, ладно, какая разница, - воскликнул Валера.- Главное орден.

Лев Абрамович грустно посмотрел на него, покачал головой и сказал:

-И этот поц, мой заместитель! Вай-вай, куда движется мир.

Потом встал из-за стола и подошел к нам. Внимательно оглядел меня с ног до головы и торжественно произнес:

-Молодой человек, не знаю, за что вас наградили, но в наше мирное время командование орденами не разбрасывается. От всего нашего коллектива и от себя лично, поздравляю с высокой правительственной наградой.

Он долго тряс мою руку в, неожиданно сильном, рукопожатии, а затем пригласил за стол.

Затем, нажав кнопку селектора, произнес в него:

-Раиса Витальевна, будьте любезны, принести нам набор номер три.

Из селектора донесся изумленный вздох и слова:

- Один момент, Лев Абрамович.

Через пять минут секретарша появилась с небольшим подносом.

На нем стояла бутылка КВ, лежали два лимона. На отдельной тарелочке красовались десятка полтора тарталеток с черной икрой.

Как заправская официантка, секретарша быстро расставила рюмки, нарезала лимон, все это она делала, недоуменно разглядывая мою физиономию. По выражению ее лица можно было без труда угадать ход мыслей.

-Что это за молодец, из-за которого Лев Абрамович так расстарался?

Когда она вышла, Шмуленсон, закрыл двери плотней и скомандовал:

-Валера, наливай.

Через три рюмки, когда атмосфера стала более дружеской, я сообщил, что собираюсь поступать в пединститут.

Оба торгаша тут же бросились уговаривать меня, не делать такой глупости, и поступать в институт советской торговли.

Я продолжал стоять на своем, но намекнул, что хотел бы во время учебы в свободное время работать.

В этот момент Валера неожиданно отставил рюмку и, глядя на Шмуленсона, спросил:

-Вы тоже об этом подумали, Лев Абрамович?

Тот кивнул и повернувшись ко мне заговорил:

-Александр, мы в этом году открываем в гостинице Интурист валютный бар для иностранцев. Сам понимаешь, комитет землю носом роет. Уже с десяток наших кандидатур отклонил. Тебя же сто процентов согласует.

Я задумался.

-Там же надо будет каждый день работать? А у меня учеба.

-Никаких проблем не будет, - улыбаясь, сообщил Незванцев. - Бар будет работать с шести вечера до двух ночи. Если работать посменно даже не устанешь. А практика, зато какая в языках? - он ехидно засмеялся.

Я, в это время, сидел и пытался понять о каком баре, вообще идет речь, вроде в моей первой жизни такого бара не существовало.

Потом, отбросив раздумья, решительно сказал:

-Я согласен.

Мы посидели еще немного, когда Незванцев показал глазами на выход. Все было понятно. Я встал и сообщил, что мне надо идти. Лев Абрамович моим уходом особо не расстроился, у него еще оставался недопитый коньяк, еще раз поздравил меня с наградой и пожелал успешного поступления.

Валера вышел вместе со мной в коридор и там предложил пройти в отдел кадров и написать заявление о приеме на работу.

-Копии документов, трудовую книжку завтра принесешь, - сказал он. - Торопиться не надо, все равно документы еще будут изучаться, сам знаешь, где. И автобиографию напиши. Характеристику армейскую возьми, не забудь.

Договорившись обо всем, мы рас прощались, и я отправился в гости к Евгении, у которой проводил все последние дни. Мама у нее была в отпуске и бдительно присматривала за нами. Но делала это зря. Сейчас меня волновал вопрос поступления, и мы с девушкой занимались зубрежкой, а не поцелуями и петтингом. Их я оставил на потом, питая надежду, что эти вещи ждут меня впереди..

Вечером, дома, я рассказал родителям, что договорился о работе в ночном баре, и вскоре буду там работать через ночь. Мама, как обычно, сразу завелась.

-Саша, зачем ты это делаешь? Мы с отцом достаточно зарабатываем, чтобы ни в чем не нуждаться. Неужели мы тебя не прокормим во время учебы?

-Мама, конечно, прокормите, и даже оденете, - спокойно ответил я. - Но мне хочется одеваться хорошо, водить свою девушку в кино, в театр,

дарить вам, и ей подарки. На эти запросы вы тоже денег заработаете? Кстати я знаю, что вы мечтаете о даче. Разве вы сможете ее купить, если все будет уходить на меня. Папа до сих пор ездит на старом Ковровце на рыбалку. Давно пора сменить его, хотя бы на ИЖ с коляской. Так, что не уговаривай, работать пойду все равно.

-Сынок, пойми, мы с папой не против, чтобы ты работал, но, может, ты выберешь что-нибудь другое, а не эти подозрительные заведения. Тебя туда прямо тянет, как алкоголика.

-Ага, санитаром в больницу, или кочегаром, или еще что-нибудь эдакое, где меньше пьют - ядовито сообщил я. - получать шестьдесят рублей, и приходить домой под утро, и час отмываться в душе.

-Можно подумать ты в баре будешь больше получать, - скептически сообщила мама. - Одно хорошо, домой что-нибудь будешьносить. Отец, до сих пор твой шашлык вспоминает.

-И это тоже, - улыбнулся я. Моя практичная маман иногда бывала ужасно непонятлива. До нее никак не доходило, что за все принесенные домой деликатесы нужно было платить отнюдь не магазинную цену.

-Послушай, Марина, - вступил в разговор отец. - отстань ты от парня, ему двадцать лет, своя голова на плечах имеется. Раз так решил, пусть работает. Начнет учиться, тогда и поймет, справляется сразу с учебой и работой, или нет. Если нет, сам бросит свой бар и уговаривать не нужно.

После батиных слов маман отступилась от меня и пошла на кухню готовить ужин. Я же отправился во двор, к турнику, где часик от души потренировался. В привычку это вошло после ранения, когда надо было разрабатывать плечевой сустав. Пуля хоть и не сломала плечо, но надкостницу зацепила, и чтобы не развилась тугоподвижность, пришлось заняться специальными упражнениями.

Утром второго июня мы с Женей уже сидели в 222 аудитории за исчирканным чернилами столом. Народа было немного, и в основном девушки.

-Наверно те, кто в прошлом или позапрошлом году не поступил, - подумал я, глядя на юные лица. Парней вместе со мной было всего трое.

Все с любопытством разглядывали друг друга, пока в аудиторию не вошла преподаватель. И это была Белла Марковна Берман.

Она орлиным взором оглядела сидящих за столами и моментально вычислила меня.

-Саша! Сапаров! Надо же! Сто лет тебя не видела! - воскликнула она. - Неужели решил поступать на инъяз?

Я встал и сказал:

-Да, вот решил поступать. Дозрел. А вы Белла Марковна здесь, какими судьбами?

Она поморщилась и прошептала:

-Давай после занятий поговорим, сейчас неудобно.

Я понятливо кивнул и вновь уселся за стол.

Женяка завистливо сообщила мне в ухо.

-Конечно, что тебе не поступать, всех преподавателей знаешь.

Но Белла Марковна уже начала занятие и мы погрузились в трудный мир английской грамматики.

Когда пара закончилась, мы с бывшей учительницей вышли в коридор, где присев у окошка в рекреации начали выкладывать другу другу все, что произошло с нами за последние три года.

Оказалось, что Белла Марковна уже два года, как работает преподавателем на кафедре английского языка. Работать здесь ей нравится намного больше чем в школе. Я же, со своей стороны, рассказал, что отслужил два года и надеюсь поступить.

Собеседница укоризненно покачала головой.

-Ох, Саша, чего же ты мудрил столько времени? Не знаю, не знаю, документы мы еще не начали принимать, но по прошлому году конкурс был огромный.

-Белла Марковна, у меня есть привилегия поступить вне конкурса, не забывайте, - улыбнувшись, напомнил я.

-Ах, да точно! - расцвела преподаватель и добавила. - Но все равно тебе учить много придется, получишь двойку и привет.

-Ну, двойку, это вряд ли, - скептически подумал я. - А с тройкой пройду по любому.

- Да, учеба поставлена по серьезному, не сачкуют преподаватели, - пришел я к такому выводу после третьей пары. - И все это удовольствие в течение месяца стоит восемь рублей. Мда, репетиторы в моей первой жизни плачут и рыдают.

Куда сегодня пойдем? - обратилась ко мне Женя, когда мы вышли на улицу.

Пойдем, посмотрим, как выглядит место, где мне придется вскоре работать, - сообщил я.

-Ты собираешься работать? - удивилась девушка.- И сможешь найти для этого время?

-Конечно, - ответил я и, взяв спутницу под руку, повел в сторону гостиницы.

Пройдя мимо равнодушно глядевшего на нас швейцара, мы оказались

в прохладном после улицы, вестибюле. Подойдя к стойке дежурной, я представился, и спросил, как пройти в валютный бар.

-Ох, там еще ремонт в полном разгаре, - поморщилась женщина в форменной одежде, - Не на что там еще смотреть. И вообще кому идея в голову пришла еще один бар открывать? И так финны по приезду сразу нажираются, как свиньи, а будут еще больше. После них все туалеты заблеваны.

-Зато теперь будут за марки нажираться, - сообщил я. - Нашей стране валюта нужна.

-Ой, хоть ты парень мне лекций не читай, - сообщила дежурная. - У меня и так от них голова болит. Как с прошлого года организованные туры иностранцев сделали в Кизи, так от лекций и собраний не прдохнуть.

Даже сюда в вестибюль, доносился стук молотков и вижание пилы из помещения бара.

-Ладно, - обратился я к подруге. - Раз смотрины не удалось, пойдем в кафе мороженое.

Женя, между тем смотрела на меня, как на полубога.

-Саша,- прошептала она с придыханием. - Ты будешь работать барменом в валютном баре!!

-Блин! И эта туда же, - подумал я с досадой. -А ведь если поступлю, девчонки на курсе, как узнают, где я работаю, охоту на меня устроят. А мне, честно говоря, это надоело еще в первый год работы. Интересно, есть ли сейчас девушки, которым безразлична моя профессия.

Немного подумав, я и сам понял, что есть. Только они не ходят по барам. Но Женя явно к ним не относится.

Когда Борис Семенович Гордин пришел домой, там раздавались звуки музыки. За закрытыми дверями в комнату дочери на рояле игралась Апассионата.

-Чего это она? - спросил он у жены, кивая на дверь.

-Нашла себе мужа, - ответила та, нервно улыбаясь.

-Это кого, не Сапарова ли?

-Именно его. - кивнула Наталья Николаевна.

-А тот в курсе? - шутливо спросил муж.

-Конечно, нет.

-А чего это она вдруг решила?

-Боря, иди, вымой руки, переоденься и приходи ужинать, там и поговорим, - скомандовала жена.

Через пять минут Гордин, как штык, сидел за столом и вопросительно глядел на жену.

-Понимаешь, Боря, Женя сегодня пришла домой какая-то возбужденная, сразу села письмо подруге в Новосибирск писать.

Я поинтересовалась, чего вдруг уселась за письмо, а она мне бац, и сообщила:

-Мама, я выхожу замуж.

Я тут так и села.

-За кого хоть выходишь? Спрашиваю. А она мне, как выдаст:

-За Сашу Сапарова, только он об этом еще не знает.

- Ну, я спрашиваю, с чего тогда такой переполох?

Оказывается, он сегодня ее таскал на свою работу. Парень собирается работать барменом в валютном баре. Представляешь? А это засранка мне говорит.

-Он умный, добрый и не жмот, как наш папа. Тот мне год обещал юбку джинсовую. А Саша зашел в комиссионный магазин, и через пятнадцать минут я ее уже примеряла. Мне все девки будут завидовать. Я уже Аленке письмо написала, пусть локти кусает.

-Вот зараза! - с чувством ругнулся Гордин. - А этот паршивец, где, интересно деньги берет? Ведь только из армии пришел. Неужели родители дают?

-Не знаю,- пожала плечами жена.- Надеюсь, не украл.

-Ну, это вряд ли, - сообщил Борис Семенович. - Я тут на днях попросил товарищей разузнать, что паренек с нашей дочкой встречаться начал. Так мне целую историю рассказали. Ты сама лучше присядь, а то еще от удивления на ногах не устоишь.

Этот Сапаров, действительно, только что отслужил. И служил он здесь в городе. Притом ушел в армию комсомольцем, а вернулся коммунистом .

-Серьезно! - прокомментировала Наталья Николаевна, справившись с удивлением.

-Слушай дальше. Он награжден орденом Красной звезды. За что, выяснить не удалось, даже мне. По крайней мере, так, с налета. Со временем все равно уточню, что там произошло.

-Так, может, проще спросить у него самого, - предложила жена.

-Ага, и признаться, что мы о нем справки наводили, - возразил муж.

- Ну и что, мне кажется, он к этому спокойно отнесется. Знаешь, Боря, парень очень непрост. Для своего возраста ведет себя очень достойно. Ты себя в двадцать лет вспомни,

-Ну, Наташа, ты тоже скажешь. Тогда время было другое, послевоенное, голодное. Не было лишних денег юбки джинсовые девушкам покупать.

-Да я не о юбках говорю! - рассердилась Наталья Николаевна, - При чем тут они, я о том, что человек в двадцать лет стал коммунистом, награжден орденом, значит, стержень в нем имеется не по возрасту. Вот учиться собрался, притом на иностранные языки. И подработку нашел соответствующую, в баре для иностранцев. Все одно к одному. А перед этим девушку себе нашел, скажем, откровенно, непростую. Может, и случайно познакомился, но когда узнал, кто родители, решил знакомство продолжать. Ты знаешь, я давно таких целеустремленных парней не видела, заточенных под карьеру.

Хотелось бы знать, чего он мечтает достичь? Вообще, мне до сегодняшнего дня это знакомство было не по душе. Все же парень не нашего круга. Но Женя ведь об этом не скажешь, сам знаешь ее упрямство. А сейчас думаю, правильно сделала, что не влезла в их отношения. Даже если не получится у них ничего, для нее все равно польза будет.

-Вот только мне работа его в баре не нравится, - буркнул Гордин. - Как бы нам она боком не вышла.

-Боря, ты как будто первый день родился, - засмеялась жена. - Сам подумай, кого допускают до работы в таких местах.

Журналисты переглянулись и посмотрели по сторонам.

-Кхм, - откашлялся Борис Семенович. - Понятненько, ну ладно, я пойду в кабинет, мне надо над статьей поработать. На всякий случай, если задержусь, тебе спокойной ночи.

Мы с Женей уже привычно перекусывали на кухне, после очередной зубрежки, беседуя ни о чем с ее мамой. Неожиданно зазвонил телефон.

-Там твоя Аленка на проводе, - обратившись к дочери, сообщила Наталья Николаевна, после того, как взяла трубку.

-Ну, это надолго, - вздохнул она, когда Женя умчалась в коридор. После чего прикрыла дверь и обратилась ко мне.

-Саша, меня беспокоит твой поступок. Я не понимаю, зачем ты подарил Жене эту юбку. Тебе не кажется, что это выглядит нескромно? Все же у вас не те отношения для таких подарков. Мы с Борисом Семеновичем после этого неловко себя чувствуем. Я бы хотела вернуть тебе деньги. Скажи, пожалуйста, сколько ты заплатил?

-Хм, вы знаете, Наталья Николаевна, в тот момент, как-то не думал об отношениях. Это вообще произошло спонтанно. Мы шли с ней по улице. И тут она, увидев девушку в джинсовой юбке, сказала, что папа обещал ей еще в Новосибирске, что купит ей такую, но до сих пор не купил.

Этот разговор произошел, как раз напротив комиссионного магазина.

Его директор моя хорошая знакомая. Я и предложил зайти глянуть, может, у нее есть в заначке что-то похожее. Оказалось, что есть. Ну, а когда Женя юбку надела, то сразу стало понятно, что ее надо брать. Могу же я порадовать девушку, с которой дружу. Не вижу в этом никакого криминала.

-Ты мне так и не сказал, сколько она стоит.

-И не скажу, не уговаривайте, - улыбнулся я. - За подарки деньги не берут.

Нашу беседу прервала Женя, ворвавшаяся на кухню. И сразу вперила подозрительный взор в маму.

-Чего это вы тут закрылись? Мама, что за дела!? Саша, что она от тебя хотела?

-Да ничего не хотела, - сообщил я, - это мы от твоего треска закрылись. Ты слишком громко болтала по телефону.

Женьку мои уверения не очень убедили, потому, что она периодически кидала на маму многообещающие взгляды. Из них было понятно, что после моего ухода планируются разборки между дочерью и мамой.

Что же, все жизненно, дочки моментом просекают, когда мамы влезают в их отношения с парнями и пытаются отстоять свое право на самостоятельность. Но мне свидетелем разборок быть не хотелось, поэтому я по быстрому рас прощался с собеседницами и буквально сбежал от них.

Время было около пяти часов, и я решил зайти к Неванцеву, чтобы узнать, как там мои перспективы. Тот, на мое счастье еще не ушел домой, а беседовал с незнакомым мужчиной лет тридцати.

-Отлично! На ловца и зверь бежит! - вскрикнул он, здороваясь со мной. - Ты, как всегда появился во время, знакомясь, это твой будущий напарник и собственно начальник, Эльштейн Иосиф Аркадьевич.

Высокий, на полголовы выше меня, мужчина встал и, улыбнувшись, протянул руку. Несмотря на изящные тонкие пальцы, его ладонь стиснула мою неожиданно сильно. Я же, разглядывая его лицо и пышные волнистые волосы, уныло думал, что своих девушек с ним бы знакомить не стал.

Неванцев, между тем продолжал говорить:

-Иосиф Аркадьевич, приехал к нам из Ленинграда. Там он работал в подобном заведении, и имеет хороший опыт работы. Мы с ним знакомы еще с учебы, поэтому он и откликнулся на мою просьбу. Надеюсь, что вы сработаетесь. Бар у нас открывается через два дня. Твои документы, Сашок, проверку прошли так, что с тебя поляна.

-Э, э, - пришло время мне смутиться, - Я как бы сейчас, не при лавэ, может, отложим это на другое время.

-Тогда, накрываю поляну я, - вступил в разговор Эльштейн. -

подскажите только, куда пойдем, я еще тут у вас не вполне сориентировался.

-Отлично, - воскликнул Валера, - Идем в ресторан Петровский, там свинину с грибами в горшочках, делают, пальчики оближешь.

Он позвонил жене и сообщил, что идет в ресторан. Судя по голосу жены, та нисколько этим не расстроилась.

Мы же вышли на улицу и пешком направились в сторону ресторана.

Растолкав очередь, собравшуюся у дверей, Валера постучал в глухую дверь. Выглянувший вышибала расплылся в улыбке и пропустил нас вовнутрь, под унылое молчание неудачников.

Внутри обстановка была совсем другой. Те, кому посчастливилось проникнуть сюда, были радостны и веселы. Оркестр еще не играл. Но этого и требовалось. В одном из залов пьяные финны орали Руллу Теруллу, а не менее пьяные петрозаводчане им подпевали. В баре все стулья у стойки были заняты. Иосиф опытным взглядом окинул стойку и бармена и что-то скептически прошептал Незванцеву на ухо. Тот скривился, но, держа марку, сказал.

-Дай время и у нас будет не хуже, чем у вас.

В этот момент к нам подлетела взволнованная администратор.

-Здравствуйте Валерий Георгиевич, - вы к нам с проверкой, или посидеть, отдохнуть? - пролепетала она, с тревогой оглядывая Эльштейна.

-Успокойся, Марина, - сообщил Незванцев, - мы зашли просто посидеть, пообщаться, найди нам уютный уголок, пожалуйста.

Администратор провела нас через два зала и открыла неприметную дверь, за ней находился зальчик, о котором в прошлой жизни я и не подозревал.

Не успели мы усесться на массивные деревянные сиденья, как тут же перед нами нарисовался молодой паренек с блокнотом в руках и поинтересовался, что мы будем заказывать. Снова Незванцев взял на себя инициативу, и мы только слушали слова копченый сиг, палтус, клюквенный морс, селедка под шубой, калитки, водка Петровская, свинина в горшочках со сморчками.

-Эй, Валера, - попытался его остановить Иосиф. - Остановись, нас всего трое.

-Ничего, под водочку, все уйдет за милую душу, - ответил тот и продолжал диктовать.

И он оказался прав. Когда мы приступили к второй бутылке на столе остались жалкие остатки пиршества. Всего копченого сига сожрал Иосиф, после чего, вытерев жир, авторитетно заявил, что севрюги, балыки,

миноги, и прочие рыбные деликатесы бледнеют перед глубинным карельским сигом.

О работе мы не говорили. Зато оба моих собеседника опять во всю принялись критиковать мое решение поступить в пединститут.

-Слушай, Саша!- в один момент воскликнул Эльштейн. - Почему бы тебе не поступить еще на заочный факультет в институт советской торговли. Там не сможет учиться только полный идиот. Связи у меня в нем нормальные, Получишь второе высшее образование, как у Неванцева, к примеру, и будешь работать барменом с двумя высшими образованиями.

Оба старших товарища заржали пьяным смехом, хлопая меня по плечам

Я смеялся вместе с ними, голова уже работала не очень хорошо, но все же мысль о том, что неплохо попробовать такой вариант, крючком засела в голове. Она так ее и не покидала, пока я шел пешком домой, чтобы хоть немногопротрезветь.

Дома меня дожидалась мама, чтобы сообщить о трех звонках Жени, жаждущей со мной поговорить. Но так, как время было около одиннадцати, перезванивать я не стал. Молча выслушал мамины упреки и прочие слова типа того, что в если ближайшее время не пересмотрю свои взгляды на жизнь, то стану хроником, сопьюсь и закончу свою жизнь в канаве под забором. Так мама объединила эти два места, когда я попросил уточнить, в каком из этих двух мест я все-таки помру, в канаве или под забором.

Несмотря на уверения Неванцева, через два дня мы к работе не приступили. В баре еще оставалась куча всяких недоделок, нуждающихся в исправлении. Я же снова проходил "курс молодого бойца" только на этот раз в отношении работы бармена. Слушая Иосифа, я поражался, как вообще ухитрился проработать год в шашлычке и не загреметь под фанфары в места не столь отдаленные. Эльштейн на мой вопрос по этому поводу, усмехнулся и сообщил.

-Это все потому, что у вас здесь край непуганых идиотов. В Питере тебя засекли бы через пару дней.

Я за несколько дней узнал от него кучу разных ухищрений, до которых доходил бы самостоятельно очень долго, а может, и вообще не дошел.

Тем не менее, несмотря на быстрый прогресс, Эльштейн решил повременить с моей самостоятельной работой, поэтому несколько дней пришлось работать вместе с ним.

Начало работы меня откровенно разочаровало. В баре наплывом посетителей не пахло, несмотря на то, что на полках теснились бутылки с разноцветными этикетками, которых днем с огнем не найти в наших

магазинах. Финны, ребята прижимистые, умели считать деньги не хуже наших руководителей. Зайдя в бар, они первым делом внимательно вчитывались в ценники, а затем направлялись к выходу.

На мои вопросы Иосиф только насмешливо пожимал плечами.

-Мы это все уже проходили, - сообщил он. - Я еще, когда решался вопрос с наценками, сказал, что ничего хорошего с ними ждать не стоит. Если рядом есть забегаловка, где можно выпить ту же водку в два раза дешевле, все иностранцы, имеющие рубли в кармане, отправятся туда. Это наши ребята, будут понты кидать, хотя в кармане ни гроша.

кассира, приходившую ночью в сопровождении милиционера снимать кассу с недоумением смотрела на тонкую пачку марок и десяток монет, сиротливо валявшихся на дне денежного ящика.

Я, глядя на все это безобразие, начинал подумывать, не пора ли валить отсюда. Однако Эльштейн продолжал работать, как ни в чем не бывало.

-Не дергайся раньше времени, - как-то сказал он мне. - Наверху этот вопрос решается. Ты просто не представляешь, сколько инстанций придется пройти, чтобы понизить цены. Речь ведь не о рублях, о валюте! Чего ты печалишься, зарплату, какую, никакую, нам платят. Знакомства полезные ты с иностранцами заведешь. Кто-то ведь к нам все равно заглядывает.

Знакомства я действительно завел. Молодой финн из Хельсинки, Илмари Антонен возивший к нам группы туристов, быстро нашел дорогу в бар. Деньги у него водились, и он с удовольствием просиживал вечера у стойки. Он сносно говорил по-русски, поэтому с ним было легко контактировать. Но большинство финнов были совсем не похожи на своих потомков из 2018 года. По-английски они почти не говорили, приехав со своей деревенской фермы в большой город, не понимали, что в нем делать. На все, что их хватало, это пользоваться отсутствием у нас сухого закона, тупо напиваться до потери сознания.

Как то вечером, во время работы, меня позвали к телефону. Когда я взял трубку, то услышал в ней незнакомый мужской голос.

-Александр Юрьевич, добрый вечер, - Меня зовут Вадим Сергеевич, передаю вам привет от Дениса, надеюсь, вы его помните.

Хотелось бы с вами встретиться обговорить кое-какие вопросы. Я примерно представляю ваше расписание, поэтому предлагаю завтра зайти по адресу... в пятнадцать часов. Вас устраивает это время?

Только, когда собеседник назвал адрес, я понял, кто это звонит. Тогда вспомнил и Дениса. Как ни странно, но в восьмидесятые годы у нас в городе все знали, где находится явочная квартира КГБ. Хотя к этому

времени ее наверняка там не было. Но сейчас шел только 1971 год, и эта квартира была еще не на слуху.

-Да, конечно, устраивает, я подойду к этому времени, - сказал я в трубку, из которой почти сразу донеслись короткие гудки.

На следующий день самым сложным, оказалось, отвязаться от Жени. После занятий она прилипла, как банный лист. А я никак не мог придумать отговорку, чтобы отправить ее домой. Скориться не хотелось, поэтому пришлось притвориться заболевшим и срочно отправиться домой, сказав, что попробую лечь поспать.

Проводив ее до автобуса, я направился по данному мне адресу. Дверь в явочную квартиру комитета почти не отличалась ничем от остальных, кроме широкого глазка. На звонок дверь почти мгновенно открылась, и из-за нее выглянул молодой мужчина, лет тридцати. Увидев меня, он расплылся в улыбке и дружелюбно произнес:

- Санек, привет, наконец, удосужился ко мне зайти. Проходи не стесняйся.

Квартира, не представляла собой ничего особенного. Одна небольшая комната, кухня. Типичная обстановка, для молодого холостяка. Ничто в ней не выдавало, что здесь никто не живет.

Надев предложенные тапочки, я проследовал вслед за хозяином на кухню. Тот, сразу зажег газ и поставил чайник на огонь.

-Присаживайся, - предложил он. - В ногах правды нет. А разговор у нас будет долгий. Как ты уже знаешь меня зовут Вадим Сергеевич, такк, что будем знакомы.

Мы пожали руки друг другу, я уселся на стул и выжидающе глянул на собеседника.

-Не будем толочь воду в ступе, - сказал тот, поняв мой взгляд. - Человек ты достаточно зрелый, прошел армию. Зарекомендовал себя положительно. Партия и Правительство отметили твои заслуги орденом.

При этих словах в голосе собеседника послышались завистливые нотки.

- Нас немного настораживает твой выбор профессии. Но, для комитета так даже лучше, ведь работать в таком проблемном месте, связанном с валютой, будет заслуженный, проверенный делом, человек.

До армии ты легко пошел нам навстречу и добровольно передавал сведения.

Сейчас же я уполномочен предложить тебе стать нашим внештатным сотрудником, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Он замолчал и выжидающе смотрел на меня.

-А что за вытекающие последствия? - поинтересовался я.

-Ну, к примеру, мы можем посодействовать в поступлении в ВУЗ, - улыбнувшись, поведал Вадим. - закончишь его поможем с работой. Выезд за рубеж в социалистические страны по путевкам. Ну, мало ли чем еще можно помочь. Денежной премией, к примеру, если будет за что.

А в мои обязанности, что будет входить?- спросил я.

Вадим Сергеевич встал, достал из портфеля тонкую книжицу.

-Вот возьми почитай эту методичку, я пока чаек заварю.

Вскоре мы, прихлебывая, пили скверно заваренный грузинский чай с кренделями, без сомнения, купленными в соседней бакалее. Вадим Сергеевич молчал, я же в это время пробегал глазами страницы методички.

-Когда я отложил ее в сторону, он спросил:

-Ну, как понятней стало?.

-Вроде все ясно, - сказал я. - Согласен я, ведь если не соглашусь, сразу проблемы появятся, проверки и прочее. А так, хоть вы мешать не будете.

На мои слова собеседник только улыбнулся и развел руками.

Закончив с чаепитием, мы говорили еще с час и, порешав все вопросы, разошлись, довольные друг другом.

А чего переживать? Этого звонка я ждал с той минуты, как согласился на работу в баре. Странно бы было, если при таком трепетном отношении к валюте в СССР, барменов в валютном баре оставили без полного контроля. Поэтому согласившись стучать, не испытывал никаких отрицательных эмоций.

В том, что мой руководитель и напарник Иосиф тоже работает на КГБ, не было никаких сомнений. Так, что теперь будем с ним стучать в унисон.

После утомительной беседы хотелось пройтись. В баре у меня сегодня был выходной и сейчас я с удовольствием шел прогулочным шагом в сторону дома.

Еще не доходя до него метров сто, я услышал натужный рев мощного мотора. Зайдя во двор, я обнаружил, что из кузова грузовика по лагам спихивают на землю перед нашим гаражом, ржавый кузов 408 Москвича.

А вокруг него возбужденно нарезает круги мой батя.

-Это что за хлам? - спросил я него.

-Ты, что!? Какой же это хлам? - возмутился отец. - Ты только глянь! Почти новая машина. Ее у нас еще весной списали после аварии, хотели продать, но что-то там не срослось. Вот мне предложили за пятьсот рублей выкупить.

Глядя на мое укоризненное лицо, он потихоньку замолкал.

-А мама знает? - поинтересовался я.

Под моим насмешливо-сочувственным взглядом батино лицо начало багроветь.

И вдруг он неожиданно закричал фальцетом.

-Кто хозяин в доме!? Я или мать?! Я что не могу себе машину приобрести?

-Пап, успокойся, - не на шутку испугался я, глядя на его покрасневшее лицо. Видимо он уже подсознательно готовился к неприятному разговору с мамой. Все же пятьсот рублей были приличные деньги для нашего бюджета. Особенно за такую рухлядь. Я еще не заглядывал в моторный отсек, но пока машину стаскивали на землю, успел заметить, что от порогов остались один воспоминания. Левая передняя дверь с разбитым окном, выгнутая от удара. Передние крылья снизу проржавели насквозь.

-Хм, ему же не может быть больше шести лет? -думал я, - что же с ним творили, чтобы довести до такого состояния. Ну, блин, тут с одним кузовом возни будет! Умереть и не жить.

Глянув на все еще багрового батю, я предложил:

-Папа, давай скажем маме, что это была моя инициатива, типа я услышал, что у вас продается списанный Москвич, и уговорил тебя, его купить.

Отец, вытирая пот с лица, сообщил:

-Ну, я, в общем, на тебя и рассчитывал, когда покупал это утильсырье. Я ведь не один ездил машину смотреть, Валентиныча взял с собой. Тот бил себя кулаком в грудь, кричал, что все сделает, автомобиль, как игрушка будет. А если ты ему поможешь, то до зимы закончим все дела.

Я устало вздохнул.

-Папа, ты, где его планируешь восстанавливать, в нашем сарае? Так, если мы его туда затащим, сами уже зайти не сможем. А как мы там варить будем. Ты с чайником и огнетушителем будешь стоять целый день? Ладно, давай рассчитывайся с мужиками, уберем все, что можно в сарай. А я завтра, съезжу кое-куда и попытаюсь договориться насчет бокса.

И если получиться, не говори маме, сколько денег потратил. Хочется вечер прожить спокойно.

Конечно, ничего отец скрыть от маман не сумел. Та быстро вытянула из него, сколько денег, по ее мнению, выкинуто на ветер и начала подсчитывать, сколько еще уйдет на ремонт. Так же не прошла наша попытка спихнуть все произошедшее на меня. Домашняя следовательница быстро вычислила виноватого и теперь привлекала меня в качестве эксперта, чтобы доказать всю пагубность батиного поступка. Пришлось клятвенно заверять, что не пройдет и двух месяцев, как машина будет на

ходу и первым пассажиром в ней будет мама.

Удалившись к себе в комнату, я сел на кровать и взявшись за голову, задумался.

Похоже, попал я капитально.

Мою работу никто не отменял, через день, я должен, как штык находиться в баре с шести вечера до двух ночи. Через неделю оканчиваются подготовительные курсы, а еще спустя два дня начинаются вступительные экзамены. И вот, теперь единственный месяц - август, в котором я рассчитывал слегка расслабиться, пропал. Весь август придется в свободное время заниматься машиной. От отца все равно никакой помощи не дождешься.

Что будет в сентябре непонятно, но думаю, что мой куратор найдет способ освободить меня от поездки в совхоз. Все же я ему больше нужен в другом месте. Если так получится- отлично, возможно, тогда удастся закончить ремонт Москвича.

Отбросив эти мысли, я звякнул Жене и сообщил, что чувствую себя гораздо лучше. После чего разделся и лег спать.

Утром, выйдя во двор, первым делом обошел лежащую на земле технику. Меня снова одолели сомнения.

-А чего собственно, никто не захотел покупать этот драндулет,- думал я разглядывая в стекла внутренности салона.- может, там и двигатель стуканул, или еще какая бяка имеется. А собственно, какая разница, все равно придется все перебирать. - решил я и, оставив все сомнения отправился на учебу.

После занятий, чтобы не расстраивать девушку, я предложил ей съездить со мной в одно место, а уже потом, посетить кафе-мороженое.

Конечно, та без раздумий согласилась.

Перед поездкой я, на всякий случай, позвонил Борису Ефремовичу из автомата. Тот был на работе и явно обрадовался моему звонку.

В гараже ДОСААФа за прошедшее время ничего не изменилось. Старикан, сидевший на проходной, по свойски подмигнул мне. Еще бы, всего месяц назад он был свидетелем, как мое бесчувственное тело выгружали из газика коменданта Петрозаводского гарнизона.

Пройдя в кабинет главного механика, я обнаружил там Ефремыча, зарывшегося по уши в бумагах.

Моему приходу он обрадовался, вылез из-за стола и облапил своими клешнями. Вежливо поздоровался с Женей, после того, как я ее представил, а когда та отвлеклась, сделал большие глаза и поднял большой палец вверх.

-Ну, рассказывай, с чем пожаловал? - спросил он, когда мы обменялись

свежими новостями.

Я коротко изложил свои проблемы и выжидательно уставился на своего бывшего преподавателя.

-Хм, надо помараковать, - Ефремыч усиленно потер заросший подбородок. - Возможно, смогу тебе помочь. У нас пустует небольшой ангар. Пока мы туда ничего не планируем ставить. Так, что привозите свою лайбу. С мужиками сам договаривайся. Как с ними будешь рассчитываться, не мое дело. Что же касается запчастей, имеется один вариант. Только опять же подумай, как будешь расплачиваться.

Я открыл тяжелый портфель и поставил на стол пять бутылок чешского пива.

-Борис Ефремович, - попробуй, вчера только получили. Прямо из Чехословакии.

У механика загорелись глаза.

-Это что? Настоящее чешское пиво!

Я улыбнулся.

-Поддельного не держим. Извини, Ефремыч, я не собирался сегодня к тебе, так уж вышло. Знал бы, так что-то приличней подготовил.

- Хм, надо же приличней, - пробормотал тот. - Говоришь так, как будто каждый день такое пиво пьешь.

Ефремыч бережно снял бутылки со стола и убрал в шкаф, сказал.

-Раз пошла такая пьянка, поехали, съездим в гараж Минздрава, я тебя кое с кем познакомлю. Женя, ты надеюсь, не против?

-Не против, - коротко сообщила та и бросила на меня многообещающий взгляд.

- Ничего, подумал я. - Немного покатаешься с нами, настроение поднимется.

На улице мы уселись в волжанку, на которой когда-то я сдал здесь свой первый экзамен и Ефремович бодро порулил в центр города.

На площади Ленина он свернул во дворы, и мы оказались перед гаражами Министерства здравоохранения. Выйдя из машины Никулин

целеустремленно направился к диспетчерской.

-Антипыч у себя? - спросил у сидящей за окошком женщины.

-У себя, чего ему сделается, борову. - проворчала та.

Ефремыч ухмыльнулся и проследовал дальше, ну, а я за ним. Женьку на этот раз мы благоразумно оставили в машине.

В кабинете главного механика было накурено и пахло перегаром. Сам механик, потный рыжий толстяк сидел за столом в расстегнутой до пупа

клетчатой рубахе и пил воду из горлышка графина, не обращая внимания на струйки воды текущие мимо рта.

Увидев нас, он поставил графин на стол и гулким басом произнес:

-Ефремыч, бл... Здорово! Не прошло и года, как ты нарисовался. Че, опять проблемы, какие?

Он достал из-за батареи недопитую бутылку водки и, держа ее в руке, спросил:

-Будете?

-Не я за рулем, - пошел в отказ Ефремыч, а я вовсе промолчал, мне же, собственно, и не предлагали.

Слушай Николай Антипыч, тут моему ученику бывшему, надо бы помочь. Батя у него купил Москвич списанный, так, что сам понимаешь.

Антипыч, прищурившись, посмотрел на меня.

-У тебя отец не в Министерстве образования работает? Там весной Москвич списывали.

-Ну, в принципе да, - осторожно сказал я.

Толстяк засмеялся.

-Повезло вам, так повезло. На этом Москвиче Дима Желудев работал. Угрожал его капитально, а напоследок еще и в аварию попал. В этом министерстве вечно одних придурков за руль сажают. -сказал он.

Коля,- обратился к механику Ефремович, понизив голос. - Парень в валютном баре работает, всегда поможет, если что. Кстати, и руки у него не из жопы растут, два года по Петрозаводску коменданта гарнизона возил.

-Ого! - сказал Антипыч, и в первый раз у него появилось что-то вроде уважения при взгляде на меня.

- Не хочешь к нам водителем пойти? - внезапно спросил он. - Что это за работа, водяру разливать, всякому дерыму? Несерьезно ты парень к жизни относишься. Думаешь, Ефремыч всех своими учениками называет. Ни хера подобного! У него такие ребята, как ты, наперечет. Верно, я говорю? - спросил он внезапно у того.

Борис Ефремович улыбнулся и молча пожал плечами.

- Вообще то я учиться собираюсь, - сообщил я, чтобы хоть что-то сказать. - В пединституте.

-Мда, - скептически сказал Антипыч. - Тоже дело не фонтан. Ну что же, каждый сходит с ума, как умеет. Ладно, пойдем, заглянем к кладовщику.

Он, неожиданно легко для толстяка, поднялся и направился к дверям.

Выйдя из диспетчерской, мы направились к неприметному деревянному домику с забитыми окнами, укрепленными швеллерами на болтах. Открыв железную дверь с надписью, "кладовщик", механик

крикнул:

- Сергеич, поди сюда!

К нам из дверей вышел примерно такой же бухой персонаж, как Николай Антипович.

- Послушай, Толя, - обратился к нему механик, - В пятом боксе стоят два восьмых Москвича аварийных, Вот этот парень с ними поработает. Все, что он снимет, уберешь к себе. Когда он закончит, доложишь мне. Приду, гляну, чего он там насобирал. Что могу, отдаам, что не могу, тоже отдаам, но....

Тут механик перевел взгляд на меня.

-Надеюсь, что ты человек понимающий, раз армию отслужил. И благодарность твоя будет соответствующей.

-Естественно,- ответил я, - никаких проблем, как в аптеке.

-Отлично, - воскликнул он. - Как прикинешь, что тебе нужно, приходи и начинай разборку.

Потом, повернувшись уже к Ефремычу, просящим голосом спросил:

- Может пару стопарей пропустим ради встречи? Чего менжуешься, парень потом тебя до дома докинет. И машину в гараж поставит.

Борис Ефремович кинул на меня вопросительный взгляд, но я развел руками и сказал, что мне через полтора часа на работу. Хотя если бы меня не ждала в машине Женя, можно было и пойти навстречу Никулину.

Антипыч тяжко вздохнул и пошел допивать бутылку в одиночестве.

А мы отправились обратно в досаафовский гараж.

-Знаешь, Саша, ты меня сегодня снова удивил, - призналась Женя, когда мы сидели с ней в кафе-мороженом. - Ты меня вообще, каждый день удивляешь. Даже папа сказал, что ты вундеркинд. И он первый раз встречает такую незаурядную личность.

-А что сказала Наталья Николаевна? - ехидно спросил я.

-Смейся, смейся, - мстительно сообщила Женя. - Она вообще собирается пойти в школу, где ты учился, чтобы собрать материал для статьи.

-Для какой, еще статьи? - удивился я, впрочем, подозревая для какой.

Вынюхали журналисты о моей награде. Теперь покоя не дадут. Хорошо еще Женьке не сказали. Хотя, что теперь скрывать. Через неделю все о ней узнают.

И действительно, все узнали. Вечером, перед первым экзаменом я отпарили парадный мундир и повесил его на вешалку.

А утром облачился в него, посмотрел в зеркало, как сияют значки и орден, после чего направился неторопливым шагом в сторону

пединститута.

Абитуриенток было море. Среди них печальными маяками возвышались редкие мальчишки.

Мое появление фурора не произвело. Большинство девчонок, насмешливо улыбались, понятливо качая головой. А вот парни поглядывали с завистью. То, что ребята после армии поступают с льготами, знали все.

Появившаяся Женя, забыв о экзамене, начала разглядывать мою форму.

Ой! А это что за звездочка? - спросила она, указав пальцем на награду.

-Это не звездочка, - наставительно сообщил я. - Это Орден Красной Звезды.

- Стоявшие рядом очевидцы, ахнули, А Женя вообще открыла рот от изумления.

А тем временем в деканате шло очень интересное совещание. Декан факультета Крайнов Георгий Петрович находился в отвратительном настроении.

-Дарья Петровна, вы плохо выполняете свои обязанности, - в который раз упрекнул он свою зав. канцелярией. - Почему я узнаю о том, что на наш факультет поступает коммунист- орденоносец от ректора, а не от вас.

Представляете, как я себя чувствовал, когда меня спросили, как я планирую обеспечить стопроцентное поступление этого абитуриента в ВУЗ?

Что я мог ответить, когда понятия не имел, о таком событии. Прошу немедленно пригласить ко мне всех сегодняшних экзаменаторов. Я проведу с ними краткую беседу.

- Хорошо, Георгий Павлович, - ответила заведующая канцелярией, молодящаяся дама неопределенных лет. А что она могла еще сказать? Не будет же объяснять декану, что уже месяц не разговаривает с этой конченой стервой, Валькой Павловской, секретарем приемной комиссии, сумевшей захомутать доцента Вальцмана, и владеющей всеми сведениями по абитуре. А ведь Вальцман, незадолго до этого, так задумчиво поглядывал в сторону Дарьи Петровны.

-Увела сучка, такого мужика! - в сотый раз злобно подумала фрау канцелярин и с красными пятнами на щеках, отправилась на кафедру иностранных языков.

Взволнованные абитуриенты толпились у аудитории, где должен был проходить экзамен по английскому языку. На часах над дверями стрелки показывали уже двадцать минут десятого, а преподавателей все не было.

Напряжение постепенно спадало. В толпе начались разговоры, смех. Но вот, преподаватели появились, и все снова резко замолчали. Белла Марковна шла вместе с еще одной преподавательницей Натальей Владимировной Покровской. Белла Марковна была явно не в духе, Покровская тоже имела мрачный вид.

Оглядев толпу, Белла Марковна безошибочно уставилась на меня и погрозила пальчиком.

Взоры почти ста человек, стоявших в широком коридоре, скрестились на мне.

Причина такого поступка лежала на поверхности.

-Узнала, про мои армейские достижения, и, возможно, только сейчас,- понял я.

Зато Женя с недоумением спросила.

-Саша, чего это Белла Марковна на тебя злится? Она всегда с тобой вежливо разговаривала.

Спустя минут десять нас начали запускать в аудиторию по тридцать человек и по алфавиту. Женя, естественно, попала в первый заход.

-Ни пуха! - шепнул я ей на ухо и звучно чмокнул в него же.

-К черту, - отозвалась девушка и зашла в дверь.

Она в числе первых вышла из нее спустя сорок минут с постным выражением лица.

-Четверка, - тихо сказала она и заплакала.

Я гладил ее по голове, утешал, ободрял. А сам в это время думал:

- Чего ты бедняжка так переживаешь, тебя примут в любом случае, даже если сдашь на двойку. Папа позвонит в обком, оттуда позвонят в ректорат и все проблемы будут решены. Это мне нужны личные заслуги, моих родителей никто выслушивать по этому поводу не стал бы.

Однако, благоразумно, держал эти мысли при себе. Было понятно, что Женя плачет не из-за боязни не поступить, а из-за попранного самомнения. Как же так! Она, выпускница спецшколы, получила четверку там, где рассчитывала получить только пять баллов. Отрыдав, Женя сообщила, что ждать меня не сможет, и в расстроенных чувствах ушла домой.

Я же попал в аудиторию только в четвертый заход.

Быстро приготовив письменное задание, просмотрел вопросы билета и был готов отвечать. Однако в ответ мне посоветовали не дергаться и готовиться дальше.

Короче, меня пригласили отвечать, когда в аудитории из абитуриентов остался я один.

-Ну, садись к нам поближе, - одновременно сказали обе экзаменаторши.

-Что же ты молчал? - укоризненно спросила Белла Марковна. - и вообще зачем тебе нужна была эта суета с подготовкой, я старалась изо всех сил тебя подтянуть к экзаменам, а, оказывается тебе это не очень и нужно.

-Вы не правы, Белла Марковна, вы с Натальей Владимировной очень помогли. Все же я пропустил три года. А за этот месяц снова почувствовал себя учеником.

А вы что вообще меня не будете спрашивать?

-А чего зря время терять? - вступила в разговор Наталья Владимировна, помирая от любопытства. - Мы обе в курсе твоего знания языка, и свою пятерку в экзаменационный лист ты получишь заслуженно, так, что лучше поведай нам, за что получил орден, если, конечно, это не секрет.

Заканчивался месяц июль. Я был благополучно зачислен за первый курс факультета иностранных языков. Но если для большинства поступивших впереди оставался для ничегонеделанья целый август, меня впереди ожидали очередные трудовые свершения. Злополучный Москвич уже стоял в ангаре досафовского гаража, а рядом с ним еще конь не валялся. Валяться предстояло мне.

Радовало одно, вышестоящие инстанции после долгих дебатов пришли к заключению о необходимости снижения цен в валюте на спиртные напитки в баре.

После этого решения посетителей в баре ощутимо прибавилось, а вместе с ними прибавилось работы. Но зато время шло значительно быстрей, чем прежде.

С денежными потоками тоже стало получаться. Единственное, чего мы с Эльштейном избегали, как черт ладана - это махинаций с валютой. Как я понял из его некоторых обмоловок, Иосиф загремел к нам в провинцию, именно из-за этого. Его спасла только работа на комитет. Благодаря которой ему посоветовали сменить место жительства на время и не мозолить глаза определенным людям. Что он и сделал, воспользовавшись знакомством с Незванцевым.

Теперь, когда в моем кармане завелись кое-какие денежата, я мог, особо не припахивая батю, заняться машиной вплотную.

Женя первое время после экзаменов избегала меня. Не подходила к телефону, отказывалась от встреч. Если бы мне было бы на самом деле двадцать лет, я, пожалуй, послал ее подальше. Но причина, заставившая ее

скрываться от меня, лежала на поверхности. Она стеснялась, что отцу пришлось просить за нее, а я вполне мог об этом догадаться.

Но я человек не гордый, поэтому в один прекрасный вечер нахально пришел к Гординым в гости, якобы отметить наше поступление.

Выгнать гостя у хозяев наглости не хватило, поэтому меня отправили к Жене в комнату, пока мама накрывала стол.

Видимо, в начале разговора Женька ждала от меня поддевки по поводу ее поступления по звонку, но, так и не дождавшись, пришла в хорошее расположение духа. Поэтому, когда ее мама зашла без стука в комнату, то обнаружила нас увлеченно целующимися на диване.

-Кгхм! - кашлянула она, - кажется,

кто-то хотел отпраздновать поступление, а занимается совсем другим.

Женька густо покраснела и буквально отпрыгнула от меня.

Мне же хотелось сказать, что воспитанные люди стучатся перед тем, как зайти. Но ссориться с мамой Жени не хотелось. Поэтому я ограничился укоризненным взглядом, на который та сделала такое невинное лицо, что я еле удержался от смеха.

Мы мирно пили кофе с эклерами, когда от слов Натальи Николаевны я поперхнулся.

-Что, вы серьезно говорите? Не может быть! - воскликнул я. - Вы шутите!

- Нисколько, все уже решено, - ответила та. - Положительный ответ из Министерства образования получен, так, что в сентябре жди гостей, учеников из своей бывшей школы. Комитет комсомола и пионерская организация решили оформить стенд о тебе. Не во всякой школе есть выпускник орденоносец. Тем более в твоей, которой нет даже десяти лет.

Вот только боюсь для детской и юношеской аудитории твоя работа в баре не очень хороший пример. Так, что подумай, что будешь рассказывать пионерам.

-Мама, ты, что говоришь! - воскликнула Женя. - Подумай, в городе работают тысячи людей, а таких, как Саша всего два человека. Представляешь! Мне все девочки завидуют!

-Тут она осеклась, и второй раз за вечер покраснела, искоса поглядывая на меня.

Я же сделал вид, что не понял, в чем она только что призналась.

-Интересно, если бы я сейчас зарабатывал деньги водителем в поликлинике, Женя меня так же защищала? - сам собой возник вопрос в голове. И, несмотря на весь свой накопленный опыт, точного ответа, на него я не знал. Только жизнь могла ответить на этот вопрос.

Вскоре, к разгоревшейся дискуссии присоединился пришедший Гордин, и мы вчетвером еще час мусолили тему почетности все профессий в стране.

Да, странная ситуация, - думал я. - Три коммуниста и одна комсомолка не могут прийти к согласию, хотя все согласны с лозунгом, что каждая профессия в Советском Союзе почетна. Но, как показала наша беседа, среди почетных профессий всегда находятся более почетные. И тому достаточные подтверждения, к примеру, бармену никогда не присвоят высокое звание Героя Социалистического Труда. А вот лесорубу или шахтеру без проблем.

-Послушай, Саша, - обратился ко мне Гордин. - у тебя никогда не появлялась мысль стать журналистом, к примеру?

-Хм, да вроде нет, - ответил я. - А почему вы спрашиваете?

-Понимаешь, ты для своего возраста неплохо излагаешь свои мысли, нужные акценты ставишь, владеешь словом. Притом, насколько я понимаю, нигде этому не учился. Прости, но школьная работа комсоргом такого опыта дать не может. А раз так - это талант, и его необходимо развивать.

- Увы. Борис Семенович, никакой это не талант, а просто жизненный опыт, о коем вы даже не подозреваете, - внутренне улыбаясь, думал я.

Вслух же я сказал:

- Спасибо вам за добрые слова, но пока желания стать журналистом не испытываю. Возможно, в дальнейшем, такие мысли у меня появятся, но пока у меня другие планы.

Все дружно пожелали узнать какие именно планы. Поэтому пришлось изворачиваться, и увиливать, пока собеседники не поняли, что ничего конкретного от меня не услышат.

Зато конкретное услышал я. Через два дня Женя вместе с Ирой и мамой уезжает в Геленджик, в какой-то Дом ученых, где будет приводить в порядок организм, измученный переездом и выпускными и вступительными экзаменами.

Честно говоря, я обрадовался этому событию. По крайней мере, можно было всецело посвятить себя восстановлению автомобиля.

Конечно, для вида я опечалился и начал расспрашивать о сроках возвращения в родные пенаты. Думал, что будет в конце августа. Но, как оказалось, справка об освобождении от картошки по причине слабого здоровья у Жени уже имелась, поэтому приезд в Петрозаводск, планировался не ранее конца сентября.

После беседы родители оставили нас в покое, и мы с Женей еще часа полтора болтали о всякой ерунде. На прощание она, по собственной

инициативе заявила, что на юге даже не посмотрит в сторону молодых людей, и не будет ходить на танцы.

Я, естественно, сделал вид, что искренне верю ее словам. Хотя было просто смешно. А вообще, пришел к заключению, что долгого романа у нас, скорее всего не получится, очень уж она не отвечает моим представлениям о спутнице жизни.

В прихожей мы в последний раз поцеловались, и я ушел, пообещав прийти проводить ее на вокзал.

Август месяц прошел, как в тумане. Практически целыми днями я копошился в боксе около автомобиля. Понятно, что одному там было не справиться. А помощников было не так много. Зато советчиков и зевак, хватало, выше крыши. Каждый, заходя в бокс, считал своим долгом сообщить, что он думает по тому или этому поводу. Первые дни меня это развлекало, но потом начало раздражать. Правда, после того, как сварщик, с которым я договорился, полез с кулаками на одного такого доброхота-советчика, хождения в бокс стали реже, а я привернув к воротам изнутри мощный засов, вовсе исключил их появление.

В гараже Минздрава Антипыч долго смотрел на раскуроченные мной машины, потом с чувством выругался и сказал:

-Забирай на хрен, все, что снял. С тебя два ящика водки и ящик чешского пива. Больно его Ефремович нахваливает.

Когда все заказанное было мной доставлено, плюс еще ящик пива, как бонус, Антипыч расплывшись в улыбке, сообщил:

-Ты ежели, что нужно, звони, чем могу, помогу. Люди должны помогать друг другу.

Чего не было у Антипыча, так это передних крыльев, и резины. Поэтому, пришлось вновь обратится к Ирине Алексеевне. Директор комиссионного магазина встретила меня довольной улыбкой.

-Проходи, Александр Юрьевич, присаживайся. Рассказывай с чем пожаловал?

-А чего так официально, Ирина Алексеевна?

Женщина усмехнулась.

-Земля слухом полнится. В нашем городе, Сашенька, все новости расходятся быстро. Ты теперь в определенных кругах известный человек. Да, прости, может, кофейку со мной выпьешь?

-Отчего же выпью с удовольствием. Признаться, такого кофе, как у вас я нигде не пробовал.

-Какие твои годы, Саша, есть время все увидеть и попробовать,- сообщила директор, включая электроплитку и ставя на нее массивную

турку, явно привезенную с Востока.

Выпив кофе, и обговорив цены на тряпки и обувь, купленные у финнов, я приступил к основной цели своего прихода.

-Ирина Алексеевна, тут по случаю удалось купить потрепанный Москвич, и сейчас ищу выходы на запчасти. Может, присоветуете, куда обратится.

-Никаких проблем, - улыбнулась та. - Сейчас позвоню и решим этот вопрос.

Она сняла трубку телефона, набрала по памяти номер.

-Танюша, привет, - заговорила она, когда в трубке кто-то ответил. - Как ты там в своем складе обитаешь, не скучно?

После выяснения настроения, здоровья мужа и детей, Ирина Алексеевна перешла к делу.

-Слушай Татьяна Николаевна, я к тебе пришлю мальчика одного. Хороший такой парень, работает в баре Интуриста. Ты помоги ему, чем можешь, ладно. Что? Да, да, именно там. Ну, конечно, у меня все схвачено. Ну, давай, пока, целую. Привет Глебу Михайловичу.

Она положила трубку, на листке из блокнота написала адрес и сказала:

-Езжай по этому адресу. Это ремонтно механический завод. Зайдешь в проходную скажешь вахтеру, что на тебя выписан пропуск, не забудь только паспорт взять. Спросишь у него, как попасть на склад.

Там уже найдешь заведующую Татьяну Николаевну Жихареву, вот с ней решай свои трудности. Кстати у вас в баре ликер "Старый Таллин" не появился?

-Появился, Ирина Алексеевна, - сообщил я и подал ей аккуратно завернутый бумажный сверток.

-Ой, ты просто прелесть! - раскрасневшись, воскликнула женщина. - И почему я не на двадцать лет моложе.

-Ну, что вы, говорите Ирина Алексеевна! - галантно сообщил я, - Неужели вы хотите быть пятилетней девочкой?

Та несколько секунд непонимающе смотрела на меня, потом звонко рассмеялась.

-Иди уж, комплиментщик, не придумывай невесть что!- сказала она, отсмеявшись, но глаза у нее застреляли по сторонам, как у семнадцатилетней.

Через час я уже входил на проходную. Пожилой мужчина мельком просмотрел мой паспорт и вручил бумажку, где было указано, куда я иду.

-Не выбрасывай, - буркнул он. - Сдашь мне по уходу.

Кивнув, я двинул в сторону склада. Когда зашел в огромное

помещение, на многочисленных полках которого громоздились горы запчастей, сердце убыстроило свой ход.

Молодому человеку, живущему во времена, из которых я сюда попал, не понять, то благовение и восторг при виде всего этого великолепия, вызывающего нервную дрожь и желания забрать отсюда все, что только возможно.

Взяв себя в руки, я перестал вертеть головой и направился к небольшой застекленной будке, из которой на меня подозрительно смотрели две женщины в рабочих халатах.

Зайдя к ним, я поздоровался и сообщил, что ищу Татьяну Николаевну.

Одна из женщин, невысокая, круглолицая толстушка призналась, что это она. И сразу переспросила, не от Ирины ли Алексеевны я пришел.

Когда с реверансами было закончено, я протянул женщине свой список, надеясь, что меня с ним не пошлют в дальнее эротическое путешествие.

Татьяна Николаевна, между тем, читала список и сразу делала себе пометки.

Закончив чтение, она сняла очки и уставилась на меня.

-Все перечисленное, молодой человек, имеется в наличии, - улыбнувшись, изрекла она. - Только придется немного подождать, пока я выпишу накладные. Вы, как будете оплачивать наличкой, или вам счет для оплаты выписать по безналу.

-Наличкой, конечно, - пробормотал я. - Частное лицо, как никак.

Татьяна Николаевна пожала плечами.

- Ну у нас по всякому бывает, так, что я должна была спросить. Наличкой так наличкой.

Взяв огромную амбарную книгу, она начала выписывать оттуда названия запчастей и спецификацию в накладные. Закончив с ними, она выписала ордер на оплату и сообщила.

-Сейчас идете в заводоуправление, касса на первом этаже. Если окошко закрыто, стучите громче - откроют. После оплаты вернетесь обратно.

Глянув в ордер, я обнаружил не такие уж страшные цифры, всего пятьсот двенадцать рублей. Хорошо, что я взял еще двести рублей у отца, иначе моих финансов на это не хватило.

-Послушайте, молодой человек, - обратилась ко мне Жихарева, - Вы бы не хотели купить для двигателя жигулевский карбюратор.

Я от этих слов немного растерялся.

-У вас есть запчасти с Тольятти? - спросил я удивленно.

-Ну, да, - смущенно улыбнулась Татьяна Николаевна, - машин в городе почти нет, а запчасти есть.

- Конечно, куплю, - воскликнул я, мысленно потирая руки. -Надо же , как повезло. Может, у вас есть и расширительный бачок под тосол?

-Имеется, - с оскорблением видом заявила зав складом.

Когда через полчаса я вернулся на склад, грузчик уже сложил все, что я выбрал, скромной кучкой перед воротами.

Еще через полчаса я ехал на заводском Рафике, в который были погружены все мои покупки. Как ни странно, с меня не взяли ни одной лишней копейки. Татьяна Николаевна только намекнула, что с водителем нужно расплатиться. На мой прямой вопрос, как могу лично ее отблагодарить, она смутилась и даже не знала, что сказать. Из чего я сделал вывод, что с этой дамой надо дружить, ибо она редкий человек, бескорыстно помогающий друзьям своих друзей. Что я и сделал через несколько дней, привезя ей модные венгерские туфли на входящей в моду "платформе". Наверно, при ее специфичной работе, она могла их купить и без меня, но, как говорится, дорог не подарок, дорого внимание.

В дождливый сентябрьский вечер, после работы в гаражном боксе было особенно приятно попивать легкий коктейль в полуутенном баре. Тихо играла музыка. Посетителей значительно убавилось, поэтому у нас курсировали слухи, что с октября по май, бару разрешат работать и за рубли. Эльштейн, узнав об этом, выразительно покрутил пальцем у виска, и сказал, что ничего из этого не выйдет. Сейчас он сидел на стуле у стойки и лениво двигал шахматные фигуры. Мы с ним играли третью партию, и счет был три ноль в его пользу.

Неожиданно он уставился в сторону входных дверей, его зрачки слегка расширились.

-Саня, глянь, какая женщина, - прошептал он почти не разжимая губ. Мне с рабочего места вход был не виден, но когда женщина, привлекшая внимания Эльштейна, вышла из-за колонны, я ее сразу узнал.

Лена Сафонова стала еще красивее, чем была. В роскошном панбархатном платье с декольте, модной прической и на высоких каблуках, она, казалось, спустилась к нам со страниц модного журнала. Лена шла танцующей походкой, презрительно глядя на небрежно одетых финнов, пьющих пиво с водкой и провожающих ее раздевающими взглядами

ЕЕ сопровождал высокий представительный мужчина, с породистым лицом и гладко зачесанными назад седыми волосами.

Лена прошла к стойке уселась на высокий стул рядом с Иосифом и, подняв глаза, уткнулась взглядом в мою улыбающуюся рожу.

-Привет, - сказал я, - А где твоя иглобрюхая рыба? Акулы съели?
Надо сказать, за прошедшие два года, держать удар Ленка научилась.
Ее удивленный взгляд моментально перешел в снисходительный.

-Здравствуй, Саша, рада тебя видеть, - произнесла она таким презрительным тоном, что можно было повеситься от горя. - Ты про этого слюнтя спрашиваешь? Мы с ним расстались год назад. Он оказался неудачником по жизни. Познакомься, это мой друг Эдгар. Он иностранец, биолог, приехал к нам на полгода. Через месяц я выхожу замуж, и мы уезжаем в Швецию.

-Понятно, ответил я и глянул на биолога. Тот, в отличие от Лены, был одет достаточно скромно. Локти его клетчатого пиджака были подшиты кожей. Часы штамповка, а когда я наклонился, якобы протереть стойку, то увидел его кожаные ботинки со стоптанными каблуками.

-Ну-ну, дорогая, подумал я, - посмотрим, как тебе понравится жизнь с таким скупердяем. Хотя, наверняка, ты там найдешь себе очередного мужа..

-Хэлло, Эдгар, как вам, нравится у нас в Карелии? - обратился я к нему на английском.

Швед явно обрадовался собеседнику.

-О, экселлент! Приятно встретить человека, говорящего понятным языком, - воскликнул он и протянул мне руку.

Мы обменялись рукопожатиями, и продолжили беседу. Иосиф с удовольствием прислушивался к нам. Ленка же не понимала ничего. Для нее мы говорили слишком быстро.

Я сделал им по коктейлю. А потом Эдгар, увидев шахматы, предложил мне сыграть партейку. Я сразу перевел стрелки на Эльштейна, сообщив, что тот играет на хорошем уровне.

Через пять минут они оба, забыв обо всем, двигали фигуры. Лена лениво тянула коктейль и поглядывала на меня.

-Я смотрю, ты не хочешь менять свою жизнь, - сказала она после долгой паузы.

- Отчего же, я ее меняю, сообщил я. - Учусь на инязе.

Сафонова презрительно фыркнула.

-Подумаешь, станешь учителем, будешь получать сто двадцать рублей, никакой перспективы.

А у тебя какая перспектива? -спросил я. - Будешь просто женой в Швеции?

-А разве плохо, - неожиданно улыбнулась она, - уж лучше, чем учителем биологии в школе или ассистентом на кафедре.

Лена глянула в сторону шахматистов и, понизив голос, сказала.

-А знаешь, ведь это ты виноват во всем.

В чем? - удивился я.

-Помнишь, как ты меня приучал к красивой жизни, устраивал ужин при свечах, шампанское, цветы, конфеты, а потом кровать. Даже не представляешь, как мне этого не хватало с тем недоноском.

- А теперь Эдгар обеспечит тебе красивую жизнь?

-Конечно, - убежденно ответила девушка, - он профессор, получает сколько то тысяч крон, я точно не знаю, но очень много. У него дом в Стокгольме. И такие связи! Ты представляешь, он решил все вопросы с визой и разрешениям на выезд всего за три месяца.

-А как же твоя тетя?

-А что тетя, я же не смогу взять ее с собой. Но ты не думай, я буду ей помогать,

-Понятно, - вздохнул я и слегка позавидовал бывшей любовнице. И тут в голове мелькнула идея.

-А почему бы тебе самому не жениться на финке или шведке!

Пока мы с Леной мирно беседовали, Иосиф два раза разгромил наголову шведского ученого, устроив тому чуть ли не детский мат. По этому случаю, мы решили отметить победу "простого" советского еврея над ученым загнивающей Швеции и махнули по паре рюмок "Абсолюта".

Затем парочка вместе с Эльштейном перебазировалась за столик и там Иосиф начал что-то усиленно втирать изрядно набравшемуся шведу.

Мне же пришлось заняться, внезапно появившимися гостями. И я даже не заметил, как Лена ушла в кампании двух мужчин.

-Однако, - насмешливо подумал я, - похоже, у Эдгара сегодня будет настоящая шведская семья. Рядом с Иосифом, он проигрывает по всем показателям.

Когда я приехал домой около трех ночи, на тумбочке у кровати белело письмо. Рухнув в кровать, я некоторое время раздумывал, прочитать письмо от Вовки Третьякова сейчас, или дождаться утра.

Победило любопытство, потому, что на конверте не было привычного штемпеля воинской части.

В письме Вовка своим корявым почерком писал.

"Саня, привет. Можешь меня поздравить, я дембельнулся. Наконец, это произошло. Сразу сообщаю, в Петрозаводске меня пока не жди. Я поступил на годичные подготовительные курсы в ЛИТМО, живу сейчас в общаге на профессора Попова. Как удалось, подробно расскажу при встрече.

Если можешь, приезжай на выходные дни, погулявоним!

Пиши, как дела, как наши одноклассники. Чего там Нинка Гоголева

поделывает. Замуж еще не вышла?

Короче, приезжай, буду ждать".

Большую часть письма составлял подробный адрес общаги и чертеж, как до нее добраться от станции метро Петроградская.

-Может, действительно, съездить, развеяться? - подумал я. - А то, как сам дембельнулся, даже не погулял, как полагается..

Следующим днем я провел беседу с Эльштейном. Тот во время разговора жмурился, как кот объевшийся сметаны, из чего я сделал вывод, что у Эдгара выросли первые рога, правда, еще не ветвистые. Видимо, на фоне такого настроения, он согласился поработать за меня две смены. А самое главное, отдал ключи от своей квартиры в Ленинграде и даже написал записку соседке.

-Ты, Санек, там погляди, пожалуйста, ты парень наблюдательный, никто там без меня не шарился? Я тебе напишу, где и что посмотреть, у меня там секретки поставлены.- попросил он. - Девушку, если повезет, можешь приводить. Только, особо не шумите, и старушке четвертак отдай, она все без тебя в порядок приведет, белье постирает. И не волнуйся, девкам там брать нечего, все, что стоит денег, находится в другом месте. Когда будешь уезжать, секретки снова установи.

Ключи я взял с благодарностью, но подумал, что воспользуюсь щедрым предложением, только при большой необходимости.

Короче, в субботу вечером я уже стелил кровать в купейном вагоне поезда Ленинград - Петрозаводск. Утром за окном замелькали знакомые станции. И вот я выхожу на Московском вокзале, где первым делом бегу к стоявшей на перроне продавщице пирожков. Покупаю сразу пять штук. И тут же откусываю половину одного.

-Господи! Какая вкуснятина! Неужели я снова могу это съесть! Думал я, в то время, как мои челюсти перемалывали тесто с фаршем. - Даже не верится, что пройдет всего пятьдесят лет и вместе этого чуда, будут продавать вонючую шаурму.

Подумав, что Вовка еще на занятиях, я отправился по Невскому проспекту пешком в сторону Васильевского острова. Однако дойдя до набережной Фонтанки, сменит приоритеты, решительно свернул направо и пройдя три дома, зашел в двор колодец. Квартиру я, благоразумно, открывать сам не стал, а просто нажал кнопку дверного звонка. Старушка-соседка Эльштейна оказалась женщиной лет шестидесяти.

-Конечно, для Иосифа в его двадцать восемь, та казалась старой, а по мне еще была вполне бодрой пенсионеркой. Она подозрительно разглядывала меня в щель между стеной и чуть-чуть открытой дверью на

цепочке.

Здравствуйте, Анна Ивановна, - поздоровался я и успел поставить ногу в проем, прежде чем он закрылся. - Я приехал из Петрозаводска. Привез вам подарок от Ёси и записку.

Подарок Эльштейна был большим копченым палтусом, и еще чем-то завернутым в бумагу. Унюхав соблазнительный запах, Анна Ивановна сняла цепочку и соблаговолила впустить меня в квартиру. Удивительно, но в этой коммуналке при наличии пяти комнат, проживали всего три жильца.

-Интересно, кто были родители Иосифа? - подумал я оглядывая две огромные комнаты, уставленные тяжеловесной дореволюционной мебелью. Две комнаты поменьше занимала Анна Ивановна, тоже себе, непростая пенсионерка. И последнюю комнату занимал тоже одинокий стариан, даже не вышедший поинтересоваться, кого там черт принес.

Анна Ивановна, проверила мои документы, прочитала записку Иосифа, только после этого решила напоить чаем с пирогом.

В отличие от комнат, коммунальная кухня не радowała. В большом обшарпанном помещении, стояли три газовые плиты, на одном из столов громоздилась гора грязной посуды, по которой, лениво шевеля усами ползали тараканы.

Анна Ивановна уловив мой брезгливый взгляд, сообщила:

-Это стол Ипполита Михайловича, последнее время он совсем распоясался, ничего делать не хочет. Ну, я ему еще устрою веселую жизнь.

Честно сказать, пироги мне есть расхотелось, тем более что в животе еще переваривались мясные пирожки с вокзала. Но обижать женщину было нехорошо, поэтому пришлось съесть кусок пирога с яблоками.

Поболтав с собеседницей и рассказав, как живет Иосиф, я собрался уходить. Хотелось еще пройтись по Гостиному двору и что-нибудь купить родителям.

Выслушав наставления, как надо себя вести в большом городе, я распрощался с гостеприимной хозяйкой, сказав, что ночевать, возможно, не приду.

Я методично обходил магазины по четырехугольнику Гостиного, глазея, на витрины, Пройдя Перинную и Ломоносова, повернул на Садовую улицу, где вышел из Гостиного двора на нее и направился в сторону Невского проспекта.

Несколько фарцовщиков в тени галерей что-то пытались втюхать покупателям. Один такой шустрый паренек подскочил ко мне.

-Пацан, - есть джины, как раз на тебя, стопесят копеек. - заговорщицки прошептал он.

Покажи, - предложил я.

-Ты, что не здесь! - снова шепнул тот и зашел подальше в тень.

Из серой матерчатой сумки он достал упакованные целлофан джинсы.

Я отвернулся край брючина и глянул на внутреннюю строчку и лейбл.

- Ищи дураков в другом месте на свое польское барахло, - посоветовал я и пошел дальше, оставив, обиженнего в лучших чувствах, парня убирать свой товар обратно в сумку.

Увидев впереди несколько цыганок, я снова зашел в магазин.

-Ну, их к монаху! - думал я. - Сейчас прицепятся, давай погадаю, или втюхивать начнут всякую ерунду.

Подарок маме я все же купил.

Неожиданное столпотворение впереди привлекло мое внимание. Я ринулся вперед, крича:

- Кто последний?

Буквально через минуту за мной уже образовался приличный хвост желающий приобщиться к дефициту.

Только сейчас я сообразил спросить, что дают.

Сразу несколько женщин мне ответили:

-Духи " Пани Валевская".

-Ладно, - подумал я, - духи, так духи. Конечно, их можно было купить и у себя в городе, но пусть маман порадуется, что сын подарок из Питера привез.

Глянув на часы, я обнаружил, что время уже около двух, поэтому перешел на другую сторону Невского проспекта и зашел в кафе "Север".

В прежней жизни, мне частенько доводилось обедать здесь, привлекал богатый выбор вин. Вот и сейчас я вдумчиво разглядывал меню, пытаясь понять, чего же мне хочется. Так и не разобравшись, заказал лангет в сметанном соусе, бутылочку Чхавери,, затем кофе и пирожное.

Смаковал я все это не так просто, меня ожидал вечер встречи с другом и его однокурсниками, где будет рекой литься пиво и водка, а из закуски будет квашеная капуста и пельмени. Поэтому захотелось хоть немного побывать гурманом перед этим событием.

Отобедав, я спустился в метро и вышел из него на Петроградской стороне. В подземном переходе еще не было столпотворения конца восьмидесятых, не торговали дипломами и справками. А на выходе не стоял рыжий Чубайс с корзинами цветов.

Так и не обнаружив деятельного прибалта среди бабуль, торгующих цветами, я двинулся вперед по Большому проспекту в сторону общежития ЛИТМО. Свернув на улицу Попова и сразу, как будто попал в другой мир,

здесь уже не было суеты, царившей на соседней улице. Несспешно пройдясь до общежития, я спокойно с кучей студентов прошел мимо вахтерши и отправился искать 308 комнату.

Вовка еще в ней не появился, но один паренек валялся на кровати и читал старую газету. Меня он встретил без особого энтузиазма и предложил прилечь на Вовкину койку в ожидании хозяина. Что я с удовольствием и сделал. Ноги от непривычно длительной ходьбы уже гудели.

Минут через тридцать в комнату буквально влетел Третьяков, за ним еще один студент.

-Саня! Здорово! Сколько лет, сколько зим! - Заорал он и полез обниматься.

После объятий он представил своего приятеля и сослуживца. Гену Абдулова.

-Ну, чего бума делать!- воскликнул Вовка, потирая руки. - Наверно для начала в магазин?

И мы отправились в магазин. Затарившись, вернулись в общежитие и быстро накрыли поляну.

-Слушай, у меня все продумано.- Объяснял Третьяков после второй рюмки. - Мы допиваем водочку и идем в гостиницу, есть тут одно место, там девки стриптиз танцуют. Посидим, отдохнем, на девок посмотрим, только для начала зайдем в пивбар на Большом, лады? По паре кружечек для рывка, согласен?

Допив, все что было, мы часов в шесть направились в сторону пивбара. Надо сказать, что, уезжая в Питер, я примерно представлял, как все будет выглядеть, и заранее настраивал себя на этот, как мне казалось неприятный момент. Однако сейчас, после выпитого спиртного мной овладела какая-то бесшабашная смелость, и я с удовольствием шагал вместе со своими сверстниками, болтая всякую чушь, а главное, чувствуя себя молодым и готовым на любую авантюру.

До пивбара мы не дошли. Проходя мимо кафе-стекляшки, Абдулов предложил:

-Может в "Рим" зайдем, тут хоть девочек склеим, в пивбаре одни мужики сидят.

Втроем мы прошли в зал, и Вовка сразу потянул нас за стол к двум симпатичным девчонкам.

Те ничего не имели против соседей и встретили нас радостными улыбками. Пока дожидались официанта, мои спутники весело болтали с ними и, похоже, контакт налаживался. Мне девушки не хватило, и я

оглядывал гостей заведения. Играла музыка, несколько пар танцевало. И тут мое внимание привлекла красивая женщина лет тридцати. Она сидела со спутником, наверно чуть старше себя и явноссорилась с ним. Одета она была явно не по уровню этой забегаловки, и как эта парочка очутилась здесь, мне было непонятно.

Неожиданно, ее спутник встал, кинул на стол сторублевую купюру, и направился к выходу.

Женщина что-то крикнула ему вслед, после чего достала сигарету из пачки лежащей на столе и закурила.

Не знаю, что толкнуло меня, наверно, алкоголь, игравший в крови, но я встал и пригласил женщину танцевать.

Генка с Вовкой, увлеченные охмурением девушек, даже не повернули голов в мою сторону.

-Разрешите вас пригласить на танец? - вежливо обратился я к незнакомке.

Та вопросительно глянула на меня, обвела взглядом, помедлив чуточку, негромко сказала:

-А почему бы и нет.

После чего встала и пошла вслед за мной к танцующим парам. Мы медленно кружились в танце. Женщина смотрела на меня снизу вверх темными карими глазами, от нее шел легкий аромат духов и феромонов чистого тела, а меня разрывало на части от дикого желания обладать своей спутницей. А она загадочно улыбалась и в один момент прижалась ко мне так, что я окончательно потерял рассудок.

-Поедем ко мне, - неожиданно для себя самого, предложил я. - Не будем терять времени.

-Мальчик, ты знаешь, сколько мне лет?- шепнула незнакомка.

-Разве это что-то меняет? - в ответ спросил я.

-Ничего? - согласилась та и спросила, - к тебе, это куда?

-На Набережную Фонтанки, ответил я.

-Поехали, только ко мне,- просто сказала та и, прекратив танцевать, пошла к столу.

Я быстро подошел к парням и сказал:

-Мужики, я уехал, продолжайте без меня. Завтра встретимся.

Вовка уже изрядно поддатый засмеялся.

-Саня, она же старуха. Тебя раньше на них не тянуло. Сейчас девчонки тебе подругу организуют.

-Чтоб ты понимал, - сообщил я и отправился за своей прекрасной незнакомкой, которая уже стояла у гардероба и надевала легкий плащ.

Выйдя на улицу, я начал останавливать все машины подряд. А женщина стояла рядом и только улыбалась своей загадочной, сводящей с ума улыбкой.

-Куда едем?- спросил пожилой владелец Волги, остановившийся на мой сигнал.

-На Наличную, - сказала спутница.

Водитель кивнул и нажал на газ.

Поездка длилась недолго. Вскоре машина ехала вдоль череды новостроек.

У одной из них мы остановились. Я расплатился с водителем и поспешил за спутницей, уже стоявшей у подъезда. Мы поднялись на лифте на шестой этаж, где она дрожащей рукой никак не могла попасть в скважину замка. Отобрав ключ, я открыл дверь, Захлопнул ее ногой и, подхватив женщину на руки, понес ее в комнату, где опустил на кровать и лихорадочно принял срывать с нее одежду. Она пыталась мне помочь, но мне этого не было нужно. Руки знали что делать.

Спустя полчаса мы лежали, отдыхая.

Моя спутница лежала обнаженная и курила, стряхивая пепел в пепельницу, стоящую на пол у кровати.

-Милая, прости, я даже не спросил, как тебя зовут, - повинился я.

-А тебе это обязательно знать? - чуть хрипловатым голосом спросила она.

- Но мне же надо как-то к тебе обращаться?

-Не надо, - ответила женщина, повернувшись ко мне и, поцеловав, шепнула в ухо:

-Просто люби меня.

Утром я проснулся первым, моя ночная любовница спала, разметавшись по кровати. Скомканная простыня валялась на полу. Я поднял ее и укрыл девушку. Та повернула голову, и тонкая ниточка слюны скатилась у нее по щеке.

-Пойти что ли завтраком заняться? - мелькнула мысль в голове.

Я вышел из спальни, огляделся в поисках туалета. Выйдя из него, прошел в гостиную и замер. Ее стены были заставлены полками, заполненными книгами. На журнальном столике лежали несколько газет на английском языке..

Я взял лежащую сверху. Это оказалась "Файнэншл таймс" от позавчерашнего числа.

-Интересно, куда меня занесло? -подумал я. Положил газету на место и отправился на кухню, где мурлыкал холодильник Розенлев.

Пошарив по полкам, нашел пачку молотого кофе, зачерствевший батон и банку венгерского конфитюра. Заодно выяснил, как зовут хозяйку. На одной из полок стояла фотка белокурой девушки с надписью: "Кларочке на долгую память от Ларисы"

Странную конструкцию, стоящую на кухонном столе я определил, как тостер, чему очень обрадовался.

Через двадцать минут я доставил в спальню столик на колесиках со свежими тостами с конфитюром, две чашечки ароматного кофе и на всякий случай пару бутербродов с колбасой.

Завтрак готов, - доложил я, просыпающейся хозяйке квартиры. Увидев меня, она инстинктивно подтянула простыню выше, потом рассмеялась и сказала:

-Ты мальчик умеешь угодить женщине, Но сейчас не угадал. Открой вон тот шкафчик, пожалуйста.

Открыл дверцу, я обнаружил за ней маленький зеркальный бар с парой бутылок виски.

-Выпьешь со мной? - предложила она, когда я поставил бутылку на столик.

Вместо ответа я разлил Джек Даниэлс по рюмкам.

Когда мы уже пили кофе. Клара все же поинтересовалась моим именем.

-Саша меня зовут, - сказал я улыбаясь.

-Ох, - вздохнула та.- Откуда ты только такой взялся на мою голову? Саша!

-Странная женщина, - думалось мне в это время. - Другая уже бы наладила меня из квартиры, мол, сделал дело, гуляй смело. А эта виски со мной распивает. Где она его взяла, три варианта на выбор; подарок, Березка, или сама привезла. Газеты иностранные читает.

-Из Петрозаводска - буркнул я.

-Да ты, что! - неожиданно проявила Клара интерес к моим словам. - Надо же, как неожиданно! Там мой один хороший знакомый работает.

Увидев вопрос в моих глазах, она добавила.

-Ну, ты наверняка его не знаешь. Он, от силы, месяца два у вас живет.

Я хмыкнул и сообщил:

-Петрозаводск, город небольшой, может, когда и встречал его.

-Фамилия Эльштейн тебе знакома? - скептически улыбаясь, спросила женщина. Простыня во время разговора у нее сползла, обнажив красивую грудь с розовыми сосками, явно не кормивших грудников.

Меня пробило на хи-хи. Я нервно засмеялся.

-Нет, в нашей жизни может случиться все, что угодно, - думал я. - В который раз в этом убеждаюсь. Вот и опять! Приехал в трехмиллионный город и сразу провел ночь с хорошей знакомой, а возможно, и любовницей своего напарника по работе.

-Тебе не плохо, - озабоченно поинтересовалась Клара.

-Нет, никаких, а с Иосифом я работаю в одном баре, - сказал я собеседнице.

На растерянное лицо женщины на миг набежала тень, но тут же разгладилась.

-Подумала, что наша встреча неслучайна, - пояснила она свою озабоченность. - Но сразу поняла, что это не так. Я с Олегом вчера зашла в эту забегаловку просто поговорить и больше ничего. Никто бы не смог этого предугадать. Прости.

Сказав это, она вопросительно глянула на меня. Я пожал плечами.

-Конечно, случайность без сомнения, но очень удачная.

Клара согласно кивнула, прикусила нижнюю губу и задумчиво посмотрела на меня, в глазах у нее бегали бесенята.

- это просто шутка богини Судьбы мой мальчик, не думай ни о чем, просто иди ко мне, - выдохнула она и откинула в сторону прстыню.

Во второй половине дня я стоял на автобусной остановке, на Наличной улице. Какой автобус идет на улицу профессора Попова, я уже знал и сейчас дождался его, спрятавшись от моросящего дождика под хильм навесом.

Меня все же выставили из квартиры, правда до этого я успел попасть в душ и даже отобедать с проректором по науке Ленинградского института советской торговли Кларой Николаевной Щукиной, доктором экономических наук и прочая, прочая.

Оказывается и проректора способны на неординарные поступки, она после окончательного разрыва с любимым человеком, смогла, не задумываясь, кинуться в объятия незнакомого молодого парня и отдаваться ему со всей страстью одинокой женщины, потратившей долгие годы на карьеру и забывшей о личной жизни.

После того, как мы поднялись с кровати, наступило неловкое молчание. Поэтому мое предложение накатить еще по пятьдесят грамм прошло на ура.

Мы вместе приготовили обед. Поболтали о нашем общем знакомом. Иосиф оказался ее двоюродный братом по маме. То есть, когда-то тетка Клары вышла замуж за очень симпатичного "юриста"

В этот момент я как раз вспомнил слова Иосифа, что у него в институте имеются железобетонные связи.

Когда я рассказал о своих мыслях учиться заочно, Клара сообщила, что все будет сделано без проблем.

Но все же между нами оставалась недосказанность, и я решил разрубить этот Гордиев узел, когда она провожала меня в прихожей.

Взяв ее за плечи, и глядя в глаза, я сказал:

-Клара, не волнуйся, я все прекрасно понимаю, никто и никогда от меня не услышит о нашей встрече. Все было прекрасно, ты необыкновенная женщина, если вдруг захочешь, то всегда можешь мне позвонить, сам о себе я напоминать не собираюсь. Единственное, возможно, через Иосифа передам свои документы для поступления. Прощай. - И, поцеловав ее, вышел в коридор.

Когда добрался до общаги и зашел в комнату триста восемь в ней был полный срач и царил неприятный запах. Вовка с Генкой сидели в трусах за столом, и пили пиво из трехлитровой банки.

-Привет, - сообщил я и сморщился от вони.

-Слушайте, мужики, чем тут у вас воняет? - спросил я.

Вовка громко засмеялся.

-А ты у Абдула спроси, он тебе расскажет. Гы-гы-гы!

Потом они, перебивая друг друга, рассказали, что дальше "Рима" никуда не попали, напились вдребезги и пошли домой. А на обратном пути Генка свалился через каменный бордюр в речку Карповку. У берега было мелко, поэтому он не утонул. Но пока выбирался, весь перемазался в иле.

Даже сейчас после душа и простирики одежды, от обоих студентов подготовительного курса несло, как от ассенизаторов.

От пива я отказался. Даже на глаз было видно, что оно разбавлено водой чуть ли не на половину.

Мы посидели часа два, за это время мой нос вроде бы принюхался к запаху и уже так плохо не реагировал на него.

Вовка, тем временем, рассказывал историю своего поступления в ЛИТМО. Последние полгода службы он провел в Кронштадте. Лодка стояла на ремонте, а они пили и ходили в самоволки, поэтому на хорошую характеристику рассчитывать не могли. В результате, после долгих раздумий, с помощью писаря сделали дубликаты ключей от сейфа капитана и вытащили оттуда бланки с печатями. На них сами себе написали направления на учебу и характеристики.

Наступал вечер воскресного дня, мне надо было возвращаться домой. Вовка проводил меня до поезда, на платформе Московского вокзала

мы встретили еще одну нашу одноклассницу Таню Бойцову, и до отбытия поезда обсуждали, кто и где из нашего бывшего класса сейчас трудится или учится.

На прощание мы с приятелем обнялись. Сейчас я даже не мог предположить, когда мы с ним увидимся. Моя жизнь теперь шла совершенно в ином ключе, и что будет дальше, можно было только гадать. Оставалось только надеяться, что я слишком малая "бабочка" в масштабе мира и моя самодеятельность не на много изменит эту реальность.

Утром, когда я появился дома, родители уже позавтракали и одевались в прихожей, Но подарок маме я успел вручить. Она чмокнула меня в щеку и унеслась на работу. Батя нейтрально поинтересовался, как я провел время, и тоже ушел.

Я разделся, прошел на кухню и налив огромную кружку индийского чая, ловил кайф от приезда домой.

-Может послать все дела на хрен, и завалиться спать, - пришла малодушная мысль.

-Нет, ржавчина Москвича стучит в моем сердце! - мысленно переделал я клич Тиля Уленшпигеля. - Надо доделывать машину. Буду ездить на работу и учебу. Сколько времени сэкономлю! Батя все равно без прав. Так что хрен ему, а не машина. Да и дачи у нас пока нет.

Тут мои беспорядочные мысли закрутились именно вокруг дачи. Идея ее приобретения не выходила у меня из головы, пока переодевался, чтобы отправиться в гараж. Я уже закрывал дверь за собой, когда зазвонил телефон.

-Может, не брать трубку? - мелькнула мысль. Но подумав, отбросив ее в сторону подошел к телефону и поднес ее к уху.

-Добрый день, могу я услышать Александра Юрьевича? - прозвучал в трубке незнакомый мужской голос.

-Это я, здравствуйте.

- Александр Юрьевич, Меня зовут Максим Игоревич. Я парторг партийной организации треста ресторанов и кафе. Хочу поинтересоваться, почему вы до сих пор не встали у нас на партийный учет, как должны были сделать еще месяц назад? Если бы товарищ Незванцев не сообщил мне о том, что вы коммунист, я так бы и остался в неведении об этом факте. К вашему сведению у нас имеется такое понятие, как партийная дисциплина, которой должен следовать каждый коммунист.

- Э.. Максим Игоревич, видите ли, дело в том, что я поступил на факультет иностранных языков в педагогический институт, и планировал встать на учет именно там.

В трубке наступило озадаченное молчание. Через минуту парторг разродился.

-Александр Юрьевич, скажите, на настоящий момент вы уже встали в парторганизации пединститута на учет, или нет?

-Ну, пока не успел. Я хотел сделать это ближе к учебе.

-Понятно, тогда сообщаю вам, что сегодня в четырнадцать часов у нас проводится партийное собрание и вам надо явиться на него непременно. После него мы с вами поговорим и обсудим, в какой парторганизации вам работать.

-Вот, так, дорогой товарищ, - сказал я сам себе, когда в трубке зазвучали короткие гудки. - Коммунист - это не только три килограмма диетического мяса, но и ценная шкурка. Что же делать, придется идти. Скорее всего, Максим Игоревич меня додавит, встать на учет у него, не думаю, что в тресте много коммунистов, ему каждый дорого стоит. Хм, может, это и к лучшему. По крайней мере, в институте никто ко мне будет лезть с партийными поручениями.

Глянув на часы, обнаружил, что время уже около десяти утра. Выругавшись от огорчения, я скинул с себя рабочую одежду, уселся перед телевизором, с намерением не подниматься до того момента, когда придет время, идти на партсобрание.

Около часа дня я перекусил и отправился в трест. Там, собственно, ничего не изменилось. Когда я, постучавшись, зашел в партком, в нем во главе стола сидел кряжистый усатый мужичок и разговаривал со Шмуленсоном.

Увидев меня, они оба замолчали и принялись внимательно разглядывать.

-Ну, как тебе, Игоревич, наша будущая смена, впечатляет? - усмехнулся Лев Абрамович.

Парторг, кивнув в знак согласия, встал, обойдя стол, вышел навстречу и, протянув руку, сказал:

- Ну, здравствуй, парень. Не успел из отпуска придти, а мне тут о тебе целые легенды рассказывают.

Он крепко пожал мою руку и предложил присесть.

Мы не успели перекинуться парой слов, как в кабинет начали заходить люди.

Некоторых из них я знал. Наталья Петровна приветливо поздоровалась со мной, Незванцев дружески потрепал по плечу. Оба водителя-экспедитора были мне также знакомы. Как ни странно, гардеробщица из шашлычной оказалась коммунисткой и сейчас гордо

восседала рядом с Львом Абрамовичем.

-Ну, что все в сборе? - задал формальный вопрос парторг. - тогда начинаем собрание. Предлагаю выбрать секретарем, как обычно, Струнину Людмилу Николаевну, зам главного бухгалтера треста. Кто за? Прошу голосовать.

Все руки, включая мою, тут же взлетели вверх.

-Прекрасно, против, как я понимаю, нет? Сейчас по регламенту и повестке дня. Для своего доклада я прошу тридцать минут. Прения по пять. Кто за? Прошу голосовать.

Руки опять дружно взлетели в воздух.

Максим Игоревич нацепил очки и уткнулся в свои записи.

-Уважаемые товарищи, сегодняшний мой доклад посвящен работе нашей партийной организации в свете прошедшего, исторического двадцать четвертого съезда КПСС, где товарищ Генеральный Секретарь нашей партии Леонид Ильич Брежнев выступил с основным докладом. Он отметил, что за последние пять лет в нашей стране построено более 1900 заводов и фабрик, промышленное производство возросло на 50%, производительность труда на 37%. В прошлом 1970 году собрано 186 миллионов тонн зерна. За пятилетку построено 11 миллионов 394 тысячи квартир, что равнозначно постройке заново пятидесяти городов с миллионным населением каждый. Доходы населения возросли на 40%

В докладе Леонида Ильича красной нитью проходит мысль о повышении благосостояния советских граждан, устройстве их быта. И мы, как работники общественного питания не может оставаться в стороне, от этого процесса.

Сегодня мы рассмотрим вопрос выполнения социалистических обязательств сотрудниками нашего треста и роли коммунистов в этом вопросе.

Максим Игоревич вздохнул. Налил в стакан воды из графина, залпом выпил ее. Затем повернулся к Льву Абрамовичу, сидевшему рядом и сказал:

- Начну критику с нашего директора. И не переживайте, никто не останется, обделен моими замечаниями.

Парторг оказался молодцом. Чувствовалось, что у него за плечами, не одно такое мероприятие. Его доклад занял всего минут двадцать, после чего начались выступления с критикой, самокритикой и прочим. Мне тоже досталось на орехи. Уволился я в запас в мае, а сейчас шел сентябрь. А о постановке на партучет не вспомнил до сегодняшнего дня, моя робкая отмазка об институте не сработала. Однако, учитывая, что первую заработную плату я получил только в августе, меня сильно не песочили. А

после того, как все разошлись, Максим Игоревич Шевцов побеседовал со мной обстоятельней.

Я разговаривал с ним, и очередной раз поражался тому бессознательному цинизму, с которым мы рассуждали о строительстве коммунизма, при этом, нисколько не веря в его возможность.

- Хрен его знает, - мелькнула мысль. - Возможно, Шевцов из таких редких, искренне верящих идеалистов. Хотя работник торговли и идеалист - понятие несовместимое.

Заполнив учетную карточку, парторг отпустил меня, сообщив напоследок, что подумает о моем партийном поручении, и у него даже есть кое-какие наметки по этому вопросу. Он же сообщил ожидаемую новость, что с первого октября наш бар до весны теряет статус валютного в связи с отсутствием клиентуры.

-Мда, Эльштейн, будет разочарован, - подумалось мне. - Хотя, он то наверняка уже в курсе.

Попрощавшись с парторгом, я отправился на работу. Хотелось побыстрей обсудить последние новости с напарником.

По дороге я думал, правильно ли поступил, не поехав с однокурсниками на картошку, отбодаться от которой оказалось проще простого. Сразу после общего собрания курса, я отправился в поликлинику, где за коробку конфет и бутылку вина участковая врач выписала справку об освобождении на месяц по причине радикулита. Зачем пускать в ход тяжелую артиллерию в виде куратора, когда можно сделать все гораздо проще. Принцип Оккама еще никто не отменял.

Подумав, в очередной раз решил, что правильно сделал. Есть гораздо более привлекательные занятия, чем уборка корнеплодов.

В баре посетителей практически не было. Эльштейн за стойкой играл с каким-то волосатиком в шахматы.

Увидев меня, он сгреб шахматы и с видимым облегчением сообщил партнеру, что продолжать игру не может. Тот особо не настаивал, забрал свой коктейль и удалился в зал.

-Ну, как получил втык? - спросил он, ехидно улыбаясь. - Слышал бы, как вчера Шевцов разорялся, грозил поставить вопрос о твоем пребывании в рядах партии.

-Ты, что, серьезно говоришь?

-А то! Они позавчера вечером втроем зашли, Незванцев, Шевцов и Шмуленсон. По графику ведь ты должен был работать. Я как сказал, что мы поменялись, Шевцов и разорался.

-Ну, и?

Что, ну, и? Все нормально, Незванцев тебя прикрыл, да и Шмуленсон тоже, так что радуйся, что у начальства в авторитете. Да, ты в курсе, что через неделю мы работаем за рубли?

-В курсе, конечно. Ты то останешься работать?

Эльштейн задумался.

-Наверно, останусь. Мне у вас нравится. Городок небольшой, чистый, на улицах даже днем тихо. С квартирой повезло. А в Питер мне еще рано возвращаться. Посетителей сейчас заметно прибавится, сам понимаешь. Так, что зиму перекантуюсь, там посмотрим.

-Понятно, - протянул я. - Слушай Иосиф, я пока по Ленинграду слонялся, пришел к выводу, что надо поступать на заочное отделение в институт советской торговли. Чего время зря терять? А сессиями я что-нибудь придумаю. Помню, ты говорил, что у тебя там кто-то есть, может мне стоит документы с тобой отправить? Ну, чтобы надежней было.

-Без проблем, - сообщил мой напарник. - Я тебя отпускал на выходные, на следующие, будь любезен, отработай за меня. И документы к пятнице все приготовь, все сделаю.

-Еще одна проблема решена, - подумал я.

Мы еще немного поговорили, после чего Иосиф начал переодеваться.

-Пойду домой, хоть выспись по-настоящему, сообщил он и заговорщики подмигнули мне на прощание.

-Бедный Эдгар, - фальшиво посочувствовал я шведу. - Сегодня твои рога начнут ветвиться.

Быстро переодевшись в бытовке, я встал за стойку и тут, у меня появилось ощущение, что я никуда не ездил, а недавние ленинградские приключения были просто сном.

Следующим утром, я отправился в гараж, заниматься автомашиной.

Собственно, машиной это пока было назвать трудно. Посреди небольшого ангара на чурках стоял кузов Москвича. Он не был еще покрашен, но сварочные работы полностью завершены, швы зачищены и загрунтованы.

Перебранный двигатель также стоял на подставке, по идее, его бы надо было опробовать на стенде, но за неимением такового в гараже, он пока стоял без движения.

Как только я появился у ворот ангарса, к нему начали подходить некоторые товарищи, желающие заработать на опохмел.

Пришло, однако, послать их всех подальше. Борис Ефремович мне уже один раз высказал свое "Фэ" по поводу не вовремя налитого стакана

водилам, и снова нарываться не хотелось.

Стоило подумать о механике, как он нарисовался на горизонте. С озабоченной физиономией он зашел в ангар и поздоровавшись сообщил.

Слушай, Сашок, как тут у тебя дела обстоят? Долго еще думаешь возиться?

Я с ответом не задержался.

Борис Ефремович, видишь же сам, что было и что сейчас. Главное с окраской кузова разобраться. А потом начнем все в кучу собирать. У меня с пятого октября занятия начинаются, так, что до пятого, кровь из носа, а большую часть работ надо сделать. По выходным много не наработаешь.

-Это хорошо, - сообщил механик, - в конце октября мы получаем новую технику, кое-что поставим сюда. Так, что постараитесь закончить все дела. Я тебя не выгоню, конечно, если не успеешь, но дело в том, что тут будет "проходной двор", у тебя половину запчастей вынесут, не успеешь глазом моргнуть.

Пока мы разговаривали, я успел переодеться и принялся за работу.

Мой напарник, наш сосед по дому и батин приятель по рыбалке, Валентиныч еще не появился. Но я надеялся на его появление, до очередного запоя у него еще оставалось месяца два.

Пятого октября я подкатил на выкрашенном в небесно - голубой цвет Москвиче к зданию пединститута и припарковался у бордюра.

Больше ни одной автомашины здесь не присутствовало. Когда выбирался из машины, меня уже разглядывали десятки любопытных глаз. Девушки- первокурсницы, собравшиеся у входа, оживленно болтали. За месяц, проведенный в деревне, они все перезнакомились и сейчас, видимо вспоминали минувшие дни. Мой приезд ненадолго отвлек их от этого увлекательного занятия, но минут через пять они снова вернулись к нему.

Неожиданно из этой толпы выбралась Женяка и с разбегу кинулась мне на шею.

-Сашуля! Привет! Ой, как здорово, тебя снова увидеть! Я так по тебе соскучилась! А на чем ты приехал? Неужели это твоя машина?

-Привет, Женя, я тоже рад тебя видеть. Машина не моя лично, а отца, но он дал мне доверенность на вождение. Ты давно приехала?

-Да ты что! Мы только ночью на мурманском поезде прикатили. Сейчас спать хочу ужасно!

К нашему диалогу начали прислушиваться девицы, стоявшие рядом. Женя в ответ еще сильней прижалась ко мне и взяла под руку.

- Мы с тобой покатаемся после занятий, - спросила она чуть громче, чем нужно.

- Ну, конечно, прокатимся, я тебе город покажу по настоящему, - ответил я и предложил:

- Пойдем внутрь, чего мерзнуть зря.

Мы прошли в вестибюль и как раз в это время кто-то из преподавателей предложил первокурсникам пройти в большую аудиторию.

Женя так и не отлипала от меня. В принципе, ее можно было понять, не зная здесь никого, кроме меня, она инстинктивно старалась держаться рядом. Пройдет пара дней, найдутся подруги, и мне уже не будет уделено столько внимания.

В аудитории, мы уселись рядом, снова притягивая к себе внимание однокурсниц.

- Ну, вот, весь курс уже знает, что у тебя есть автомобиль, - подумал я. - К вечеру об этом будут знать и все преподаватели. Неплохо начинаем учебу.

На трибуну, тем временем вышел декан факультета и начал поздравлять присутствующих студентов с началом учебы. Говорил он не очень долго, но монотонно, поэтому Женька скоро засопела мне в плечо.

-Хм, действительно, не сочиняла, - констатировал я, правдивость ее слов о ночном поезде.

Тем временем, речь декана закончилась и на его месте появилась секретарь. Она выложила списки и приступила к перечислении кто, в какой группе будет учиться.

Не менее монотонно, чем декан она назвала номера групп фамилии, я попал в сто четвертую группу, а Женя в сто шестую, чему я очень обрадовался. Не успел я обрадоваться, что не назначен старостой группы, как секретарь произнесла:

Товарищи студенты, старостой вашего курса назначается Сапаров Александр Юрьевич. Александр Юрьевич, поступил в наше учебное заведение после службы в армии, где за боевые заслуги был награжден орденом Красной Звезды. Александр Юрьевич в этом году вступил в ряды Коммунистической Партии Советского Союза. Руководство ВУЗа и наш деканат очень рады, что такой человек учится на нашем факультете. Мы надеемся, что наше сотрудничество будет успешным и полезным для вашего курса все пять лет учебы.

Александр Юрьевич! - обратилась она ко мне. - Представьтесь, пожалуйста, однокурсникам.

Я встал и неловко поклонился.

Проснувшаяся Женька, восторженно смотревшая на меня, захлопала в ладости. А через пару секунд к ней присоединилась вся аудитория.

- Как ни странно, я покраснел от смущения, даже не ожидал от себя такого.

- Ну, и чего ты страдаешь, говорил я сам себе. - Ты же этого хотел, и знал, что так примерно все и будет. Так, что перестань краснеть и принимай, как должное все, что сегодня было сказано.

Когда все успокоились, секретарь сообщила, что группы могут разойтись по кабинетам, согласно расписания, а старосту курса приглашают пройти в деканат.

Девушки начали расходиться, поглядывая в мою сторону, Сообщив проснувшейся Жене, куда ей надо идти, я отправился в деканат. Гордина, протирая глаза, шла рядом.

- Саш, может, попросишь, чтобы меня перевели в твою группу, а? - неожиданно заныла она.

- Хорошо, попробую, - ответил я, зная точно, что не буду этого делать.

Когда зашел в деканат, секретарь уже восседала в приемной за столом.

Увидев меня, она сделала радостное лицо и сообщила:

- Добрый день, молодой человек, декан вас уже ждет.

- Хм, когда и успел, ждать? - подумал я. - Мы вроде сразу за ним вышли.

Тем временем, секретарша нажала кнопку селектора и сообщила в него;

- Георгий Павлович, к вам подошел Сапаров.

- Голос из селектора что-то буркнул, и секретарь кивнула мне на массивную дверь.

Когда я зашел, декан встал из-за стола и, подойдя, крепко пожал руку.

- Ну, что же, будем знакомы, Александр Юрьевич, давно хотел вас увидеть, еще с момента сдачи документов. Не так много ребят хотят у нас учиться, а уж такого, как вы, признаться, вижу в первый раз. Надеюсь, вы не в обиде, что я взял на себя смелость рекомендовать вас на должность старосты.

Я улыбнулся.

- Признаться честно, думал, что старостой группы стану точно, но на курс не рассчитывал.

- Ну, вы, Александр, как коммунист должны меня понять. Кому, как не вам с вашим авторитетом, командовать студентами.

- Это понятно, Георгий Павлович, но есть одна деталь, все же большинство на курсе студентки, студентов и десятка не наберется, С

женщинами работать сложно.

Декан ехидно улыбнулся.

-Вы кому это говорите? Декану и заведующему кафедрой, где нет вообще ни одного мужчины. Не переживайте, деканат всегда вам поможет и поддержит. На следующей неделе вам необходимо провести собрание, выбрать комсорга курса и профорга. Мы вам дадим список кандидатов, Вы на старостате их обсудите, а затем выберете на собрании, тех, кого захотите.

Сейчас к нам подойдет Наталья Владимировна Покровская, она, будет куратором вашего курса, возможно, вы не нуждаетесь в такой опеке, но таковы правила, не мы их устанавливаем. С ней будете решать рядовые вопросы, не требующие моего вмешательства.

-Никаких проблем, - сообщил я в ответ. - Наталью Владимировну я уже знаю, думаю, у нас ней будет полное взаимопонимание.

-И последний вопрос, - поморщился декан. Вами интересовался наш парторг. Сегодня он отсутствует, но завтра, будьте добры, зайдите к нему часиков в двенадцать. Как раз перерыв между лекциями будет.

Дверь открылась и в кабинет декана ворвалась Наталья Владимировна, поздоровалась с нами и обратилась ко мне на английском языке.

-Саша, поздравляю с должностью, надеюсь, мы с тобой сработаемся.

- Спасибо Наталья Владимировна, кстати, вы сегодня отлично выглядите. -ответил я языком Шекспира и Байрона. Мы перекинулись еще несколькими фразами. Все это время Георгий Николаевич ошеломленно смотрел на нас.

-Наталья Владимировна, - обратился он преподавателю,- так Сапаров на самом деле сдал язык на пятерку?

Сказав это, он осекся, кинул смущенный взгляд на меня и замолк.

Преподавательница в ответ хмыкнула и ничего не ответила. Зато мне все стало ясно. На сдаче экзаменов мне был выделен путь на зеленый сигнал светофора. А декан нисколько не сомневался, что я дуб дубом, а если не дуб, то все равно уже ничего из школьной программы.

Для первого учебного дня занятия закончились довольно быстро. На последней паре по фонетике преподаватель осталась недовольна моим произношением, и сообщила, что работать над ним придется долго и упорно. Хотя к девчонкам она отнеслась гораздо строже. И поиздевалась над ними всласть. Зато два моих одногруппника Миша Резников и Саша Глухов удостоились похвалы. Еще бы, оба выпускники спецшколы, один сын декана филологического факультета, второй сын председателя

мурманского горисполкома. О происхождении девушек я еще подробно не узнавал, но чуял, что единственным плебеем в этой группе предстоит быть мне. Выбросив проблемы из головы, я быстро оделся и вышел на улицу, где обнаружил, что у машины меня поджидает Женя.

- Придется выполнять обещание, - подумал я, уселся на водительское сиденье и, открыв пассажирскую дверь изнутри, предложил спутнице забраться внутрь.

Долго ждать этого не пришлось. Женя вмиг села рядом, закинула портфель на заднее сиденье и поправила высоко задравшуюся юбку, чтобы не было видно застежки резинок на чулках, при этом кинув якобы смущенный взгляд на меня.

Снисходительно улыбнувшись, я тронулся с места. На машине город оказался совсем не большим, хотя вдоль берега озера он протянулся на шестнадцать километров. Мы катались около часа, затем я отговорился тем, что мне надо на работу и отвез девушку домой.

В нашем баре после того, как мы стали работать за рубли, посетителей резко прибавилось, поэтому приходилось вкалывать, ну по, крайней мере, Эльштейну в шахматы после четырех часов играть было некогда.

Когда я появился его сменить, он явно обрадовался.

-Слушай, не знаю, что сегодня за день сумасшедший, за последние два часа ни разу не присел. Один за другим посетители идут, - сообщил он мне.

Но я и так все видел. Очередь на улице перед дверями, говорила сама за себя.

Иосиф вернулся из Петербурга два дня назад, и при встрече сразу передал мне приказ о моем зачислении на заочное отделение института и целый пакет бумаг.

-Не знаю, что с Кларой случилось, - признался он мне немногим позже. - твои документы взяла без звука, и на следующий день уже приказ о зачислении принесла, список литературы, и методички.

-А Клара, это кто, - поинтересовался я, мысленно улыбаясь.

-Да сестрица моя двоюродная, старше меня на пять лет, поэтому учит жизни всю дорогу, - улыбнулся Иосиф. - Ты бы слышал, как она вопила, когда я после института в бар устроился на работу, твоя мама по сравнению с ней, ангел.

-Могу представить, - сочувственно отозвался я. Меня эта проблема сейчас не волновала. Как только маман узнала, что я студент иняза, ее отношение ко мне изменилось вмиг. Более доброй и ласковой мамочки у

меня никогда не было.

-Интересно, что она еще скажет, когда узнает, что я заочно учусь на экономиста, - думал я, в то время, как Эльштейн рассказывал о своей поездке. Вообще, у меня создалось впечатление, что Иосиф катался в Питер не просто так.

-Наверняка, собирается в следующем году уехать в Израиль, - подумал я.

Мой напарник со мной о таком никогда не говорил, понимая, что это чревато, но по вырывающимся иногда словам, можно было понять, что ему хочется уехать из Советского Союза.

Судя по скорости, с которой Эльштейн собрался, он действительно вымотался сегодня. Однако минуты три спустя он вернулся в бар.

-Слушай, Сашок, это не твой Москвич появился у на стоянке. Раньше его тут не замечал .

-Угадал, моя машина.

Эльштейн посмотрел на меня пристальным взглядом.

-Знаешь Сапаров, с тобой не соскучишься, - сообщил он, улыбаясь. - Когда ты рассказывал о своей машине, я такую рухлядь представлял. А тут вполне приличная техника. Неужели сам восстановил?

-Нет, хрен с горы! - обиделся я. - Ведь тебе же не раз говорил, что восстанавливаю машину.

-Говорить может любой, - задумчиво изрек Иосиф, - а машину починить далеко не все. Слушай, если я авто из Питера пригоню, ты сможешь его посмотреть?

-Посмотреть я посмотрю, только вот ремонтировать мне ее некогда. Особенно сейчас. Учеба, работа, а теперь еще и четыре сессии год вместо двух, как у нормальных людей.

-Понятно, - констатировал Эльштейн, - Ладно, некогда, так некогда. Счастливо оставаться чувак, а я ушел

Пока мы с ним беседовали, у стойки появилось несколько человек, жаждущих спиртного. Поэтому мне пришлось переключаться в рабочий режим и заняться привычным делом.

Сегодня вообще что-то шло не так. К вечеру у меня в баре уже два раза начинались пьяные разборки. Наш старый швейцар, которого держали только из-за импозантной бороды, пугливо жался в сторону и близко не подходил к ссорящимся мужикам.

В конце концов, мне это надоело и я позвонил в шашлычку, надеясь, что кто-нибудь из старых знакомых поднимет трубку.

Знакомым оказался Гена Виноградов, он радостно поздоровался и

сообщил, что сегодня не работает, а просто зависает в зале с друзьями-боксерами.

Когда он в ответ на мое приглашение заорал в трубку, что они сейчас придут и наведут порядок, я подумал, что лекарство может оказаться хуже, чем болезнь, но было уже поздно, в трубе пиликали короткие гудки.

Через двадцать минут в бар завалила компания из пяти человек, в которой Гена был далеко не самым здоровым.

С их приходом в баре, наконец, стало спокойней. Две бузяющие группы сидели тихо-тихо, как мышки и только звенели рюмками.

Мы с Генкой болтали о всякой всячине, Я сообщил, что езжу теперь на машине. В ответ, он с улыбкой превосходства рассказал, что купил в таксопарке по блату списанную Волгу, там же ее отремонтировал, и он теперь тоже не безлошадный. Потом он все же закинул удочку насчет перехода к нам, но делал это как-то не настойчиво. Видимо понимал, что от меня в этом деле мало что зависит.

Я слушал его в полууха, потому, что все время подходили клиенты. Но вдруг меня что-то зацепило.

-Ген, погоди, что ты сейчас сказал насчет Косалмы, родители там дом собирались продавать?

Виноградов посмотрел на меня с удивлением.

-Тебе, что, дом нужен?

-А, почему бы и нет? - сказал я.

-А ты в курсе, чтобы купить дом в деревне, надо прописку сменить на деревенскую.

-В курсе, ты лучше расскажи, что там за хозяйство у вас.

Гена почесал кончик носа.

-Ну, дом, как дом, ему лет двести. На скале построен. Бабушка там у меня жила. Бате в башку втемяшилось продать. Мне, говорит, он на фиг не нужен. Мамаше тоже.

-Так, давай в субботу после обеда съездим туда, посмотрим, если понравится, будем с родителями думать.

Дома мое предложение не вызвало энтузиазма.

-Саша, ну что ты такое говоришь, как это ты снимешься с прописки, ты же потеряешь право на городское жилье! - возмутилась мама. - А вдруг с нами что-нибудь произойдет? Ты останешься без квартиры! И вообще, зачем тебе это нужно, мне и дома хорошо, а там вода, дрова, неужели ты будешь картошку сажать?

Батя был не так однозначен.

-Хм, я ведь тогда, смогу лодку на озере держать, мотор лодочный

куплю, на рыбалки ездить, Слушай, Сашка, я послезавтра с вами поеду, своими глазами посмотрю, ты все равно ничего в этом деле не толкуешь.

-Ну, уж нет, я вас одних никуда не отпущу, - категорически заявила маман.- От вас толку, как от козла молока, все равно ничего не поймете. Так, что еду в субботу с вами. Одеться только надо будет теплее, на выходные заморозки обещают.

С утра в субботу заморозок действительно прошел. Но к обеду, когда я вернулся с учебы, октябрьское солнце ярко освещало грустный осенний пейзаж.

Мама долго устраивалась на заднем сиденье, а батя поспешил сесть вперед.

-Видишь! - гордо сообщил он маме. - На машине ездим, а ты ворчала, зачем купил?

-Ой, да помолчал бы лучше, покупальщик, - сказала та. - Если бы не сын, твою рухлядь пионеры давно бы в металлом уволокли.

Мы выехали за город и направились в сторону Генкиной деревни.

Дом в ней искать не пришлось, Волга, стоявшая у забора, послужила отличным маяком.

Деревня, расположенная на каменистой гряде между двумя островами, в недалеком будущем станет элитным местом, это я отлично помнил. Лет через десять обычному человеку дома здесь будет не купить. А строительство запретят категорически. Дом Генкиных предков, располагался недалеко от протоки между озерами. Это протока почти триста лет назад была расширена по приказу инженера де Генина, чтобы карельскую медь сплавлять на завод в Петрозаводске.

Построенный на скале из специально подсушенных на корню деревьев, притом на первые венцы шли комлевые бревна, такой дом стоял сотни лет, особенно если тес на крыше менялся регулярно.

Сейчас черный от времени, он не производил особого впечатления. И моя мама, не понимавшая в этом ни фига, ходила с разочарованной физиономией. Зато отец уже сбежал на берег и теперь оживленно потирал руки, глядя на мостки с которых кто-то пытался ловить рыбу.

Гена познакомил нас со своими родителями и вскоре мы бродили по участку, разглядывая, что здесь имеется.

На привозной земле, чуть прикрывавшей гранитные лбы, росло несколько кустов крыжовника, и имелся небольшой огородик. Поэтому смотрины не затянулись. Больше времени мы потратили на осмотр дома и к его окончанию, я уже хотел его купить.

Моего напора родители не выдержали и согласились со мной, и я сразу

договорился с Генкиным отцом, что на следующей неделе пойду с ним в паспортный стол, для того чтобы прописаться пока еще в их доме.

Надувшись чаю с калитками, мы отправились домой. По дороге я размышлял о причудливости советских законов. Городскому жителю нельзя было купить дом в деревне, хотя в дачном кооперативе в паре километров от нее купить дачу можно было без проблем, не думая ни о каких прописках. Только из-за этого цена вопроса была достаточно скромна, всего тысяча двести рублей. Однако для родителей это были серьезные деньги, тем более, что весной батя нанес изрядный урон кошельку, купив, списанный Москвич.

У меня тоже особых денег не было, все были потрачены на ремонт. Но у кого можно было попытаться их занять мне было известно..

Проезжая маленькую деревушку, Шуйскую Чупу, я подумал, чтобы сказали родители, если бы я сейчас заявил, что через двадцать лет здесь появится резиденция российского президента, и пьяный Боря Ельцин будет ловить рыбу в Укшозере, а аквалангисты будут насаживать ему на крючок крупных окуней.

-Наверняка подумают, что их сын умом тронулся, - была последняя мысль по этому поводу.

Вечером я отправился в бар, хотя сегодня была не моя смена. Эльштейн, как обычно, kleил себе новую девчонку на ночь, тем более, что при его внешности это было плевым делом.

При одном взгляде на девушку было понятно, что она уже готова идти за Иосифом куда угодно.

Было неудобно нарушать такую идиллию, но пришлось это сделать.

- Ёся, - обратился я напарнику. - У меня проблема, может, выручишь деньгами, верну через пару месяцев.

Вместо ответа, Эльштейн поманил меня в крохотную комнатушку за витриной с напитками и там спросил.

-Сколько надо?

-Полторы, - сказал я, решив на всякий случай увеличить сумму.

Иосиф, не выражив никакого удивления, достал портмоне и отсчитал из пачки пятнадцать сотенных бумажек.

-Держи, отдашь, когда сможешь, - сообщил он, не ограничивая меня временными рамками.

После решения денежных проблем уходить сразу было неудобно, поэтому мы немного поболтали о всяких пустяках, и только потом я ушел.

Надо было готовиться к завтрашим занятиям. Историю КПСС и языкознание никто не отменял.

Двумя неделями позже в квартире Гординах шел примечательный разговор.

Женя, только что поругавшаяся с мамой из-за того, что та не разрешила на выходной уехать с другом на дачу, ушла к себе и гремела клавишами рояля, играя попурри из музыки Битлз.

Родители, оставшиеся за столом некоторое время молча глядели один на другую.

-Ну, и почему ты ей запретила поездку? - наконец спросил Борис Семенович у жены.

-Боря, не прикидывайся глупее, чем ты есть, - сообщила та. - Ты прекрасно понимаешь это причины. Как думаешь, чем они займутся, оставшись вдвоем?

Гордин усмехнулся.

-Я смотрю, ты совсем не доверяешь дочери. Неужели все так плохо?

-Не утрируй!- воскликнула Наталья Николаевна. - В отличие от тебя, я реально смотрю на сложившуюся ситуацию. Женя серьезно увлеклась этим парнем, и ему ничего не стоит уложить ее в постель.

-Ну, и что? - спросил муж

Наталья Николаевна, приоткрыв рот от удивления, поглядела на него

-И это говорит отец, - констатировала она обвинительно. - Как у тебя язык повернулся такое говорить?

-Я тоже умею реально смотреть на ситуацию, - уже немного раздраженно ответил Борис Семенович. - Или ты думаешь, что наша девочка таковой и останется на всю жизнь? Прости, я сильно в этом сомневаюсь. Себя то вспомни.

Наталья Николаевна слегка порозовела.

-Ты на что намекаешь?

-Да, ни на что, все ты понимаешь. Так, что я бы на твоем месте разрешил бы эту поездку. Не, знаю, может у тебя на уме есть еще кандидатуры в зятья, но лучше Сапарова вряд ли найдешь. Мало того, что парень умница, каких поискать, он еще рукастый парень и умеет устраиваться в жизни. Много ты еще знаешь молодых парней в двадцать лет разъезжающих на машине, имеющих дачу в заповедном месте, и денег, чтобы это все купить.

Я когда услышал о даче, поинтересовался в Совмине, так там все чуть с ума не сошли, как это они не знали о такой возможности.

Кстати, ты еще не в курсе, мы вчера с ним разговаривали, так он, между делом сообщил, что заочно учится в Ленинграде в институте советской торговли.

-Дзынь, - зазвенела чайная ложка, уроненная Натальей Николаевной на блюдце.

- Да, когда же он все это успевает? - воскликнула женщина.

- Как-то успевает и с нашей дочерью встречаться, - с усмешкой добавил Гордин. - Так, что не дергайся и разреши дочери поездку. Можно подумать они без этой дачи не найдут, где переспать, если им так захочется.

Наталья Николаевна зашла в комнату Жени.

Та сидела за роялем, играя очередную мелодию. Ее лицо было спокойно, по щеке текла одинокая слезинка и только крепко сжатые губы выдавали ее злость.

-Женя, я тут подумала и решила, что ты можешь завтра поехать с Сашей на дачу.

Рояль был тут же забыт. Девушка вскочила со стула и обняла мать.

-Мамочка, спасибо! Я знала, что меня поймешь.

Наталья Николаевна посмотрела в глаза дочери.

-Ты уверена, что поступаешь правильно?

-Конечно, мама, я все сделаю, чтобы Саша стал моим мужем. Если бы знала, что у нас на курсе делается, там половина девчонок по нему с ума сходят. Но он будет моим и точка.

Наталья Николаевна улыбнулась.

-Женя, я понимаю, почему ты увлеклась этим Сашей. И не собираюсь тебя отговаривать. Но подумай вот о чем. Вы сейчас, первокурсники, впереди еще пять лет учебы. Ты хочешь выйти замуж. Допустим, вы уже поженились, ты забеременела, и у вас появился ребенок. Что будет с твоей учебой?

Девушка замялась.

-Ну, я возьму академический отпуск, так ведь многие делают.

- Хорошо, ты взяла отпуск на год, но ребенок ведь никуда не делся, он требует заботы, внимания, о какой нормальной учебе может идти речь? А ты ведь еще недавно утверждала, что не хочешь работать учителем в школе, а надеешься остаться на кафедре, как ты думаешь, у тебя это получится?

-Ну, если папа поможет.

-Папа обязательно поможет. Но одно дело просить за отличницу с красным дипломом, и совсем другое за троичницу с ребенком.

В этот момент в комнату влетела Ира, только что пришедшая с занятий.

-Привет, а чего вы тут сплетничаете? Оставили папу за столом скучать, а сами языками чешете.

- Женя завтра с Сашей собирается к нему в деревню, с ночлегом, дачу смотреть, - сообщила Наталья Николаевна. - Вот мы и обсуждаем этот вопрос.

-Все понятно, мораль читаешь, - засмеялась старшая сестра. - Женька, давай, я поеду с вами, буду охранять твою честь.

-Еще чего! - наступилась та. - Нечего делать.

-А, что это идея! - воскликнула мама. - Ир, ты, серьезно, поедешь?

-Конечно! Хоть посмотрю, как в карельской глубинке живут.

-Глубинка! - скептически засмеялась Женя. - Тридцать километров от города.

-Вот и договорились, - облегченно вздохнула Наталья Николаевна. - съездите вдвоем, подышите свежим воздухом.

В субботу после трех часов дня, я подъехал к дому специалистов. Было холодно, падали редкие снежинки, на замерзших лужах блестели ледышки.

Почти сразу из подъезда вышли две девушки с большими сумками у руках и направились ко мне.

Женя с утра уже сообщила, что с нами едет Ира, поэтому ее появлению я не удивился.

Помог уложить им сумки в багажник, после чего девушки уселись на заднее сидение, явно намереваясь болтать всю дорогу.

По дороге поднялась легкая метель. Но когда мы приехали в деревню, она закончилась, оставив после себя белые полосы снега на траве.

В доме был жуткий дубак, поэтому я быстро растопил русскую печь и поставил самовар.

Сестры не раздеваясь, уселись на скамью стоявшую вдоль стены и наблюдали за моими действиями.

Похоже, им деревня не пришлась по душе.

- Ну, что сидите, как в гости приехали, - обратился я к ним. - Давайте, накрывайте стол, сейчас самовар закипит, будем пить чай.

Обе девушки пришли к жизни и начали потрошить свои объемистые сумки.

Скоро большой стол был завален свертками и заставлен банками.

- Однако, мама у них знает, как нужно собирать в гости, -подумал я, убирая все лишнее в старинный буфет.

-А где тут туалет? - пискнула Женя, с того момента, как она переступила порог этого мрачноватого дома, ее обычная смелость куда-то улетучилась.

Пойдемте, покажу, - предложил я гостям и, открыв дверь в коридор,

прошел до дощатой двери туалета.

Пытаясь не засмеяться, я смотрел на сестер, с ужасом разглядывающих дырку в полу.

- Неужели они никогда такого не видели? - думалось мне. - А что, вполне вероятно. Если они детство провели в благоустроенной квартире, дачи у них не было в связи с постоянными переездами, в деревне они никогда не бывали. Вот пусть теперь посмотрят, как живут простые люди в наших селеньях.

Я не собирался рассказывать Жене о покупке дома, все получилось случайно, Любопытная девица обнаружила на сиденье в машине домовую книгу, и немедленно ее просмотрела. Увидев в ней мою фамилию, устроила целый допрос, в результате которого буквально напросилась на экскурсию.

Сразу я не согласился, хотелось подумать, как может отразиться такая поездка на моей жизни.

Мне давно было понятно, что у подруги созрели матrimониальные планы в отношении меня. Для человека, прожившего жизнь, это было ясно, как день. Тем не менее, я не знал, как поступить. Вернее точно знал, что связывать себя узами брака в ближайшие годы не собираюсь. Но сейчас Женя играла важную роль в моей жизни, она была щитом, отражающим поползновения однокурсниц на мою скромную особу. И терять этот щит не хотелось. Хотя бы в ближайшие года два.

К сожалению, мне нельзя откровенно бросаться в "пучину разврата", мои товарищи коммунисты этого не поймут. А вот постоянные отношения с дочкой корреспондента "Правды" очень неплохо скажутся на возможной карьере и ничем не портят имидж образцового коммуниста.

Поэтому, в конце концов, я решил выполнить просьбу подруги, только при условии, что родители согласятся на ее поездку.

Женя бурно возражала против того, чтобы я спрашивал разрешения у ее мамы, но я настоял на своем, и она была вынуждена согласиться.

Когда же услышал, что с нами поедет Ира, то еле удержался от смеха. Похоже, Женя в очередной раз обломали в ее надеждах.

-Ладно, - бог с ними, свожу девчонок в деревню, пусть посмотрят на сельскую жизнь, - думал я.- А с кем переспать найду не в институте. В баре каждый вечер куча девок готовы отдать просто из любви к искусству.

Когда я закончил топку печи, в доме все еще было холодно. Хотя это уже не была та ледяная стужа, как два часа назад.

К этому времени мы уже успели выпить две бутылки кислющего рислинга и раскрасневшиеся девушки понемногу начали разоблачаться.

Для начала они сняли свои демисезонные пальто, модные этой осенью.

Телевизора в доме не было, собственно, как и радиоприемника. Только из включенного в радиоточку громкоговорителя до нас доносились звуки классической музыки. Так, что ничего не отвлекало нас от болтовни.

Дождавшись, когда по углам перестанут бегать синеватые огоньки, я закрыл трубу. После этого по комнатам резко пошло тепло с легким запахом угаря.

За окном, между тем, не было видно ни зги. В отличие от города фонари здесь не горели, не шумели проезжающие машины. И если бы не желтоватый, подрагивающий свет тусклой лампочки, можно было вполне представить, что за окном далекое прошлое, а не вторая половина двадцатого века.

Обсудив все и всех, мы угомонились только ближе к двенадцати часам.

Женя уже явственно клевала носом. Поэтому, оставив ее за столом, я отправился с Ирой в соседнюю комнату, куда выходил щит от печи. В небольшой комнатке было уже душно и жарко.

Мы с девушкой накрыли две кровати свежим бельем, и я засобирался уходить.

- А ты где будешь спать? - внезапно поинтересовалась Ирина.

- Да лягу на кухне, на диване, - сообщил я, соображая, к чему был этот вопрос.

Вдвоем мы увезли Женю в комнату и усадили на кровать. Непривычная даже к легкому сухому вину, девушка засыпала на ходу.

Оставив сестер готовиться ко сну, я ушел на кухню. На всякий случай, перед этим оставил им ведро, чтобы ночью не пришлось бегать в холодный туалет.

Проверив, что дверь закрыта на заложку, я разделся и улегся на старый продавленный диван, закрывшись тяжелым ватным одеялом.

Все же я перетопил печь, для слякотной осенней погоды дров оказалось с излишком. Во втором часу ночи я проснулся от духоты.

Босиком пробрался к ведрам с холодной водой и залпом выпил полный ковш.

В это время заскрипела дверь, и из комнаты появилось белое привидение.

- Саша, ты не спишь? - в полной тишине Ирин шепот показался слишком громким.

- Нет, - отозвался я. - Очень жарко, перестарался с дровами. Вот решил выпить воды,

-Я тоже хочу пить, - сказала девушка, она подошла вплотную ко мне, и я увидел, что она закутана в простыню.

-Держи, - сказал я и протянул ей ковшик с ледяной водой. Она взяла ковш и начала пить. Удержать простыню одной рукой Ира не смогла и та упала на пол. Девушка стояла обнаженной, ее фигурка, подсвеченная лунным светом, казалась выточенной из мрамора. В темноте не было видно ее лица, но мне казалось, что она улыбается.

Ира шагнула ко мне, поставила ковшик на стол и, обняв за шею, прижалась ко мне всем телом.

-И что теперь? - пытаясь сохранить спокойствие, спросил я.

-Дурачок, разве об этом нужно спрашивать! - шепнула девушка. - Не бойся, Женя спит, я ей таблетку фенозепама дала. Она уже десятый сон видит.

- Ну, вы Гордины, даете! - думал я. - А мне то, что делать? С одной стороны глупо было бы отказываться, раз так сложилось, а с другой, не провоцирует ли меня Ирка? Сейчас проявлю активность, и пойдет она сразу в отказ, скажет, я не так ее понял, и вообще предал ее дорогую сестренку.

-Ира, время позднее, иди, спать, пожалуйста, - сказал я, нехотя убирай ее руки с шеи.

-Фи, подумаешь! - раздался гневный шепот. - Строит из себя непонятно кого, дурак! Ну, и ладно, спокойной ночи.

Ирка повернулась, скомкала в руках простыню, и, сверкая круглой белой задницей, ушла в комнату к сестре.

Сходив в туалет, и порядком там продрогнув, я с удовольствием забрался под одеяло.

Однако сон не приходил. Взбудораженный приходом Женькиной сестры, я все проигрывал в голове варианты того, как следовало поступить. И каждый раз приходил к выводу, что все сделал правильно. Ни в жизнь не поверю, что Ирка не разболтает о случившемся, своим подругам с четвертого курса, пусть даже только одной, самой близкой. Через день об этом событии будет знать весь факультет. Мне это нужно? На фиг не нужно!

Умом, понимая правильность поступка, в душе я сожалел о нем. Точеная Иркина фигурка продолжала стоять у меня в глазах, заставляя подниматься, все, что могло подняться.

Где-то около трех часов ночи я все же заснул.

Утром, высунув нос из-под одеяла, убедился, что на ходиках уже семь часов, встал, оделся и первым делом замариновал мясо для шашлыка.

Затем, поеживаясь от холода, сбегал за дровами и затопил плиту.

Девчонки встали только около девяти, когда по кухне разнесся запах кофе.

Ира улыбалась, как будто ночью ничего не происходило, что еще раз убедило меня в правильности своих действий.

Пока сестры завтракали, я изложил им план на сегодня. В него была включена прогулка по зимнему лесу, вдоль берега озера, готовка шашлыка, с его последующим съедением под сухое вино. А после двух часов дня возвращение домой, так, как меня сегодня ожидала еще смена в баре.

Прогулка по лесу девушек не заинтересовала, а вот приготовлением шашлыков они увлеклись. Еще бы! В эти годы, подобным мало кто занимался. А мне надо было опробовать мангал, изготовленный по моим чертежам в гараже ДОСААФа.

Так, что в одиннадцать часов мы дружно вышли на улицу, где я заложил ольховыми поленьями собранный мангал и поджег под ними сухую бересту. Когда дрова прогорели до углей, приступил к готовке.

То ли я разучился, давно не занимаясь этим делом, то ли подкачала баранина, но шашлык получился не особо удачным,

-Наверно уксуса много добавил, - думал я, прожевывая жесткое мясо. Девушкам своего мнения о шашлыке я не высказывал, и они считали, что все так должно и быть, поэтому не скучились на комплименты, и вскоре все шашлыки были съедены без остатка.

Метель, как специально дожидалась окончания трапезы, и стоило нам сесть в машину, начался приличный снегопад.

Однако доехали до города мы без проблем. Мысленно я поблагодарил кладовщицу Татьяну за новехонькую всесезонную резину.

Дома Наталья Николаевна с улыбкой встречала своих дочерей. Те, раздеваясь в прихожей, оживленно рассказывали, как провели время в деревне.

Когда мама со старшей дочерью ненадолго остались вдвоем, мать спросила:

-Ира, как вы отдохнули, действительно так хорошо, как Женя говорит?

В ответ дочь скрчила кислую физиономию и спросила сама:

-Вот объясни мама, почему Женя всегда везет? Отхватила ни за что, ни про что такого парня. Почему я такая неудачница, мне уже двадцать один год, и никто на меня внимания не обращает.

От нахлынувших чувств она даже всхлипнула.

Мама засуетилась.

-Ну, что ты переживаешь, родная. Все у тебя будет хорошо. Начнешь работать, обязательно встретишь человека по душе. В вашем вузе найти нормального парня, сложно.

А Жене не завидуй, у нее тоже ничего еще не ясно. Это она считает, что муж у нее уже в кармане. Хотя я уверена, что Сапаров так не думает.

-Это точно, он себе на уме, - подтвердила дочь. - Я проверила.

-Это еще как? - нахмурилась мать.

-Ну, так, - смутилась Ирка, - хотела отбить у Женьки.

-Получилось? - с интересом спросила Наталья Николаевна.

-Ни фига, - ответила девушка, - Чурбан, чурбаном. Только о своей Женечке думает.

К счастью, Ира так и не посвятила маму в подробности попытки соблазнения, поэтому та была уверена, что старшая дочь только стреляла глазками в сторону парня младшей сестры. Хотя Ира и была вполне современной девушкой для четвертого курса иняза, она отлично понимала, что можно рассказать родителям, а чего нельзя говорить ни в коем случае.

Зима шла незаметно. Вообще, если судить по воспоминаниям, в прошлой жизни время тянулось для меня куда медленней, чем сейчас. Видимо для сформировавшегося разума время убыстряет ход, даже если этот разум находится в теле молодого парня. А тут еще прибавился совершенно иной ритм жизни. Свободного времени практически не оставалось. Иногда, от этого хотелось все бросить, и уехать, куда глаза глядят. Останавливалась одна простая мысль.

- Непонятно за какие заслуги, судьба дала тебе возможность прожить вторую жизнь, так попытайся хотя бы прожить ее лучше, чем первую.

А вообще, если поразмыслить все было прекрасно. Учился я успешно, с преподавателями не ссорился, Зимнюю сессию сдал на пятерки и получал за это повышенную стипендию. Незадолго до зимней сессии в Питере мне на рабочий телефон позвонила женщина.

- Саша, здравствуй, это Клара, ты меня еще помнишь?

- Привет, Клара, о чем ты спрашиваешь, как я могу тебя забыть, такое не забывается!

В трубке повисло непродолжительное молчание. Затем она спросила:

- Ты не хочешь встретиться? Скоро сессия, ты должен приехать в Ленинград.

- Да, я готовлюсь к ней, спасибо, за материалы, что ты прислала, мне они очень помогли в подготовке. А насчет встречи, я как юный пионер, всегда готов.

В трубке опять замолчали.

-Мог бы позвонить, напомнить о себе, - сказала, наконец, Клара.

-Нет, женщины, это что-то невероятное и нелогичное, - возмутился я про себя. - Сама же намекала, чтобы я забыл о ней и вот опять!

-Ну, ты же мне открытым текстом намекнула, не писать, не звонить, ничего, - осторожно сказал я в трубку.

-Мало ли, что может сказать, пьяная женщина, - неожиданно засмеялась Клара, и только тут моя голова сообразила, что она слегка пьяна, и, скорее всего, выпила для храбрости, чтобы позвонить мне. Не так просто взрослой женщине решиться позвонить и просить о встрече, считай обычного мальчишку - студента.

Мы перекинулись еще несколькими, ничего не значащими фразами, и закончили разговор. Но весь вечер у меня было отличное настроение, и его не могли испортить девчонки из моей группы, повадившиеся в полном сборе проводить вечера у меня в баре. Еще бы! Теперь я знал, где буду жить в Питере во время сдачи экзаменов.

В воскресенье, приехав в Ленинград, я бодро шагал по Каменоостровскому проспекту в сторону Силина моста, рядом с которым в прошлом году ухнул в вонючую воду Карповки флотский друг Вовки Третьякова. Под ногами поскрипывал снежок, а уши ощутимо щипал январский морозец. Прибыв за день до экзамена, я намеревался зайти к другу в общагу и на всякий случай договориться о ночлеге. Иосиф, к сожалению, временно пустил в свою квартиру приятеля с семьей из Одессы, поэтому пришлось думать о запасном варианте. Мало ли как там с Кларой получится? Может, придется вообще от нее сбегать, Вдруг у нее наступил ПМС, а женщина, как известно, в это время опасна своей непредсказуемостью.

Когда проходил мимо Дома культуры им. Ленсовета, в фигуре дворника, чистящего дорожки, показалось что-то знакомое. Подойдя ближе, я понял, что энергично сгребающий снег мужчина - мой друг Вова.

-Труд на пользу! - крикнул я ему в ухо, одновременно хлопая по плечу.

Вовка обернулся с нахмуренным лицом, но когда увидел меня, просветлел, кинул в сторону скребок и полез обниматься.

-Здорово, Саня, какими судьбами в Питер? - начал он расспрашивать меня. В ответ я вкратце обрисовал ему ситуацию.

- Слушай, на хрен тебе у подруги кантоваться, Живи у меня в комнате, одна койка у нас свободна на неделю. Сдашь экзамен, посидим, в кабак сходим. Чего тебя на этой бабе заклинило? Она же старуха. В кабаке девушку тебе снимем. У тебя наверняка капусты куры не клюют. Это мне -

нищему студенту надо лопатой махать. - Показал Вовка на свое орудие труда.

Я в это время обратил внимание на красочную афишу на стене Дома культуры. Она гласила:

"Ленинградский мюзик-холл представляет ревю Ильи Рахлина " Нет тебя Прекрасней".

-Ты чего уставился? - спросил Третьяков. - Зря смотришь, билетов нет, и не будет. Даже не надейся.

-Вова, ты хочешь сказать, что работаешь дворником в Доме культуры и билет не можешь достать? - усмехнувшись, поддел я приятеля.

-Ладно, сколько тебе билетов, два? - деловито спросил тот, скидывая меховые рукавицы. - Гони тугрики.

Он взял деньги и зашел в дверь черного входа. Десятью минутами позже он вышел уже с билетами.

-Держи, второй ряд партера, понял! - гордо сообщил он и добавил:

-Слушай, я скоро закончу, у нас через час игра в футбол со вторым курсом, может, сыграешь за полузащитника, нас еще не очень хорошо знают, сойдешь за своего.

Мне стало смешно.

-Вовка, я четвертый год по мячу ни разу ударили, какой из меня футболист, и вообще, я экзамены сдавать приехал, а не в футбол играть. Нет, уж, обойдусь без футбола.

Короче, если у меня с подругой не срастется, приду переночевать к тебе, ну, а если все нормально, то, как сдам последний экзамен, тогда можно будет и посидеть в ресторане.

Мы еще немного поговорили, потом Вовка взялся за лопату, снега действительно навалило прилично, я же, довольный неожиданной встречей, купленными билетами и тем, что не надо искать Вовку по общежитию, направился к ближайшей телефонной будке.

Когда в трубке услышал Кларино "слушаю", на меня навалилась странная робость.

-Привет, это я, - все же удалось мне сообщить, внезапно осипшим голосом.

-Ты уже в Питере? - спросила Клара.

-Да.

-Приезжай, скорей, я жду, - в трубке зазвучали короткие гудки.

Выйдя из будки, я начал лихорадочно ловить такси и через пятнадцать минут уже ехал на Васильевский остров.

Расплатившись с таксистом, быстрым шагом зашел в парадное.

Нажал кнопку лифта, но, так и не дождавшись, помчался наверх, перепрыгивая через две ступеньки.

У знакомой двери я остановился, чувствуя, как бешено колотится сердце, и, чуточку помедлив, нажал кнопку звонка. Дверь открылась практически сразу, как будто Клара уже стояла в прихожей и ждала моего появления.

Она была одета в шелковый халат с журавлями, под которым явно ничего не было.

Я опустил портфель и сумку на пол, туда же скинул пальто и, подхватив женщину на руки, понес знакомой дорогой в спальню. И там на какое-то время выпал из жизни. Сейчас для меня существовала только она, моя женщина, двигающаяся со мной в одном ритме, заставляющая забыть обо всем кроме ее тела.

К середине дня мы все-таки остановились.

Я улегся повыше и разглядывал бардак, устроенный нами в комнате. По полу была разбросана моя одежда, Кларин халат валялся у кровати. Одна подушка также валялась на полу. Сама Клара спала, укрывшись пододеяльником, а одеяло, вылезшее из него, свисало с задней спинки кровати.

- Мда, встреча прошла на должном уровне, - констатировал я и попытался встать, не разбудив соседку.

-Не уходи, - сонно пробормотала та. - Поспи рядом, еще рано.

В ответ я погладил ее плечо и все-таки встал.

Пройдя на кухню, поставил чайник на плиту и слегка прибрался в комнате.

Заварив чай, отправился будить Клару. Однако вместо побудки мы вновь занялись любовью.

До чая мы все же добрались, но только в два часа после полудня.

Клара явно готовилась к моему приезду, потому что холодильник был забит деликатесами, так, вопрос, что есть и пить на повестке дня не стоял.

Когда я объявил, что мы сегодня идем в мюзик -холл на спектакль Рахлина на Кларином лице появилось паническое выражение.

-Саша, ты с ума сошел! Осталось всего пять часов, я не успею себя привести в порядок, а у тебя есть в чем пойти? Если нет, надо еще костюм тебе купить и галстук. Может, не пойдем? - жалобно спросила она.

-Ну, не пойдем, - пожал я плечами, - Ничего страшного.

-Нет, - сказала истинная дочь Евы. - Нельзя, чтобы билеты пропадали, Сейчас покажешь что у тебя за костюм, если нормальный, то я

иду в душ и начинаю готовиться. Если нет, вызываем такси и едем во Фрунзенский универмаг, там директор моя приятельница. Покупаем костюм и едем обратно.

На счастье, мой новый польский костюм в мелкую искорку удовлетворил взыскательный взгляд проректора, как и французский галстук, купленный у финика. Поэтому Клара умчалась в душ, оставив меня валяться в кровати.

Долго я не пролежал, встал, и пока Клара плескалась в душе, навел порядок в квартире. Затем, разобравшись с продуктами в холодильнике, начал готовить ужин.

Тем временем, хозяйка, выйдя из ванной комнаты, уселась в спальне перед трельяжем и запретила туда заходить, пока она занимается макияжем.

Причина была уважительная, поэтому я продолжил заниматься свиными отбивными, одновременно пытаясь читать газету английских коммунистов "Утреннюю звезду", размышая при этом, читают ли ее сами англичане, или отсылают весь тираж в СССР.

-Бедняжка, - посочувствовал я подруге. - Наверно вынуждена выписывать эту галиматию, интересно, она читает эту газету, или сразу в туалет несет?

Как ни странно, но к семи вечера Клара была готова для выхода. В роскошном вечернем платье она была потрясающе красива.

Я тоже уже был одет и, достав из кармана маленькую коробочку, предложил:

-Клара, примерь, пожалуйста, скромный подарок, надеюсь, он будет кстати.

Какая женщина откажется глянуть на драгоценности? Так и моя спутница сразу раскрыла коробочку и начала разглядывать золотые серьги с красными камешками.

Как правило, я категорически отказывался покупать золото с рук у посетителей, даже у давно знакомых. Поэтому отправился за подарком в магазин "Кристалл", единственный в нашем городе, где девушки-продавцы, внимательно выслушав мое описание внешности и возраста Клары, выбрали подходящие ей украшения.

Судя по тому, как вспыхнули от удовольствия глаза женщины, выбор оказался правильным. Но, примерив их, она заявила, что серьги к этому платью не подходят, так, что пусть лежат до следующего раза.

В отличие от Мариинки, Дом культуры строился по другим принципам. Поэтому люди, купившие билет в партер, раздевались в одном

гардеробе с теми, кто сидел на балконе, но когда мы прошли по широкому проходу ближе к сцене, сразу стало заметна разница в одежде. Платье Клары, казавшееся мне роскошным, здесь ничем не выделялось среди платьев, других дам, сидевших рядом с солидными кавалерами. В то время, как на задних рядах зрительницы особо не заботились о своих нарядах.

Пока мы пробирались к своим местам, Клара пару раз поздоровалась со знакомыми. Они бросали заинтересованные взгляды на меня, но спутница оставалась невозмутимой, лишь улыбалась загадочной улыбкой.

Спектакль мне понравился. Конечно, он серьезно уступал, запомнившихся мне, шоу двухтысячных годов, но те уже поблекли в памяти, а здесь гремела музыка, танцевали и пели артисты этого времени.

В перерыве, когда мы стояли в фойе, говоря о всякой ерунде, к нам подошел мужчина лет сорока, в штатском, но у меня было такое ощущение, что ему больше бы пошла офицерская форма.

Он поздоровался с Кларой и приложился к руке, имитируя поцелуй, после чего вперил жесткий взгляд в меня.

Наверно, он хотел меня смутить этим взглядом, но я без труда его выдержал, лишь безмятежно улыбнулся в ответ.

- Это мой дальний родственник, Александр Сапаров, - представила меня Клара, - А это Валерий Ильич, известный человек в нашем городе, сообщила она уже мне.

-Рад знакомству, - сказал я и протянул руку. И сразу попал в тиски.

Рука у Валерия Ильича оказалась на удивление сильная.

Но и мы не лыком шиты, я сжал кисть сильнее и заметил легкую гримасу боли на лице мужчины.

- Какими судьбами в Ленинграде? - равнодушно поинтересовался он, отпустив мою руку.

-На сессию приехал, - сообщил я. В глаза мужчины исчез вопрос, и он вновь повернулся к Кларе. Та перебросились с ним парой фраз, и Валерий Ильич удалился.

Я посмотрел на Клару. Она без труда поняла мой взгляд и пояснила:

-Один из бывших воздыхателей, похоже, он до сих пор не успокоился. Неудачно получилось. Даже не думала, что его можно здесь встретить.

-О, милая! - подумал я. - Жизнь очень странная штука, можно тридцать лет жить в одном городишке и не видеть человека, а встретиться с ним за тысячи километров в городе миллионнике. А ты, оказывается, та еще штучка, не одного мужика бортанула, так, что мне тоже надо ухо востро держать.

Утро следующего дня оправдало мои предчувствия. Пыл встречи прошел, и Клара начала тяготиться моим присутствием. Нет, она ничего такого не говорила, и не делала никаких намеков. Но мне этого было не нужно. Прожив последние двадцать лет в одиночестве, я отлично понимал, как тяжело чувствует себя человек, когда посторонний вторгается в его личное пространство.

Конечно, когда я завел разговор, что хотел бы несколько дней пожить в общежитии у своего одноклассника, женщина стала возражать, но явно без особого напора. Наоборот, в ее словах чувствовалось облегчение от удачного разрешения ситуации.

Тем не менее, мы дружно позавтракали и затем отправились на автобусную остановку. Кларе нужно было в институт на работу, ну, а мне туда же, сдавать первый экзамен. Я пообещал звонить после каждого экзамена, на что она только загадочно улыбнулась.

Неделя прошла незаметно. Экзамены, как я и предполагал, трудностей не принесли. Преподаватели еще не были избалованы, как в будущем, и большой шоколадки "Fazer" из запасов валютного бара вполне хватало для того, чтобы получить положительную оценку, тем более, что отвечал я вполне удовлетворительно.

Готовиться мне никто не мешал. Вовка с соседями по комнате уходил на учебу с утра, оставляя меня в одиночестве.

У Клары я побывал в гостях еще раз и, кажется, понял, почему она в тридцать шесть лет жила одна. Ей попросту не нужен был постоянный мужчина, муж, или кто там еще. Я для нее был вполне подходящим партнером, молодой, неопытный, да еще иногородний. Так, что я мог вполне рассчитывать на дальнейшие встречи в постели. Но настоящего романа у нас никогда не случится. Что меня вполне устраивало.

После третьего экзамена, перед отъездом, мне пришлось устроить отдельную для Вовки и его соседей по комнате.

И вот один студент-заочник, два студента первого курса и иже с ними аспирант ЛИТМО, завалили в кабак на Литейном проспекте. Сидели мы там до закрытия, потом, закупив спиртного у официанта, сели в трамвай и поехали к себе на Петроградку.

Кроме нас в пустом трамвайном вагоне ехала молоденькая цыганка. Генка Абдулов немедленно к ней подвалил и начал клеить. Меня этот процесс не очень интересовал, я разговаривал с аспирантом Стасиком Березиным о перспективах подводной гидролокации, не понимая в этом деле ни хрена.

Когда мы вышли на остановке напротив общаги, цыганка в обнимку

с Генкой вышла вместе с нами.

Тут всем стало очень весело. Мы заливались пьяным смехом несколько минут, составляя план отвлечения вахтера, чтобы провести цыганку Розу с собой. План не пригодился по причине отсутствия вахтера на рабочем месте.

Когда мы зашли толпой в комнату и включили свет, цыганка подошла к столу, на котором осталось море закуски, после того, как мы ушли в ресторан, и взяла с него бутерброд с колбасой.

-Ты, что, жрать сюда пришла? - воскликнул Абдулов. Бутерброд выпал из руки испуганной девушки.

-Да, не бойся, ешь, ешь, - успокоил ее Вовка. - садись за стол, не мельтеши.

Достав принесенные бутылки мы тоже уселись за стол и продолжили пьянку.

Дальнейшая дискуссия шла в основном, кто первый опробует цыганку Розу. При этом у Розы интересовались, нет ли у нее вшей, триппера и прочих болезней. Хотя она все отрицала и все были пьяны до усрочки, никто так и не решился на эпический подвиг, переспать с цыганкой. Но все же потребовали от нее раздеться и танцевать для развлечения публики.

Роза, мило улыбаясь, разделась до натяжки и начала танцевать, в то время, как мы поддерживали ее пьяными воплями.

Потом, она в голом виде уселась на колени к Абдулову, тот напуганный моими намеками о трепаке, испуганно отбивался от нее под гогот остальных собутыльников кроме меня.

Я же, слегка пропрезвев, размышлял о том, что миф о цыганской скромности рухнул у меня на глазах. Розу, в конце концов, общими усилиями заставили одеться и скидав к ней в сумку остатки пиршества, отправили восвояси. После чего сами улеглись спать.

Утром я опять остался один, ребята ушли на учебу, у меня билет на поезд был на шесть вечера, поэтому можно было еще поспать.

Однако в десять часов утра в дверь комнаты требовательно постучали, после чего та распахнулась и ко мне зашла представительная делегация в составе двух девушек и парня с фотоаппаратом.

-Фу, ну и насвинячено! - сморщила нос девушка, стоявшая впереди, разглядывая пустые бутылки на полу и неубранную посуду.

-Вы в этой комнате живете? - спросила она, вперив в меня пронзительный взгляд.

-Ну, да живу, - пробормотал я.

-Почему не на занятиях?? - спросил парень и щелкнул затвором фотоаппарата.

-Болею, - сообщил я.

-Понятно, - дружно согласилась троица, окидывая взглядом количество пустых бутылок.

-Как вас зовут?- продолжился допрос.

-Третьяков Владимир Николаевич, - мысленно начиная ржать, ответил я.

- Владимир Николаевич, от ваших соседей поступила жалоба, что вы по ночам устраиваете дебоши, приводите девушек. Мы, как "Комсомольский прожектор", не можем оставить это без внимания, - сообщила главная девица. - Встаньте, пожалуйста, мы сфотографируем вас и вывесим вашу фотографию на всеобщее обозрение, как нарушителя дисциплины.

-Пожалуйста, - сообщил я и встал.

Меня несколько раз сфотографировали, после чего активисты удалились.

Я же снова лег и попытался заснуть.

Во второй половине дня, я все же убрал следы ночного разгула, а когда пришел Вовка, рассказал ему о визите Комсомольского прожектора. Поржав над тем, что моя фотография с его фамилией украсит общежитие, мы выпили жидкого чаю с бутербродами с домашней конской колбасой, присланной Абдулову. После чего отправились на вокзал. Я шел с легкой головной болью и размышлял, что исправил старую поговорку, что от сессии до сессии живут студенты весело. Ведь прожил весело именно сессию.

После зимней сессии, все пошло ровно, без особых треволнений и забот. Не знаю отчего, но в феврале Женя Гордина убавила свой пыл и не так рьяно преследовала меня. Причину я узнал довольно быстро. Девушка из ее группы по большому "секрету" сообщила, что Женя познакомилась с военным летчиком и сейчас думает только о нем.

-Действительно, -насмешливо подумал я в этот момент. -Где я, а где этот летчик. Это тебе не бармен.

Как ни странно меня это пренебрежение ничуть не задело. Может, потому, что по-прежнему, в баре около стойки постоянно крутились девчонки, жаждущие познакомится со мной.

Так, что в редкие выходные дни мы с отцом ездили на рыбалки в Косалму, батя от счастья чуть не плакал, что может рыбачить до темна, и, переночевав, снова выйти на лед продолжить рыбалку. А у меня не

возникало желание снять квартиру, потому, что, сняв девушку, можно было спокойно уехать с ней на дачу в будние дни.

В апреле мне позвонил Незванцев и пригласил зайти в трест. Причины он мне не сказал, поэтому я был слегка встревожен, хотя больших грехов за собой не чувствовал. За прошедшее время Иосиф так меня натаскал в торговых хитростях, что мне просто не было нужды заниматься ерундой, вроде недолива спиртного. Мы с ним очень неплохо понимали друг друга, притом оба не курили и практически не пили на работе. Единственные, кто сносил напарнику голову напрочь, были женщины.

Когда я зашел в кабинет заместителя директора, кроме Незванцева там присутствовал и сам Лев Абрамович.

-Александр Юрьевич, - сообщил он торжественным тоном. - мы тут посовещались и решили предложить вам новую должность.

Не успел я как следует вникнуть в эти слова, как он добавил:

-На летний период.

Видимо, он ожидал, что я начну спрашивать, что за работа, и когда я продолжил выжидательно смотреть на него, поморщился и продолжил говорить.

-Дело в том, что нам необходимо срочно решить вопрос с кандидатурой директора ресторана "Волна".

Тут до меня дошло, в чем дело. Ресторан Волна был двухэтажным деревянным строением на дебаркадере. Зимой он стоял в порту. А весной его буксировали в Кизи, где нужно было обслуживать туристов.

Задавив в себе кучу вопросов, я продолжил слушать Шмуленсона.

-Обсудив этот вопрос, мы не нашли никого, кто бы лучше всех подходил на данную должность.

Тут меня все-таки прорвало.

-Лев Абрамович, но почему я, у меня ни опыта нет, ни стажа, ни образования для этого.

Шмуленсон переглянулся с Незванцевым.

-Не надо ля-ля, - сказал Незванцев, улыбнувшись. - У тебя стаж, между прочим, почти четыре года. В трудовой книжке, три записи, принят, уволен в связи с призывом в ряды Советской армии и снова принят, и три благодарности по работе. Ты заканчиваешь первый курс института. Опытный работник, хорошо знакомый со спецификой работы ресторана. Знаешь языки. Коммунист, так, что мы считаем, ты вполне справишься, ну а мы с Львом Абрамовичем тебе поможем, как и профком и партком.

В институт мы напишем официальное письмо с просьбой перенести сессию на начало мая. Думаю, с нашей просьбой там согласятся.

Так, что после майских праздников, едешь в Ленинград, сдавать экзамены. Ну, а здесь, в пединституте, мы все решим вообще без проблем.

В бар я пришел в полном раздрае и сразу сообщил новость Эльштейну. Тот не удивился и сообщил, что он тоже принял участие в этом решении, предложив Неванцеву мою кандидатуру.

-Сашок, я ведь не дурак, и давно заметил, что ты перерос должность бармена, - заявил он. - Думаю, что эта баржа для тебя послужит началом карьеры, в том, что спровоцировалось, у меня нет никаких сомнений.

-А чего сам не занял это место, - буркнул я.

-Не нужно мне это, - беззаботно махнул рукой Иосиф. - В скором времени я сменю место жительства.

Говоря эти слова, он подмигнул мне.

Куда он собирается, понять было нетрудно. Меня только удивила его откровенность. Он ведь тоже далеко не дурак и просто так откровенничать бы не стал.

-Значит органы в курсе, - так я понял его откровенность.

С родителями я такой сногсшибательной новостью не поделился, оставив это на май. И пока учился и работал, как будто ничего не случилось.

В начале мая мне позвонил Третьяков, он приехал на праздники и интересовался, чем я сегодня занят. Услышав, что ничем, предложил пройтись по лесу, до речки, посидеть на берегу и собрать березового сока.

Кинув в рюкзак маленький коловорот, кусок вара, полиэтиленовую трубку, банки с кружкой, я надел сапоги и знакомой тропинкой направился в сторону леса.

Пройдя с километр, я обнаружил Вовку, поджидавшего меня сидя на пне. Ему до этого места идти было намного ближе.

Вскоре мы вышли на высокий косогор, под которым бурлила Неглинка. Спустившись вниз, мы начали обустраиваться на нашем заветном месте. Четыре года мы не приходили сюда. Пока я ходил, выбирал березы растущие на самом припеке иставил банки под капающий сок, Вовка развел костер и на нем уже кипел заржавевший старый чайник, выкопанный из-под огромной раскидистой ели, где он пролежал без дела несколько лет.

-В ответ на мой вопросительный взгляд, Вовка заявил:

-Ничего чаю выпьем, потом сок. Вода дырочку найдет.

Пока пили чай с пряниками, разговор у нас заглох.

Солнце жарило не по-весеннему, помнилось, что этот год вообще будет силен на жару.

Закинув руки за голову, я лежал на траве глядел на легкие облака, лениво двигающиеся в ярко голубом небе. А мысли также лениво текли в голове.

-Ну, что Саня, прошло четыре года, как ты получил новую жизнь, а особых успехов не видать, -говорила одна половина моей сущности.

-Ну, как же нет успехов? - возмущалась вторая. - У тебя есть машина, дом в деревне, через месяц ты будет работать директором ресторана, а тебе только двадцать один год. Что ты будешь делать дальше, вот в чем вопрос?

-Эй Сашка, хорош балдеть! - привел меня в чувство голос Вовки, - Иди банки собирай, я же не знаю, куда ты их ставил.

Я тоскливо глядел на свинцовые волны Онеги, глядя из окна директорского кабинета ресторана "Волна". Небольшой буксир уверенно вел наш дебаркадер в сторону Заонежья. Обойдя с восточной стороны большой Клименецкий остров, мы резко повернули на запад в сторону Кижей. Мне предстояло провести на этом острове три месяца и в принципе, с самого начала была ясна подоплека моего назначения. Никому из сотрудников треста, особенно семейным женщинам не улыбалось жить все лето в изоляции от семьи. По-видимому, про меня вспомнили, когда не нашлось желающих принять эту должность.

После сдачи сессии, я принял дела и погрузился с головой в ресторанные проблемы. Незванцев слово сдержал, и мне здорово помогли с их решением, но вот персонал в ресторане подобрался бедовый. Тут была та же проблема, женщины не хотели надолго отрываться от семьи, а мужчин было у нас и так не хватало.

Вот и сейчас, глядя в окно, я размышлял, как командовать этим коллективом.

Особенно одной официанткой. Мне не повезло, с этой девицей я учился до пятого класса. Уже тогда Люда Сурина выделялась в классе своим нестандартным поведением. Короче, она была шалавой по жизни. В то же время она была неплохим работником, общительной и по трезвости даже вежливой. клиенты ей были довольны, особенно те, с кем она уходила после работы.

Конечно, ждать от нее какой-либо субординации не приходилось. Когда меня представляли коллективу ресторана, она радостно завопила:

-Девки! Это же Сашка Сапаров! Я с ним в школе училась, мы с ним на спор в третьем классе по три лимона съели. Я победила! Санька привет! Так ты у нас директором будешь? Ни фига себе!

Я тоже вспомнил тот случай, когда мы на спор съели по три лимона, и Людка тогда выиграла. Вообще, она была своеобразная девчонка еще с

младших классов, недаром ее не хотели принимать в пионеры из-за плохого поведения. Сейчас же передо мной стояла настоящая, прости господи, при взгляде на которую ни одни мужик бы не ошибся в ее основной профессии.

Собравшись с духом, я улыбнулся и, поздоровавшись, выразил надежду, что сработаюсь с коллективом и вместе мы выполним установленные нам плановые показатели.

Сотрудники редкими хлопками встретили мое выступление. После чего я начал знакомится с теми, с кем придется прожить бок о бок почти три месяца.

Официант Сергей Сладковский, судя по лицу, тоже не чурался выпивки. В прошлом году его вышибли с медфака. Официально за академическую неуспеваемость, а неофициально за кражу промедола. Он настолько обнаглел, что унес из отделения целую коробку, сто ампул. Спасло его только то, что зав. отделением не захотел выносить сор из избы, и после возврата девяносто восьми ампул, замял это дело. Сейчас Дульцис, (таково было прозвище у него на медфаке по латыни отражающее суть фамилии) жил с Суриной и только из-за нее согласился три месяца провести на природе.

Повар Сашка Павлов, наоборот был полон энтузиазма, он был молод, всего на год старше меня, неженат и к тому же страстный рыбак, поэтому его так радовало возможность три месяца ловить рыбу и за это еще получать зарплату.

Кладовщик, Петр Иванович Зеленов, был вещью в себе, про него я так ничего и не узнал. Были только подозрения, что это он является главным стукачом в нашей теплой компании.

Духом, после знакомства с коллективом, я особо не упал, но и оптимизмом не страдал.

Поэтому с легким мандражированием ожидал прибытия к причалу острова Кижи.

Когда мы подошли к причалу, и прибежавший матрос накинул концы на кнехты, неожиданно в прореху, сквозь дождевые тучи, ярко засверкало солнце.

У меня от такого предзнаменования, даже повысилось настроение. Несмотря на то, что в приметы я никогда не верил.

За нашим прибытием наблюдали десятки стражущих лиц. Еще не был перекинут трап на причал, а оттуда уже доносились возбужденные возгласы, интересующихся, когда ресторан начнет работать.

В принципе, можно было уже открываться. Вот только оба официанта по дороге успели нажраться до свинячьего визга. И другого

выхода, кроме, как работать за них я не представлял. Не ставить же официантками обеих посудомоеек, хотя они не были так пьяны, как Сурина со Сладковским, но из-за синяков на лицах, их присутствие в зале было нежелательным.

Тут, на мое счастье у нас в трюме заглох дизель, до этого бесперебойно снабжавший нас электричеством. Спустившись в трюм, я увидел дизелиста суетящегося около мотора. Тот сообщил, что ничего страшного не случилось, но ремонт займет пару часов.

Внутренне довольный этим обстоятельством, я ушел наверх. Небольшая толпа на пирсе, убедившись, что двери ресторана закрыты, понемногу рассосалась.

Павлов уже сидел на борту дебаркадера с удочкой. Увидев меня, он сообщил, что у него все на мази, его две поварихи ждут, когда дадут электричество.

В общем, через три часа мы все же открылись. К сожалению, основная часть туристов уже покинула остров. Судя по расписанию, должна была прийти еще одна "Комета" и на этом сегодня все.

Люда Сурина, придя в себя, в ответ на мои воспитательные ухищрения лишь презрительно щурилась, сообщив, что не я принимал ее на работу и не мне ее увольнять. Сладковский был не столь категоричен. Он, во время беседы, растерянно протирал очки, и заверял, что не был пьян, просто его сильно укачивало во время перехода.

В итоге вечером в зале сидели лишь немногочисленные работники реставрационной мастерской, соскучившиеся по нормальному питанию. Не будешь же каждый день мотаться на Комете в город, чтобы хорошо поесть.

Через некоторое время в ресторан зашел милиционер, поозирался с хозяйственным видом и направился прямиком в мой кабинет.

-А где директор? - спросил он у меня открыв дверь.

-Я, за него, - пришлось ответить мне. После чего фыркнул, вспомнив сакраментальный вопрос "А где бабуля?".

Видимо милиционер понял, отчего я засмеялся и тоже улыбнулся.

Затем он сообщил, что его зовут Петр Петрович, он местный участковый, и предложил рассчитывать на него, при неприятных ситуациях.

Все было ясно и понятно. Предложив ему присесть, я достал бутылку карельского бальзама и, плеснув по десять грамм в рюмки, долил их водкой.

-Ну, со знакомством! - сказал Петр Петрович и ловко опрокинул рюмку.

Повторив это действие еще раз, пока муха не пролетела, мы вышли в зал.

Петр Петрович сразу направился к своему любимому столу. А туда уже спешила Людка Сурина, улыбаясь во все тридцать два зуба.

-Петя, здравствуй, как дела, ой, так рада тебя видеть!

Здоровый мужик раза в два старше Людки, расплылся в улыбке.

-Ты все хорошеешь, Людочка! -выдал он ей неуклюжий комплимент.

Он еще не знал, что девушка, на этот раз прикатила сюда с сожителем и ему ничего не светит, кроме, как поговорить.

Со следующего дня началась рутинная работа. Она зависела от прихода "Комет". Туристы были разные, кое-кто сразу заворачивал в нашу сторону, не интересуясь старинным деревянным зодчеством. И лишь спустя час-полтора к нам заходили люди, желающие перекусить после осмотра достопримечательностей.

Среди реставраторов оказался мой сосед по дому Витя Гребнев, до этого момента мы с ним особо не общались, но здесь он начал посещать наш ресторан практически каждый вечер. Надирался в умат и начинал поливать начальство, по его словам, нисколько не разбирающееся в деле. А так, действительно, была тоска. Несколько раз я выбирался за пределы музейного поселка, но интересного в каменистых полях ничего не было. Земляника еще не созрела, зато гадюки ползали в небывальных количествах.

В один прекрасный день, когда я разбирался с накладными, подсунутыми кладовщиком в зале стало шумно. Выйдя туда, я обнаружил за сдвинутыми столами веселую компанию. Возглавлял ее говорливый мужичок, кого мне напомнивший.

-Ба! Да это же Золотухин! - дошло до меня.

Я уже читал в газете, что к нам приехала киносъемочная группа снимать какой-то фильм, поэтому сразу понял, что это компания киношников.

Сидели они долго. Затем стали собираться и к очередному рейсу Кометы покинули наше заведение. Людка была обижена до глубины души. Она попросила у Золотухина автограф, а тот вместо этого ущипнул ее за задницу.

Все было нормально. Но часов в семь вечера, когда у нас засиделись только местные старожилы, двери распахнулись, и в них зашел Золотухин. По его помятому виду было ясно, что он, где-то спал.

Усевшись за стол, он потребовал бутылку водки. Сурина толкнула Дульциса, чтобы тот отнес ему требуемое.

Выпив пару стопок, артист затянул заунывшую песню, я такой

никогда не слышал. Потом, оборвав ее на полуслове, встал и заорал:

-Я, б.. п.. с этого еб..го острова уеду или нет?

Мне пришлось подойти к нему спросить:

-Ээ, Валерий, извините, не знаю, как вас по батюшке, что случилось?
Вы вообще в курсе, что сегодня больше рейсов в город не будет?

-Ты, чего несешь, пацан! Да ты знаешь кто я? Немедленно мне вызовите теплоход!

-Ничего не получится, на сегодня рейсов больше нет, - сообщил подошедший Петр Петрович.

Золотухин поднял на него пьяный взор и сообщил:

-Ты, ментяра, быстро вызвал мне вертолет, я плачу.

Он встал и вытащил из кармана несколько бумажек, помахал ими и снова засунул в карман.

Я опять попытался вмешаться.

-Давайте, мы вас устроим на ночь, а утром вы уедете в город.

Золотухин неожиданно разъярился.

-Вы, что, артиста не уважаете, да вы знаете, кто я такой. - И замахнулся на милиционера.

Реакция у Петра Петровича была мгновенной.

Тресь! И будущий знаменитый артист, лежит без чувств на полу.

Милиционер сконфуженно посмотрел на нас.

-Я же не хотел, - пробормотал он, - но уж очень он меня достал.

Я быстро организовал народ, и мы перенесли бесчувственное тело в одну из кают.

Утром, Валерий Золотухин уехал на первой Комете. Спасибо за приют и ласку он нам так и не сказал.

Сегодня в Кижах было многолюдно. В очередной раз устраивались соревнования на лодках -кижанках. На соревнования собралось все Заонежье. Председатель Кижского сельсовета, пригласил и нас поучаствовать в этой гонке.

Настроение у меня было паршивым, впереди еще было почти два месяца, деревенской жизни. И это не радовало.

Но на приглашение нужно было отвечать, поэтому я собрал своих комсомольцев, чтобы решить, будем мы участвовать или нет.

На удивление оба наших моториста-дизелиста и повар были обеими руками за. Поэтому мне ничего не оставалось делать, как стать четвертым членом команды. Не брать же туда Зеленова с его одышкой и толстым животом.

Я к этому времени перезнакомился почти со всеми жителями

поселка, и знал к кому надо идти решать вопрос с плавсредством.

Пожилой местный лодочный мастер Василий Яковлевич Спиридовон, согласился дать нам свою лодку на соревнования.

-Я эту лодку двадцать лет назад делал,- сообщил он. - В нее ни единого гвоздика не заколочено. Сшито все еловыми корешками. Ежели бы подковными гвоздями сшивал, она б давно развалилась. На воде легкая, как перышко! Я один на ней в шторм выгребал.

-Да, уж перышко, - скептически глянул я на здоровенную лодку, вытащенную на берег, блестящую от свежей просмолки. -Брешешь ты дядя, как сивый мерин.

Но Спиридовон не обманул, шла лодка легко. Мы вчетвером без труда спихнули ее на воду, и расселись на скамейках. Вечер перед соревнованиями посвятили тренировке. К концу второго часа у нас что-то стало получаться.

На следующий день, на берегу в присутствии множества туристов и местных жителей был дан старт соревнованиям.

Конечно, первыми мы не пришли, но все же заняли четвертое место среди шестнадцати команд, что вызвало волну возмущения среди местных жителей.

Начались выкрики, что торгаши наняли спортсменов, молодых, здоровых парней, поэтому мне пришлось устроить небольшой митинг тут же на причале и рассказать, кто есть кто в нашем экипаже. Настрой у толпы переменился, но теперь уже раздавались смешки. Сашке Павлову, посоветовали пересесть на трактор, ну, а мне, рекомендовали сменить профессию, на более подходящую, например матросом.

Не знаю отчего, но после этих слов, на душе скребли кошки. Вечером я закрылся в кабинете с бутылкой водки.

-Напьюсь до усера, может, полегчает, - думал, наливая первую рюмку.

- Наверно, я не так живу, не то делаю, - лезли в голову непрошленные мысли. - Иначе чего меня так корежит?

После третьей рюмки начало понемногу отпускать.

-Музыку что-ли послушать, все веселей будет, - подумалось мне.

Я включил приемник и поставил его на ВВС. Из динамика раздался знакомый голос Севы Новгородцева.

-А сейчас друзья поет и играет квартет Битлз. А после него споют Роллинги

Зашипела игла адаптера, и зазвучал с юности знакомый мотив песни Мишель.

-За вас парни, - чокнулся я с приемником, после чего отставил

бутылку в сторону, прилег на узкую откидную койку и под музыку унесся мыслями в те далекие годы, когда эта музыка действительно казалась откровением. Но сейчас, увы, она не будила никаких эмоций, кроме скуки.

-Странно, вроде знаю будущее, и ничего не могу сделать, - думал я. - Ничего не получается. Ну, стану я директором кабака, и что? Подумаешь, достижение. Четыре года назад, Саня, у тебя было больше энтузиазма. Куда он испарился?

-А что ты собственно знаешь из будущего? В каком году Брежнев помер?- задал я сам себе вопрос.

-Вроде в восемьдесят втором? А может в восемьдесят третьем? Короче, ни хрена ты не помнишь. Хотя нет, в Афганистан мы вошли в восьмидесятом, еще Олимпиада из-за этого была под вопросом. А Чернобыль , вроде в восемьдесят шестом, или нет, в седьмом. Да уж, знаток, мать твою!

-Ха! Еще можно удрать на запад и купить акций Майкрософт. Хе-хе, а на что ты их покупать собрался? Деньги еще заработать надо.

Пока я размышлял, вой глушилки в приемнике становился все громче, пока полностью не забил музыку.

-Вот придурки! - прокомментировал я это событие. - Столько денег потрачено на эту ерунду, не понимают ни фига наши правители, что запретный плод сладок.

Однако приемник из-за помех пришлось выключить.

Я снова уселся за стол и накатил очередную рюмку. Депрессуха не проходила ни хрена. Душа чего-то требовала. Но вот чего?

В коридоре послышались тяжелые шаги и затем в дверь бесцеремонно постучали.

Убрав бутылку с рюмкой в рундук, я глянул на себя в зеркало, пригладил волосы и открыл дверь.

-Юрий, чего отрываешься от коллектива, - воскликнул наш шеф-повар. -Мы, понимаешь, ужин праздничный сварганили, еле дождались пока Петр Петрович свалит, а ты спать собрался! Нехорошо. Давай спускайся в зал, там все собирались, только тебя ждут.

-Ладно, сейчас приду, - пробурчал я и закрыл дверь перед носом у Павлова.

Приведя себя в порядок и надев джемпер на рубашку, я прошел в зал. Действительно, весь наш коллектив собрался за столами и ждал только меня. Место для директора уже было приготовлено во главе стола, поэтому пришлось усесться именно туда.

Сразу после этого поднялся Зеленов и, держа наполненную рюмку в

руке, торжественно сообщил.

-Дорогие товарищи, сегодня исполняется ровно месяц нашего автономного существования. Скажу честно, у меня были большие сомнения по поводу нынешнего летнего сезона. Сами понимаете почему. Тем с большим удовлетворением я могу признаться, что ошибся в своих прогнозах.

Наш коллектив под руководством молодого коммуниста Сапарова Александра Юрьевича успешно работает, выполняет план, и принятые социалистические обязательства. Надеюсь, что в оставшееся время мы будем работать не хуже, и может, получим переходящий кубок победителя социалистического соревнования среди организаций треста по итогам августа.

Александр Юрьевич, честно скажу, без всякого подхалимажа, что мои опасения не оправдались, на сегодняшний день вы хорошо справляетесь с вашими обязанностями.

-Петр Иванович! - перебила его Сурина, - хорош, болтать, давайте выпьем за успехи в работе и за четвертое место в соревновании по гребле!

Собравшиеся, поддержали ее одобрительным гулом. Зеленов кашлянул и, скомкав свою речь, предложил:

- Согласен, предлагаю тост за нашего руководителя.

Не успел я возмутиться, как мне в руки сунули полную рюмку и все дружно выпили.

После чего оживленно принялись накладывать себе мясной салат. Я же в это время встал и попытался ответить.

-Товарищи, давайте обойдемся без славословия в мою сторону, у нас есть люди, застуживающие гораздо больше добрых слов. К примеру, Петр Иванович, работает за трех человек, грузчика, экспедитора, кладовщика и никому не жалуется. Наши повара, проводящие весь рабочий день в душном помещении у плиты. Официанты, работающие без выходных, целый день на ногах. Моя скромная роль в этом, лишь координация общих усилий.

-Да, ладно, Юрьевич, - сообщила Людка, умильно моргая глазами, жирно подведенными тушью. - Не скромничай, мы же не слепые и не глухие. Все видим. С тобой работать можно, не то, что с некоторыми.

На ее слова обе посудомойки одобрительно закивали головами. Сегодня они выглядели вполне приличными женщинами средних лет. Синяков им ставить было некому, а запасы спиртного находились под замком у Зеленова, и больше на острове его взять было негде.

Посидели мы хорошо. Затем, включив музыку, устроили танцы.

Людка во время оных беззастенчиво прижималась ко мне грудью, и вспоминала всякие истории из нашей учебы, под ревнивые взгляды Дульциса. В принципе, если бы его не было, возможно я и поддался на провокацию бывшей одноклассницы, но сейчас мне это на фиг не сдалось.

В втором часу я скомандовал прекращение банкета. После чего довольно быстро все разошлись по каютам.

Растянувшись на койке, с удивлением понял, что моя депрессия испарилась.

- Вот как благотворно общение с коллективом на тебя действует, - была моя последняя мысль перед тем, как заснуть.

Был погожий сентябрьский денек, когда я рулил Москвичом, направляясь к своему начальству в трест ресторанов и кафе. О пертурбациях совершившихся там мне было уже известно.

Льва Абрамовича мирно "ушли" на пенсию и директором треста был назначен Валера Незванцев. Не знаю, что там наделал Шмуленсон, но по слухам, у него начались терки с первым секретарем обкома партии.

С Незванцевым у меня были нормальные отношения, в бытность комсомольскими боссами, можно даже сказать дружеские. Поэтому ничего плохого от нашей встречи я не ожидал.

В приемной у него сидело несколько человек, в том числе и директор шашлычной. Наталья Петровна явно обрадовалась встрече. Мы с ней так увлеклись болтовней, что секретарше пришлось повторить приглашение пройти к директору.

- Валерий Георгиевич, добрый день, поздравляю с новой должностью, - первым делом сообщил я.

- Здравствуй, здравствуй, пропавшая душа, присаживайся, в ногах правды нет, - отозвался, Валера из глубины мягкого кожаного кресла.

- Ну, пропавшая только по вашей милости, - резюмировал я. - Не вы ли меня в ссылку на все лето отправили?

Тот засмеялся.

- А чем ты недоволен. Три месяца провел на природе, Люди со всех концов страны едут, чтобы на собор посмотреть, а тебе за это еще и неплохо платили, суточные, командировочные и прочее. На себя в зеркало глянь, такого загара на юге получишь. Ладно, это все лирика. У меня к тебе деловой разговор. Зарекомендовал ты себя в качестве директора, прямо скажем, неплохо. Даже Зеленов остался доволен.

Мы тут в тесном кругу посовещались и решили тебе предложить должность директора ресторана в гостинице Интурист.

-А Розенблюм тоже ушел на пенсию? - удивленно спросил я.

Незванцев усмехнулся.

Ты там, в озерных краях совсем ничего не ведаешь. Сын у Розенблюма уже в Австрии в Вене с семьей на чемоданах сидит, визу в Штаты ждет. Сам Моисей Яковлевич заявление на увольнение написал. Видимо будет ждать на пенсии, когда Яша из Америки его к себе заберет.

- Ну, мне понятно все, кроме одного обстоятельства. Я все же учусь на дневном факультете, мне тогда придется учебу бросить?

Улыбка у Незванцева пропала.

-Слушай, Сашок, уже пятый год пошел, как мы друг друга знаем. Вот скажи, зачем тебе эта учеба? Насколько я понимаю, по-английски ты говоришь и читаешь вполне удовлетворительно. Для директора ресторана в Интуристе даже очень хорошо. Или, может, ты учителем стать мечтаешь?

Что-то мне очень сомнительно. Ты всегда был себе на уме, осторожен, четко знал линию партии, что мне всегда в тебе нравилось. В общем, агитацией заниматься некогда. Даю тебе три дня на раздумье. Если согласен, подписываю приказ, и ты принимаешь ресторан. Не согласен, продолжай работать ночным барменом, а днем в институте учись. Посмотрим, на сколько тебя хватит. Между прочим, еще четыре года впереди. А мог бы карьеру делать в нашей системе.

Ладно, свободен, иди, думай! - Незванцев хлопнул по папке с бумагами так, что из той поднялось облако пыли.

В глубокой задумчивости я вышел из кабинета и, как зомби пошел по коридору.

В голове вертелся единственный вопрос, что делать?

В принципе, время подумать, как быть с очной учебой еще имелось. Мои однокурсники вчера уже отбыли в деревню на картошку. Только некоторые выдающиеся личности вроде Жени Гординой, или меня, оставались в городе.

Желание Незванцева продвинуть на основные должности в тресте своих людей тоже было вполне понятно, так велось на Руси испокон веков. Оставалось только решить нужно ли это мне.

Когда я приехал домой, мама уже готовила ужин. Батя, лежа на диване, знакомился с прессой.

-Привет родители, - сообщил я, снимая обувь.

В ответ отец, что-то промычал, не отрывая глаз от газеты. Мама вообще ничего не слышала, из-за льющейся из крана воды.

Зайдя на кухню и усевшись за стол, я сказал:

-Мама, хочу с вами посоветоваться, одна голова хорошо, а три лучше.

-Юра! - позвала мама батю. - Иди сюда, скорей, наш сынуля посоветоваться в кои веки решил с родителями. Наверно, мир перевернулся.

Отец, недовольно бурча отложил газету и уселся напротив меня. Мама расставила тарелки с тушеной капустой и сардельками и села рядом с ним.

-В общем, мне предлагают должность директора в ресторане гостиницы Интурист, - сообщил я.

-Отлично! - воскликнул отец, - хоть в кабак можно без проблем попасть, не надо у дверей отираться. А ты, вижу, у начальства на хорошем счету, раз на руководящую работу окончательно переводят..

- А в чем проблемы? - осторожно поинтересовалась мама.

-Мне придется бросить институт.

-Ну, и что, продолжишь заочно учиться в институте торговли, получишь диплом экономиста, - сказала мама и продолжила. - Вот скажи, зачем тебе блажь в голову пришла, учиться в педагогическом вузе, ты же учителем ни дня работать не собираешься. На тебя зимой смотреть было тошно, как ты над собой изdevаешься. А папа правильно сказал, раз тебе эту должность предлагают, значит ценят. По крайней мере, в следующем году снова не ушлют на три месяца в Кижи.

Кстати, мне тут наши девочки рассказывали, что были в твоем ресторане Волна, и им там очень понравилось. Тебя хвалили.

Я же в это время думал, как на маму занимательно повлиял тот факт, что в последний год она посещала магазин только за хлебом и молоком. За всем остальным приходилось идти мне самому в соседний гастроном, где меня уже ожидал заказанный набор продуктов, составленный по маминому списку. Ее теперь не волновал тот факт, что сливочное масло иногда исчезало из продажи, а мяса на прилавках не появлялось вообще.

-Так, что, ты считаешь, мне нужно бросить учебу? - прямо спросил я. Мама замялась.

-Ну, может, тебе стоит пойти на вечернее отделение, если оно там есть. Возможно, в будущем этот диплом тебе пригодится, хотя диплом экономиста надежней. А вообще о чём я говорю! До меня сразу не дошло. Неужели тебе доверят такую должность?! Ох, Господи! Саша, может, откажешься, а? Ну, зачем тебе такие проблемы.

-Ты чего, Марина? - пришел к жизни батя. - Такую должность никому с кондака доверять не будут. В верхах ее уже, наверняка, на сто раз обсудили. Директор ресторана самого известного в городе, это тебе не хухры-мухры. И без КГБ тут не обошлось. Значит, там решили, что

справится. А летом, считай, проверка была, и парень ее прошел. Давай Сашкец, дерзай. Глядишь, лет через десять большим начальником станешь. Мне на работе коллеги и так завидуют, говорят, мол, дачу поимел, машину, пальцем не шевельнув, все сын расстарался. Только ты уж аккуратней, там с социалистической собственностью, гляди в оба. Ртом не щелкай. ОБХСС стоит на ее страже.

То, что Женя пришла домой не в духе, Наталья Николаевна поняла сразу. Дочери в этом году, как и в прошлом, была сделана справка о слабом здоровье, не позволяющем, собирать картофель по промозглой карельской погоде. Однако в деканате на этот раз всех таких отказников привлекли к работам в библиотеке, к уборке кабинетов и прочим мелочам. Поэтому Жене приходилось первую половину дня проводить в институте.

Когда мама зашла в комнату, Женя лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку, и рыдала.

-Женя, что случилось? - встревожено спросила Наталья Николаевна.
- Тебя кто-то обидел?

Женя резко повернулась, открыв лицо, перепачканное тушью, и переходя на крик, завопила:

-Мама! Ты представляешь! Розка Маркелова увела у меня Митю. Тварь! А ведь я за подругу ее считала. У них через месяц регистрация. Аaaaa! Ненавижу! Ненавижу! А Митя, какой гад, тоже молчал. Я знаю, почему он ее предпочел. Розка мне сегодня призналась, что ему член сосет. Фу! Какая гадость! Правда, мама?

Мама сочувственно кивнула, но благоразумно промолчала, дожидаясь пока дочь выговорится.

Когда это произошло, она погладила ее по плечу и попыталась успокоить.

-Женя, может не стоит так переживать, что ни делается, все к лучшему. Признаться у нас с папой не лежала душа к твоему летчику. Особенно папе он не нравился.

-Чего же вы мне не говорили? - сквозь слезы и сопли спросила девушка.

- Тебе попробуй, скажи, - подумала Наталья Николаевна и снова погладила дочь по плечу.

-А как дела у Саши Сапарова, у него девушки не появилось, - полюбопытствовала она.

В ответ Женя заревела еще шибче.

-Дура! Какая же я дура! Мама, ты не представляешь, какая я дура! Он меня не простит, он гордый. Я же ему еще зимой сказала, чтобы он ко

мне не подходил и что у меня есть любимый парень, военный летчик с Бесовца.

Тут Женя вытерла слезы и, усевшись удобней в постели, начала выкладывать матери последние новости.

-Ты знаешь, Сапаров не будет учиться на втором курсе с нами. Он переводится на вечернее отделение. Я в деканате случайно слышала, как профессор с завканцелярией его обсуждали. Декан сказал, что Саша будет работать директором ресторана "Северный" в гостинице Интуриста.

Тут Женяка снова пустила слезу.

-А я дура набитая, зачем язык распускала? Все девки знают, что я с Митькой факалась. И Сашке они об этом давно доложили.

Тут мама сделала строгое лицо.

-Женя, что за неприличный слэнг в нашем доме. Попрошу, выражаться литературным языком, не забывай, чья ты дочь. Послушай, ты не ошибаешься? Неужели его взяли на должность директора?

-Ничего я не ошибаюсь, - возмутилась та. - Декан тоже удивлялся, все пытался понять, откуда у Сапарова такие связи.

- Мда, неужели мы с Борей ошиблись в прогнозах? - подумала Наталья Николаевна. - Такой скорости в карьере этого паренька трудно было ожидать. Дали мы приличного маху. Надо было этому Мите сразу на дверь указать. Одно хорошо, девочка теперь навсегда запомнит, что такая близкая подруга.

Бывают редкие моменты в жизни, когда она кардинально меняется, разрываясь таким событием на две половины, до и после. Таким моментом для меня послужила неожиданная должность директора ресторана. Я конечно, знал, что так будет, но все равно резко изменившее отношение знакомых и коллег слегка напрягало.

Когда мы с Неванцевым и парторгом треста приехали в гостиницу Интуриста, в зале ресторана уже собирались сотрудники. Они прекрасно знали, кого им сегодня будут представлять, но все равно оживленно переговаривались, как будто не обсуждали мое назначение до этого пару дней.

Сидя в президиуме собрания, я разглядывал знакомые лица. За год работы барменом мне удалось узнать всех работников, притом так, как никогда не узнал бы, работая директором. Вот и сейчас некоторые товарищи скромно отводили глаза в сторону, надеясь, что в таком случае я не припомню их прегрешения.

Неванцев свою речь особо не рассусоливал. Кратко представив меня, предложил задавать вопросы. Вопросов, как и ожидалось, не

появилось. Я в своем выступлении тоже был немногословен. Пообещал, что ничего сверхъестественного у нас не произойдет, и выразил надежду, что наш коллектив и дальше будет трудиться с рабочим настроем и сохранит за собой звание победителя социалистического соревнования. После чего мы с бухгалтером, администраторами и шеф-поваром переместились в директорский кабинет, где провели краткое рабочее совещание. Естественно, я был не в силах сразу охватить все, что сообщили подчиненные, но пообещал разобраться со всем в ближайшее время. Незванцев одобрительно кивал моим речам, а затем, оставив парторга, собрался уходить.

-Завтра у председателя горисполкома коллегия по вопросам торговли, - сообщил он напоследок. - Тебе надо присутствовать. Будь в десять часов в актовом зале. И сходи в парикмахерскую. Павел Васильевич у нас аккуратист, а ты после Кижей, смотрю, в парикмахерскую не заглядывал. -добавил он укоризненно, дождавшись, когда закроется дверь за бухгалтером.

Я провел пятерней по волосам. Действительно, за лето голова прилично заросла, согласно кивнув, заявил, что сегодня же исправлюсь.

Парторг, когда мы остались одни, прочитал целую лекцию о необходимости идеологической работы . Затем, наклонившись ко мне, тихо сообщил:

-Нельзя, Александр Юрьевич, терять бдительность. Вот Лев Абрамович расслабился, потерял хватку, а может, и перерождаться начал. Покрывал своего друга Моисея Яковлевича, а тот видишь, как сына воспитал. Родина ему все дала, а он как отблагодарил? Удрал за границу, пиз.. ныш. Отца под монастырь подвел.

Он огорченно вздохнул и продолжил.

-Я, как партийный организатор тоже несу свою долю ответственности за случившееся. И еще раз напоминаю, что с тебя тоже будем спрашивать за идеально- воспитательную работу в массах. Хотя, что тебе теперь! Мы тут хорошо подчистили товарищей с ущербной пятой графой. Вас теперь тут три коммуниста, так, что должны справиться.

Я же в этот момент с грустью вспомнил Эльштейна, пару дней назад уехавшего в Ленинград. Незванцеву он был давнишним приятелем, но иметь у себя в тресте еще одного потенциального израильтянина, наш нынешний руководитель не пожелал.

Утром следующего дня я одевался под тщательным маминым контролем. Темно-коричневый костюм Ленинградской швейной фабрики им. Володарского сидел на мне, как влитой, не хуже французских брендов,

ослепительно белая нейлоновая рубашка, скромный галстук в косую полоску, запонки темного серебра, все было в тон. Темно-коричневые чешские полуботинки завершали мой прикид. Удовлетворенно кивнув головой, мама сообщила:

-Была бы на двадцать лет моложе, влюбилась бы сразу.

Батя из другой комнаты шутливо крикнул:

-Я вам повлюбляюсь! Смотри, Марина, я тоже налево сбегаю.

Пока родители разбирались кто, куда сбегает, я спрыснул себя тройным одеколоном, еще раз пригладил волосы, подстриженные под канадку, и отправился в путь.

Подъехав к зданию горсовета, некоторое время думал куда припарковаться. У входа стояли два десятка "Волг" и даже один "ЗИМ".

Втиснув свой Москвичонок между ЗИМом и Волгой, я выбрался из него и с минуту разглядывал сверкающую черную машину, пытаясь понять, кто на ней приехал. Как-то раньше такой в городе не замечал.

Вахтера у входа не было, поэтому я свободно прошел вовнутрь и поднялся по широкой лестнице, покрытой ковровой дорожкой на второй этаж. У актового зала толпился народ. Солидные личности негромко переговаривались друг с другом, ожидая начала совещания. В одной из таких компаний я обнаружил Незванцева.

-О! Александр Юрьевич, приветствую! - воскликнул он, энергично здороваясь. Его собеседники с любопытством наблюдали за этой картиной.

-Товарищи, знакомьтесь, Александр Юрьевич Сапаров со вчерашнего дня директор ресторана Северный, прошу любить и жаловать

Через пять минут я познакомился с директором Горплодовоощторга, с директором Горпродторга, директором Горпромторга, Карелглавснаба и Кареллеспрома. Они со снисходительной улыбкой протягивали мне руку, поздравляли с должностью и выражали надежду на долгое и плодотворное сотрудничество. Я в ответ заверил их в искреннем уважении и также сообщил что надеюсь, что постараюсь оправдать их надежды. В конце моего спича, мужчины выглядели слегка растерянными, зато Незванцев был доволен, как кот, объевшийся сметаны.

Было понятно, что высокие номенклатурные работники не ожидали от молодого парня, такой словесной прыти, и сейчас пытались перестроиться под новую реалию.

Но тут нам предложили проходить в актовый зал и все устремились туда.

Количество мест там явно превосходило количество присутствующего начальства, поэтому все уселись в передних рядах.

В президиуме уселись в середину Иван Ильич Сенькин, первый секретарь обкома партии, слева от него сел Павел Васильевич Сепсяков, мэр нашего города а сидевший слева товарищ был мне незнаком.

-Это кто? - шепотом спросил я у Незванцева, сидевшего впереди, передо мной.

-Кржановский, председатель КГБ, - шепнул тот мне в ответ.

- Понятно, - подумал я. - учет и контроль наше все.

Коллегия оказалась длинной, Сепсяков оказался изрядным занудой, в первой жизни у меня не было возможности это узнать. Он докапывался до каждой неурядицы и ошибки. Директор Горплодовоощторга сидевший рядом со мной уже один раз кинул в рот таблетку валидола.

В перерыве ко мне подошел Незванцев и сказал:

-Потом в буфет сходишь, сейчас пошли со мной. Мы поднялись еще на этаж, и зашли в приемную Сепсякова. Секретарша кивком показала на дверь начальника и мы прошли в нее.

В большом кабинете сидели трое. Иван Ильич Сенькин, отхлебывая чай, активно жестикулировал и что-то рассказывал Сепсякову и Кржановскому. Увидев нас, он замолчал и вопросительно глянул на мэра.

-Вот Иван Ильич, - сказал тот. - Выполняем ваше требование по обновлению кадров, как говорится, молодым везде у нас дорога, вот представляю вам нового директора ресторана в гостинице Интуриста. Молодой активный товарищ.

Иван Ильич отставил стакан с чаем и вперил в меня свой взгляд.

-Ну-ка, ну-ка, что это у тебя на пиджаке? - неожиданно спросил он.- Подойди поближе. Ты, что отцовский пиджак надел? Как посмел орденскую планку носить!?

Незванцев кашлянул, но я успел раньше.

-Товарищ Сенькин, Иван Ильич, это моя планка. Партия и Правительство сочли возможным наградить меня Орденом Красной Звезды во время службы в армии.

-Даже так, ну прости, меня старика, не понял сразу, - обмякнув, сообщил Иван Ильич.

После чего, повернувшись к Незванцеву, сказал.

- Валерий Георгиевич, это хорошо, что вы находите таких людей среди молодежи, но не кажется ли вам, что ваш протеже еще молод для этой работы.

Тут неожиданно открыл рот, молчавший до этого Кржановский.

-Товарищи, есть мнение, что коммунист Сапаров Александр Юрьевич справится с порученным ему делом. Ну, а если не будет

справляться, партия найдет ему участок работы по силам.

Несколько секунд царило молчание, затем Иван Ильич хлопнул рукой по столу.

-Точно! Мне же докладывали о тебе, Александр Юрьевич. Но я все равно человека старше представлял. Поэтому сразу не дошло, никак не мог сообразить, что речь шла именно о тебе.

Он посмотрел на присутствующих и сказал:

-Видите товарищи, не зря наши идеологи работают, комсомол, раз у нас такая молодежь растет. Достойная смена нам будет.

Тут Сенькин ухмыльнулся.

-А ты парень, шустер, успеваешь не только на торговом поприще. Оказывается ты ходок еще тот. Мне вчера Борис Семенович Гордин звонил, так он, между делом о тебе вспомнил. Пожаловался, что его дочка по тебе сохнет, а к ней носа не кажешь.

Представляете товарищи, - обратился он к присутствующим. - парень дочку корреспондента газеты "Правда" обаял, так, что та рыдает днем и ночью.

Кржановский встретил эту новость без особого интереса, Сепсяков же внимательно вглядывался в меня, как бы пытаясь понять, что во мне привлекло девушку, отец которой работает в печатном органе ЦК КПСС, и через какое-то время покинет мелкий провинциальный городок.

А вот взгляд Неванцева мне не понравился. Его прищуренный оценивающий прицел, как бы говорил:

- Недооценил я тебя, товарищ Сапаров, недооценил, твоё место в раскладах, похоже, надо менять на козырное. Слишком ты шустройший парень.

.
Что-то говорить в ответ на слова первого секретаря обкома было бы глупо, поэтому я только виновато улыбнулся и пожал плечами.

-Ты то сам, товарищ Сенькин, не дурак гульнуть на стороне, - думал я в этот момент. - Мог бы, и промолчать, или наедине передать, не вспоминать при всех.

В той жизни я был хорошо знаком с его внебрачным сыном. Владимир Иванович был большой любитель охоты с гончими, и с удовольствием учил меня ее азам.

- А Женяка, оказывается еще та сучка, не успела узнать, что ее летчика увеличили, как тяжелую артиллерию в ход пустила в виде папаши. Блин! Это что? На меня уже наезд идет, или просто Сенькин развлекается? Но Гордин же не просто так ляпнул ему про меня, значит, следует ждать продолжения.

Однако продолжения не последовало. Разговор на этом завершился, И мы с Валерием Георгиевичем покинули кабинет начальства.

Вот только беседа у меня с ним не клеилась. Чувствовалось какое-то напряжение между нами.

-Черт, как бы ему дать понять, что под него копать не собираюсь, - напряженно думалось мне.

-А один хрен, все равно не поверит, - решил я и молча дошел вместе с ним до актового зала.

После перерыва, Сенькина и Кржановского в президиуме не оказалось. Павел Васильевич перестал злобствовать, и работа пошла шибче. Видимо всем тоже хотелось закончить со всеми вопросами быстрее.

По окончанию коллегии я поймал Незванцева, когда он уже садился в Волгу.

-Валерий Георгиевич, погодите секунду! - крикнул я.

Мой шеф устало улыбнулся.

-Ну, что еще у тебя, говори, да я поеду домой. Мне сегодня Сепсяков всю душу вымотал своими вопросами. Сам же слышал.

-Валерий Георгиевич, я тут сабантуй небольшой хочу организовать, по поводу моего назначения, так вот, приглашаю вас посетить этот скромный праздник. Планирую его на эту субботу в семь вечера, в ресторане "Петровский"

-А чего не у себя? - ехидно спросил Незванцев.

-Вот же гад, все понимает, но все равно прикальвается,- подумал я и сказал:

-Ну, как-то не хочется проводить такое мероприятие на работе. У нас даже нет отдельного зала на такой случай. А в Петровском будет вполне комфортно, а главное приватно.

-Ишь, ты! Какие слова знаешь! - восхитился Валерий Георгиевич, - Не зря, значит, учишься сразу в двух вузах. Хорошо, приду на твой сабантуй, вместе с женой. Может, ты тоже девушку свою пригласишь. Она тогда рыдать перестанет и отец не будет в обком названивать.

-Все-таки уел, паразит, - пронеслась мысль в голове.

-Там, все сложно, Валерий Георгиевич, сложней, чем Иван Ильич излагал. От девушки жених потенциальный сбежал к ее подруге, вот она и бесится, а отец ей, видимо, помочь решил, звонками.

- Вот оно что, - усмехнулся мой начальник, на глазах проникаясь ко мне сочувствием. - Тогда советую быстрей завести другую девицу, и вообще пора тебе становиться семьянином, женитьба придаст необходимую солидность. Тогда о кооперативной квартире можно будет

думать.

Слова Незванцева о знакомстве оказались пророческими в этот же день. Завернув за угол своего дома, я сбил бегущую с ведром девушку. Вернее, она сама выскочила прямо под колесо. Пустое ведро покатилось в одну сторону, девушка в распахнутом пальто в другую.

Я выскочил из машины и кинулся к ней. Пострадавшая уже сидела на асфальте и улыбаясь глядела на меня.

- Лариса, у тебя все в порядке, - тревожно спросил я, наклоняясь к ней. Узнать девушку было нетрудно, такие ярко рыжие волосы и веснушки имелись у девчонки из соседнего подъезда. Учились она двумя классами младше меня. В школу мы частенько ходили вместе, болтая о всякой чепухе, естественно, я при этом называл ее рыжей и никак иначе. Потом она как-то стала избегать совместных прогулок, и незаметно ушла из моей жизни.

А сейчас она сидела на мокром асфальте и радостно улыбалась, непонятно чему. От этой улыбки моя беспокойность немного ушла,

- В порядке, только коленку ушибла, - сказала Лариса и попыталась встать. С моей помощью это удалось сделать. Я довел девушку до скамейки у входа в подъезд, усадил на нее, и принес ведро.

-Посиди минуту, я поставлю машину и помогу тебе подняться.

Поставив машину, я побежал обратно. Лариса, не дожидаясь меня, уже поднялась со скамейки.

Вместе мы поднялись на второй этаж, и зашли в распахнутую настежь дверь квартиры.

- Я только на минутку вышла, помойное ведро выкинуть, - сказала девушка, увидев мой вопросительный взгляд.

Мысленно я приготовился к неприятным объяснениям с мамой Ларисы и очень обрадовался, когда Лариса сообщила, что дома одна.

- Родители уехали к папиному брату в Тюмень, на две недели. Попросили меня приезжать цветы поливать. Ну, я заодно решила еще уборку сделать.

-А ты разве не здесь живешь? - удивился я.

-Нет, я в Лоухском районе живу, работаю учительницей начальных классов, сообщила Лариса, снимая пальто.

Оставшись в откровенном домашнем халатике, она вдруг резко покраснела, и нагло запахнув его, ринулась в комнату. Уже оттуда крикнула.

-Ты раздевайся, проходи на кухню.

Я разделся, отыскал тапочки по размеру и прошел на кухню.

Ничего особенного там не было. Но чистота царила идеальная. Через пятнадцать минут появилась Лариса. Вместо халата на ней был строгий черный костюм, видимо она в нем ходила на работу. В ее ушах появились дешевенькие сережки, и в воздухе повеяло ароматом Красной Москвы.

Рыжие волосы были сплетены в толстую длинную косу.

-Ты чай будешь пить? - спросила она смущенно. Тут из глубин моей памяти выплыл нечаянно подслушанный разговор семиклассниц.

В раздевалке болтали несколько девчонок, не подозревая о моем присутствии.

-А мне, девки, нравится Сапаров Саша, когда школу закончу, я за него обязательно замуж выйду, - сказал одна из них, по голосу похожая на Лариску Ветрову.

-Ой, прямо так и выйдешь! На него знаешь, сколько девок заглядываются, тебе рыжухе с веснушками там делать нечего, - раздался скептический голос еще одной девицы. Тогда я даже не обратил внимания на эти слова. Но сейчас с новым интересом смотрел на девушку, для которой, оказывается, был первой любовью.

Мы пили грузинский чай и заедали его жесткими мятными пряниками.

Я смотрел на свою соседку и думал, что зря не обращал раньше на нее внимания. Из голенастого гадкого утенка выросла замечательная девушка. Она не была красавицей, но шарма и очарования в ней было предостаточно, хотя, возможно, так казалось только мне.

-Лариса, а ты случайно не замужем? - спросил я в один момент.

- Еще чего! - возмутилась та. - Даже не собираюсь.

Она даже порозовела от возмущения.

-А за меня пойдешь? - неожиданно для самого себя, спросил я.

Чашка с чаем выпала из рук девушки и ударившись о пол, раскололась пополам.

Одновременно нагнувшись за ее останками, мы стукнулись лбами.

Потирая лоб, я выдал:

-Посуда бьется, жди удач.

- Я согласна, - неожиданно сказала Лариса.

-На, что? - не понял я.

-Согласна выйти за тебя замуж.

Это было, как ураган, как наваждение. Наверно у нее в роду были ведьмы. Иначе я не могу объяснить, испытанные эмоции.

Когда и как мы очутились в кровати, не помню ни фига. Когда наваждение закончилось, часы на комоде показывали половину девятого

вечера.

-Родители меня потеряли, - подумал я. - Машина часов с пяти во дворе стоит, а водителя нет.

На моем плече сопела Лариса. Рыжие волосы из развившейся косы занимали всю подушку. Одной рукой она обнимала меня, как будто боялась, что я уйду, пока она спит.

Она не была девушкой, но мне это было все равно. Впервые в этой жизни встретил женщину, от которой у меня реально сносит крышу, и не собирался так просто расставаться с Ларисой.

-Ладно, с женитьбой, конечно, погорячился, но никто не говорит, что надо уже завтра бежать в загс. Это дело нехитрое,- думал я. - Посмотрим, для начала приглашу ее на послезавтрашнюю встречу, в ресторане. А завтра сыграю роль Ричарда Гира и приодену простушку, а то мои гости меня точно не поймут. Конечно, у меня таких возможностей не имеется, как у американского миллионера, но и время сейчас другое, обойдемся складом Горпромторга, а еще лучше, с утра позвонить Ирине Алексеевне.

- Чудо рыжее мое, просыпайся, - шепнул я девушке. Та, открыла глаза и сразу натянула на себя одеяло, укрыввшись с головой.

-Эй, ты чего спряталась?

-Мне стыдно, - глухо донеслось из-под одеяла.

Уговаривать Ларису я не стал и принялся одеваться. Когда, одевшись, я подошел к двери, одеяло сдвинулось, и оттуда показалась рыжая голова.

-Ты, что так и уйдешь, даже не попрощаешься? - обиженно спросила девушка.

-Ну, если некоторые девицы не хотят высунуть нос из-под одеяла, ничего другого делать не остается, - был мой печальный ответ.

-Хотят, хотят, - закричала Лариса и, накинув комбинацию, побежала ко мне.

-Так то лучше, - сообщил я в ответ и мы снова начали целоваться. Потом еще немного посидели на кухне, я, не вдаваясь в подробности, сообщил, что завтра мы должны совершить тур по магазинам, потому, что послезавтра у меня званный вечер по случаю новой должности.

Услышав, что это за должность, Лариса на время потеряла дар речи. А потом до моего ухода не могла придти в себя.

Домой я пришел в десять вечера. Маман была на вздрыве, она уже звонила в ресторан, интересовалась, нет ли меня там. Поэтому сразу набросилась с упреками.

- Ну, мамочка прости, так получилось. Я у девушки задержался.

- У какой такой девушки,- сразу спросила та.

- Из соседнего подъезда.

Мама посмотрела на меня со странным выражением. Потом глянула на отца.

-Ну, что я говорила!- победно крикнула она. - А ты все рыжая, рыжая, несимпатичная. Понял? Не спорь со мной никогда.

-Мама, как ты догадалась? - удивленно спросил я.

-Эх, мужики, ничего вы вокруг себя не видите, - сообщила она. - Эта девочка на тебя глаз положила давным-давно, я лет шесть назад заметила, как она тебя за углом караулит, чтобы вместе в школу идти. Хорошая девочка, вежливая, старательная. Молодец, добилась своего. Умница. Не то, что твои прости господи, которых ты на дачу возишь. Может, хоть теперь успокоишься?

В общем, через несколько минут разговора мама уж начала соображать, что она наденет на свадьбу сына, кандидатура Ларисы устраивала ее полностью.

Меня она пока тоже устраивала, вот только женитьба в мои планы никак не входила. К сожалению, гражданский брак сейчас не приветствовался, а уж мне, как коммунисту, и подавно.

Утром, когда я вышел на улицу, Лариса уже стояла там, дожидаясь меня. В своем зеленом кримпленовом пальтишке и желтой пушистой кепке, она напоминала нахохлившегося цыпленка. Я подавил невольный смешок и сказал:

- Привет, солнышко, мое, ты не слишком легко оделась?

Девушка явно замерзла, в своем демисезонном прикиде, но храбро заявила, что все прекрасно.

Поцеловав дрожащие холодные губы, я усадил ее в машину и быстро завел двигатель. Ждать от печки Москвича быстрого прогрева не стоило, поэтому мы сразу поехали ко мне на работу.

Все-таки женщины - существа странные, где-то они ничего не понимают, но то, что со мной приехала не будущая официантка или повариха, они просекли сразу. Когда я усадил Ларису за столик и попросил напоить ее горячим чаем, официантки понятливо переглянулись и одна из них понеслась на кухню.

Быстро разобравшись с неотложными вопросами, я позвонился Ирине Алексеевне и в одиннадцать часов поехал с Ларисой в комиссионный магазин.

Меня ждали, Ирина Алексеевна даже вышла нам навстречу.

-Александр Юрьевич, добрый день, рада вас видеть, хорошо, что вы нас не забываете. Познакомите меня с вашей прелестной спутницей? -

протараторила она.

Лариса, чувствующая себя весьма неловко, засмутилась, и мгновенно залилась краской, что на веснушчатом лице выглядело необыкновенно привлекательно.

-Конечно, Ирина Алексеевна, это моя подруга Лариса, кроме этого она еще соседка по дому.

Завмагазином понадобился всего один взгляд, чтобы оценить мою спутницу и в ее глазах мелькнуло одобрение.

Я вновь обратился к ней.

-Ирина Алексеевна, спасайте, на вас одна надежда. Завтра у меня мероприятие, по поводу новой должности, а у Ларисы нет ничего под рукой. Помогите, если можете. Кстати вот, возьмите, это вам приглашение на завтра. Празднование состоится в "Петровском", жду вас с мужем, отказа не принимаю.

Я протянул женщине открытку с приглашением.

Ирина Алексеевна задумчиво взяла ее в руки, поблагодарила, затем оглядела нас и подозвала старшую продавщицу.

-Катя, зайдись девушкой, надо будет подобрать ей вечернее платье, белье, ну, что я тебе объясняю, сама знаешь, в общем, полный набор. А мы с Александром Юрьевичем поsekretничаем.

Катерина взяла опешившую Ларису за руку и потянула за собой. Та кинула на меня беспомощный взгляд, но я только кивнул, намекая, чтобы она делала то, что ей говорят.

В кабинете Ирина Алексеевна, первым делом включила кофеварку, затем приоткрыла форточку и закурила, оставшись у окна.

- Александр Юрьевич, ты знаешь, я тут вспомнила наш первый разговор четыре года назад, ведь тогда еще подумала, что этот парень далеко пойдет. Но не представляла, что так быстро. Молчи, не возражай. Все так и есть. Конечно, если бы не некоторые проблемы в тресте, вряд ли бы тебя так быстро провели по карьерной лестнице, но что есть, то есть. Можно сказать, что повезло а можно, что и заслужил.

Мне нравится твоя девочка, чувствуется в ней шарм, знаешь, бывают очень красивые девушки, но проходит год, два и красота уходит. А у твоей этот шарм останется на всю жизнь. Вот только сомневаюсь, сможешь ли ты огранить этот алмаз, снять лишнее, чтобы бриллиант засиял всеми гранями.

От слов заведующей уже стало неловко мне самому.

-Ну, вы, Ирина Алексеевна, прямо поэму мне рассказываете, бриллиант, огранка. Можно было бы и проще сказать, воспитывать надо себе жену, - пробормотал я.

Ирина Алексеевна коротко хохотнула и согласно кивнула головой.

-В вашем тандеме ты всегда будешь головой, но не забывай, что голова смотрит туда, куда поворачивается шея. Понятия не имею, какой женой будет твоя подруга. Я говорила лишь о внешности. Но для взгляда со стороны она будет тебе достойной парой.

Я вздохнул.

-Ирина Алексеевна, это радует, конечно, но не все так просто.

-Что-то я тебя не понимаю, Саша, - моя собеседница приняла предложенный интимный тон. - Ты сомневаешься в своем выборе?

Я молча кивнул.

-Хм, все понятно, - негромко констатировала она. - Начальство наседает?

-Ну, где-то так, - согласился я. - А я еще ничего не решил.

Теперь вздохнула Ирина Алексеевна.

-К сожалению, ничем помочь не могу, девушку я не знаю, и советовать ничего не буду.

Я улыбнулся.

-Да мне советы не особо нужны, это я так, просто с вами поделился сомнениями. Думаю, что в ближайшее время решу, что делать.

Мы поговорили, выпили кофе, потом еще поговорили. Я уже тревожно посматривал на часы, когда дверь кабинета распахнулась и в него зашла преображенная Лариса. Сейчас передо мной стояла элегантная молодая женщина, выглядевшая немного старше своих девятнадцати лет. Темно-зеленое платье малахитового оттенка великолепно подчеркивало ее фигуру. Девушка беспокойно глядела в мою сторону, ожидая вердикта, а у меня просто не было слов.

-Александр Юрьевич, - обратилась ко мне Катерина. - Я позвонила в парикмахерскую, вам оставили номерок на три часа.

Расплатившись за покупки и наговорив кучу комплиментов продавщицам, мы поехали снова в гостиницу. Зеленое кримпленовое пальто, вместе с шапкой, завернутое в оберточную бумагу, было безжалостно закинуто в багажник. С новым пальто оно и рядом не лежало, хотя было сшито в ателье, а новое было польским ширпотребом.

Около трех часов я отвез Ларису в парикмахерскую и договорился, что зайду к ней вечером.

Когда за ужином я сообщил, что ухожу в гости и чтобы до утра меня не ждали, мама многозначительно переглянулась с отцом, но благосклонно кивнула.

Следующим утром послеочных безумств, вставать было тяжко. Но

надо было идти на работу. Позавидовав Ларисе, продолжавшей спать, тихо собрался и ушел домой, благо идти нужно всего до соседнего подъезда. Переодевшись и даже не позавтракав, я отправился на работу.

В двенадцать часов позвонил Ларисе, радуясь наличию у них дома телефона, напомнить, что заеду за ней часов в шесть вечера и чтобы она была готова к этому времени.

Лариса Ветрова, тем временем хлюпала носом, не зная, что делать. Сложившаяся ситуация ее совсем не радовала. Предложение Сапарова о замужестве прозвучало так неожиданно, что она ответила согласием, сама того не ожидая. Более того, она не могла и подумать, что тот воспримет все так серьезно. Нет, сумасшедший вечер и следующая ночь не оставили ее равнодушной. В какие-то моменты она, возможно, даже начинала любить своего партнера, но только в какие-то. От школьных воспоминаний, ее отделяли годы учебы в педучилище, и она не была той наивной девчушкой, ждущей за углом дома, когда из подъезда появится ее обожаемый сосед. Она уже год работала в леспромхозовском поселке, где ее приезда с нетерпением ожидал Денис, водитель лесовоза, пышущий здоровьем молодой кудрявый парень, отлупивший из-за нее не одного поселкового друга.

То, что шутки кончились, Лариса поняла, когда следующим днем Саша привез ее в комиссионный магазин и выложил, не моргнув глазом, за модные шмотки три ее месячные зарплаты.

И сейчас она сидела у зеркала, в одной комбинации и рыдала горючими слезами. Только что позвонил Денис, он специально после работы забежал в контору, где стоял телефон, с которого можно было по номеру, без заказа на почте, позвонить по межгороду.

-Ларочка, милая, как ты там? Еще не надоело за цветочками смотреть? Или ты там себе утешителя нашла?

При этих словах Денис засмеялся, но ревнивые нотки в голосе скрыть не смог. Дальше он сообщил, как сильно скучает и ждет ее возвращения. Лариса заверила его, что все хорошо и ночью с воскресенья на понедельник она приедет.

-Ай! Будь что будет, - обреченно подумала она и начала одеваться. Отказаться от вечера в ресторане с видными людьми города было выше ее сил.

Когда я приехал за Ларисой, та была уже готова, что меня немало озадачило. Из прошлой жизни мне удалось вынести стойкое убеждение, что женщины органически не могут сделать все вовремя.

-Видимо бывают исключения, - решил я, разглядывая свою подругу.

Грустное лицо и заплаканные глаза было трудно не заметить.

Расспрашивать ее не решился, боясь нарваться еще на один слезливый заход, что было крайне нежелательно. Но зарубочку в памяти сделал. Несмотря на грусть, выглядела Лариса великолепно, и я еще раз похвалил себя за удачную спутницу на сегодняшний вечер.

В ресторан мы приехали, когда столы в зале уже заканчивали накрывать. И можно было уже ожидать первых гостей.

Первой появилась Наталья Петровна с мужем.

-О, генацвале, ты совсем мужчина стал! - завопил Гиви Хорбаладзе. - Где тот малчик, что пришел несколько лет назад к нам шашлычную?

Ах, какая у тебя девушка, глаз не оторвать! Познакомь нас скорее, пачему я такую не встретил раньше!

Тут он осекся и виновато глянул на жену. Та насмешливо глядела на него, как бы намекая, дома поговорим.

Небольшой зал понемногу заполнялся гостями. В основном все были сотрудниками нашего треста.

Лариса первые минуты, стоявшая моей безмолвной спутницей понемногу ожила и начала улыбаться гостям, а затем ее утащили с собой девочки из бухгалтерии и, отведя в сторону, устроили допрос с пристрастием.

Незванцев, как и полагается начальнику, явился позже всех, но в пределах разумного.

Ларису к этому времени девчонки уже "выпотрошили" и сейчас докладывали свои выводы главбуху и секретаршу директора.

Я же наблюдала краем глаза за этим непотребством, пытался понять, что так долго могла рассказывать моя подруга, сейчас стоявшая рядом.

- Недавний комсомольский вожак в пять секунд обаял мою спутницу. Пара шутливых комплиментов и Лариса уже заливисто смеялась, запрокидывая голову. Было понятно, что она Незванцеву явно понравилась, я, пожалуй, никогда не видел его таким увлеченным беседой. Кстати это понятно был не только мне, но и Екатерине, жене Валерия Георгиевича. У нее явно испортилось настроение.

- Что же мы стоим? - воскликнул я, пытаясь разрушить ситуацию. - Катерина Александровна, Валерий Георгиевич, прошу, проходите, ждем только вас.

Незванцев нехотя прошел за стол и уселся на приготовленное для него и жены место между главбухом Вероникой Матвеевной и парторгом.

Наступила всем известная неловкая фаза таких событий, когда люди, собравшиеся за столом, не знают, что им дальше делать, особенно, когда

плана мероприятия никто не составлял. Через три стопки неловкость проходит, и настроение собравшихся гостей стремительно улучшается.

Однако я не собирался пускать все на самотек. Поэтому в этот момент в зале появился известный всему городу артист.

Его появление вызвало гул в зале, а через мгновение, забыв обо мне, гости захлопали в ладоши. Залман Наумович Эстрин в костюме Попандопуло вальяжно подошел ко мне, вытащил из кармана ассигнацию и с жутким еврейским акцентом спросил:

- Хочешь миллион?
- Хочу, ответил я.
- Держи, - сказал Эстрин.

Когда он оторвал половину купюры и сунул мне в руки, зал истерически захохотал.

Пару минут мы вели с ним выученный диалог под непрерывный смех гостей. Затем Эстрин сказал еще несколько слов от себя и попросил наполнить бокалы.

Я видел, как многозначительно переглядывалось мое начальство. Вероятно, они прикидывали какие силы, я воздействовал, чтобы пригласить артиста такого ранга. А ларчик открывался совсем просто, мамина старшая сестра жила с Эстриным на одной лестничной площадке.

Через какое-то время, когда закончились поздравления и торжественные речи, народ расслабился. Мужчины вышли покурить, женщины поправить прическу. Я же горячо поблагодарил

Залмана Наумовича за работу и проводил его до вызванного такси. Ему пешком было идти до дома пять минут, но надо было уважить пожилого человека, потратившего на меня столько времени.

Когда я повернулся, чтобы зайти обратно в ресторан, на невысоком крыльце в одиночестве стоял Неванцев и задумчиво курил сигарету, насмешливо глядя на меня.

- Знаешь, Юрьевич, а ведь ты для меня загадка, - неожиданно признался он, когда я подошел поближе. - Притом с первой встречи. И никак не могу ее разгадать.

Он затушил сигарету и аккуратно опустил ее в урну.

- Понимаешь, я для себя как бы расставляю людей, знакомых, подчиненных, прочих, по нишам. Этого сюда, этого туда. А для тебя ниши не могу определить. Вроде уже вот оно, сюда, ан, нет, опять ты ломаешь все штампы. Скажи, зачем ты рыжую сюда привел? Просто для вида? Не надо семи пядей во лбу быть, чтобы понять, нет у вас любви. Иначе бы она на мои слова так не откликалась. Да и ты равнодушно смотрел, как я ее клею.

Хоть бы для вида нахмурился. Катюша и то сразу просекла, что этой Ларисе ты не особо интересен, а она тебе. Послушай дружеский совет, пошли ее на х.. Обрати лучше внимание на Маринку из экономического отдела. Хорошая девушка, умная, порядочная, что в наше время немаловажно, и на тебя глаз давно положила. А ты всяких рыжих находишь, которым только мигни, они уже трусы снять готовы. Да, ты не обижайся! - воскликнул он, увидев, что я что-то хочу сказать.

- Я, как старший товарищ, по-дружески тебе объясняю ситуацию. Со стороны, как говорится, виднее. Понимаешь, тебе сейчас нельзя влипать во всяческие неприятности.

Он посмотрел по сторонам и, не увидев никого, продолжил.

- Думаю, ты понимаешь, кому обязан своей карьерой.

Я в ответ кивнул с умным видом.

-А тогда должен понять, что мне точно также не нужны проблемы. И надеюсь, ты мне их не доставишь. Если бы ты знал, сколько мозолей пришлось отдавить, пока тебя пробили на это место!

Валера тяжело вздохнул, а затем, улыбнувшись, хлопнул меня по плечу.

-А с Эстриным, ты здорово придумал. Не ожидал, не ожидал. Все в восторге были. Эх, жаль, не было некоторых товарищей. Ладно, пошли, все уже, наверно, за столом сидят, а виновник торжества отсутствует.

Я шел за своим непосредственным начальником, мои щеки горели от стыда. Только что семидесятилетняя сущность в теле юнца выслушала вполне справедливые упреки от мужчины, чуть старше тридцати лет. Конечно, как он только что сказал, со стороны виднее. Но почему сам то не подумал об этих проблемах. Неужели так действуют гормоны, и тело думает совсем другой головой.

-Нет, в будущем стоит действовать осмотрительней, - подумал я. - И вообще, надо присмотреться к этой Марине, с чего это Георгиевич мне ее так расхваливал.

Наше появление почти никто заметил. Торжество как раз перевалило на тот момент, когда собравшиеся разбиваются на группы по интересам и горячо обсуждают интересные им темы.

Несколько пар ушли в большой зал, где играл оркестр, и танцевали под его музыку.

Лариса сидела одна и грустила. Мое появление немного отвлекло от грустных мыслей. Она слабо улыбнулась и сказала:

- Что-то ты долго артиста провожал, мне даже выпить захотелось.

Она налила себе фужер белого вина, а мне рюмку водки. Взяв фужер

в руки, пристально глядя на меня, она произнесла:

- Давай за то, чтобы у нас все было хорошо.
- Давай, - согласился я.

Отпив глоток, Лариса поставила фужер, нервно оглянулась по сторонам и решительным тоном сказала:

-Саша, прости меня, пожалуйста, я не выйду за тебя замуж.

Сложно сказать, какие чувства испытывал я в этот момент. Наверно больше всего злился на самого себя, пару дней назад спонтанно, предложившего рыжей девушке стать женой. Странная смесь обиды и облегчения поселилась в моей душе.

-Почему? - удивленно произнес я - Мы вроде бы уже все решили.

-Ничего мы не решили, - уже слегка раздраженно сообщила Лариса. - Мы действовали под влиянием момента. Я согласилась не подумав. А сейчас понимаю, что ошиблась. Саша, ну, пожалуйста, прости меня, глупую. Зачем я тебе. Я же не слепая, вижу, как меня все здесь разглядывают. Не пара я тебе.

-Э, нет дорогая, - думал я. - здесь другие соображения работают.

-Лариса, признайся, у тебя есть любимый человек, из-за него ты отказываешь мне, - спросил я.

- Девушка молча кивнула. На глазах у нее появились слезы.

Нашу беседу прервал Гиви Хорбадзе бесцеремонно усевшийся рядом со мной.

-Мэгобари, чего грустим в такой день. Зачем девушки абижаешь, оставил одну.

Он повернулся к Ларисе.

- Скажи, он тебя обижал? Если да, я его на дуэл вызывать буду.

Хоть и говорил он это шутливо, Лариса испугалась.

-Ой, что вы, мы просто разговариваем.

Однако от Гиви так просто было не отделаться. Как заправский тамада он привлек внимание тех, кто оставался за столом, заставил наполнить бокалы и рюмки и, сказав длинный цветистый тост, первым осушил до дна свой бокал.

-Идем танцевать, - шепнул я Ларисе, - иначе нас напоят до кондиции.

Когда мы вошли в толпу пар, танцующих медленный танец, Лариса снова заговорила.

- Саша, я тебя ни в чем не виню, это была моя ошибка. Сама не понимаю, это было наваждение какое-то.

Я же, обнимая партнершу за гибкую талию и ведя ее в танце, размышлял:

-Действительно, ошибка, так ошибка. Но, я то, как мог так лохануться, мне ведь не девятнадцать лет, как этой девочке. Чего на меня нашло? Тоже не фига не понимаю. А ведь тогда казалось, что лучшей девушки нет на свете.

Лариса, между тем, продолжила говорить.

- Ты не переживай, я завтра тебе всю одежду верну.

Я усмехнулся и, отрицательно качнув головой, ответил:

-Даже не думай. Считай это подарком.

Остаток вечера прошел уже без проблем. Лариса после разговора резко повеселела, с удовольствием танцевала со мной все танцы.

После десяти вечера гости начали понемногу расходиться, потому пришлось стоять у дверей и прощаться с каждым.

Невзанцев ушел одним из первых, сказав, что все прошло отлично. Особо он отметил мои хорошие отношения с начальником контрольно-ревизионного управления при СовМине республики.

-Ты, Юрьевич, молодца, даже не ожидал, что Кирьянов к тебе придет на торжество. Когда только успел с ним познакомиться?

В ответ я только улыбнулся. Ни к чему было объяснять, что Николай Гаврилович Кирьянов тоже человек и ничто человеческое ему не чуждо. Как и будущий наш президент, он, будучи четыре года назад еще ревизором, любил зайти в шашлычную и посидеть, откушав шашлык под парочку кружек пивка. А в баре выпить на дармовщинку пару коктейлей. Притом вполне понимая, что мне придется каким-то образом их компенсировать.

Было понятно, что помочь от него в решении каких либо проблем, не дождаться ни при каких условиях. Но и специально создавать их мне Кирьянов не будет. Невзанцев сам отлично знал эту кухню, поэтому присутствие начальника КРУ его приятно удивило.

Мы с Ларисой уселись в такси, когда распрощались с последними гостями.

Недолгая дорога до дома прошла в молчании.. Не знаю, как Лариса, а мне просто не хотелось разговаривать.

Выйдя из такси, мы также молча продолжали глядеть друг на друга.

-Ну, я пойду? - наконец, робко спросила девушка.

-Иди, - хмыкнул я.

Она дернулась к подъезду. Потом остановилась, подошла ко мне.

-Прости,- прошептала она и, поцеловав меня в щеку, медленно пошла к двери. Дождавшись, когда та захлопнулась за ней, я пошел к себе.

-Пора своей квартирой озабочится, - думал я, поднимаясь по

ступенькам.

Мама, как обычно, не спала. Она удивленно посмотрела на мою мрачную физиономию и сказала:

-Я вообще-то тебя не ждала. Думала ты, снова останешься у Ларисы. Вы с ней поругались?

-Что-то вроде того, - промямлил я.

-Бывает, - легко согласилась мама. - К нам, женщинам подход нужен. Ну, ничего, сегодня поругались, завтра помиритесь.

Я с трудом сдержал смешок. В кои веки она ошибалась. Вряд ли у нас с рыжей что-то получится. Завтра она уедет в северный леспромхоз к своему парню. Мысленно я его пожалел. Еще не женившись, мужик заслуженно носит рога, пока еще не ветвистые, но кто знает, что будет дальше.

Коротко рассказав маман, как прошел сабантуй, я отправился спать.

Уснул довольно быстро, хотя неоднократно ловил себя на мысли, не отправиться ли к Ларисе, скорее всего она будет не против. Но все же переборол эти позывы и под монотонный счёт овечек засопел.

Утром мрачные мысли рассеялись, Тем более за окном ярко светило солнце, намекая на ясный и погожий день. И за завтраком мы с батей решили съездить сегодня на свои заветные места за форелью, идущей сейчас на нерест в речки и ручьи.

Время шло. Не скажу, что у меня все получалось, но особых ляпов и ошибок я не совершал. Без сомнения, помогал опыт руководящей работы, накопленный в прошлой жизни. Через пару месяцев к тому, что рестораном командует двадцати одинолетний парень, привыкли все. Понемногу налаживались нужные связи, на совещаниях никто не кидал в мою сторону удивленных взглядов. Незванцев, как-то раз, вяло поинтересовался, куда пропала моя рыжая подруга. Услышав, что та уехала в деревню, понимающе улыбнулся и больше ее не вспоминал. Я же присмотрелся к Марине- экономисту и понял, что столько не выпью. Но удивлялся пожеланию Валерия Гергиевича только до того момента, когда узнал, что папа у Марины первый секретарь горкома партии. Но все равно решил, что и после этой новости мне столько не выпить.

Единственным человеком, жалевший об отъезде Ларисы и нашей несостоявшейся свадьбе, являлась мама. Она проела мне всю голову, требуя, чтобы я съездил к ней и уговорил вернуться.

Но и она постепенно успокоилась и вспоминала о рыжей все реже и реже.

В начале декабря мне позвонил Незванцев и попросил срочно

приехать в обком партии.

-Александр Юрьевич, давай быстро, одна нога здесь, другая там. Партбилет, надеюсь, у тебя с собой? Если нет, сгоняй до дома. Как приедешь в обком, поднимайся на второй этаж к первому секретарю.- Сообщил он.

На мои попытки выяснить, что вообще происходит, Валера отвечать не стал и кинул трубку.

Когда я, вспотевший от быстрой ходьбы, вошел в вестибюль, у гардероба уже раздевался Сепсяков. Он улыбнулся, и, протянув руку, констатировал:

- Ага, тебя тоже привлекли.

Выяснить куда меня привлекли я не стал, и вместе с председателем горисполкома отправился в кабинет Сенькина.

В огромном кабинете первого сидели несколько человек большинство мне были знакомы. Сидевший рядом с Иваном Ильичем отец Жени Борис Семенович Гордин приветливо кивнул мне.

-А он то, что тут делает? - удивленно подумал я. В этот момент Сенькин нетерпеливо постучал карандашом по пустому стакану.

-Товарищи, все в сборе, прошу внимания. Сегодня мы обсуждаем вопрос государственной важности. Согласно договоренности с финской стороной в Петрозаводске на следующей неделе должна пройти встреча президента Финляндии Урхо Калева Кекконена и Алексея Николаевича Косыгина.

После этих слов я вопросительно глянул на Незванцева, но тот глазами показал, мол, слушай дальше.

В принципе я уже понял, из-за чего здесь нахожусь. В скором времени в этом пришлось убедиться.

Иван Ильич сообщил, что сейчас с обсудим бытовые вопросы, связанные с проживанием и питанием немалых делегаций, а уже затем без нас будут решаться вопросы безопасности.

Меня с Валерием Георгиевичем отпустили раньше всех. Незванцев был доволен, в принципе трест ресторанов и кафе снабжался продуктами неплохо, а под этот визит, можно было делать заявку на любые дефицитные товары. И сейчас он уже прикидывал, что в нее внести.

Я же не особо радовался этому событию. Питание обеих делегаций планировалось у меня в ресторане, и на это время придется его закрывать. То есть три дня ресторан не будет работать. Короче, план в декабре мы не выполним, что не очень хорошо скажется на моей зарплате. Такая вот несуразица, работая директором, я получал меньше, чем бармен. И до сих

пор не знал, как увеличить свой доход.

Когда я одевался, ко мне подошел Гордин,

Он вначале обратился ко мне по имени, затем осекся и произнес:

-Александр Юрьевич, что же ты перестал к нам заходить, а мы тебя частенько вспоминаем, Женя вчера тоже о тебе говорила, может, как-нибудь заскочишь на огонек. В шахматы сразимся.

Я торопливо застегивая пальто ответил:

- Спасибо за приглашение, Борис Семенович, как только найду время, обязательно зайду. Но эти дни просто некогда, сами понимаете.

-Да, конечно, - Гордин кивнул и пошел обратно в кабинет первого секретаря.

Смотри-ка, - думал я. - Женя снова на меня хочет охоту открыть, раз ей с летчиком обломилось, вон, даже тяжелую артиллерию в виде папаши подтянула.

Но тут уже пришлось переключаться на другие проблемы. Завтра должен был приехать кремлевский повар со своим штатом сотрудников. Они должны были заменить всех работников кухни, кроме посудомоеч и официантов, но с теми предполагалось провести небольшую учебу.

Новости коллектив не обрадовали, но когда я сообщил, что три дня они проведут в оплачиваемом отпуске, лица сотрудников прояснились.

На следующий день в ресторане появился кремлевский повар, невысокий, полный мужичок, он пренебрежительно осмотрел нашу кухню, удивленно глянул на меня, я думал, что он пройдется по поводу моего возраста, но тот промолчал.

Зато через час, когда подъехала машина с его грузом, он оживился и начал командовать своими людьми.

В общем, вся наша посуда, столовые приборы были заменены. Повар придирично осмотрел содержимое морозильных камер, повздыхал и уехал в трест, согласовывать заявку на продукты.

После его отъезда суeta не прекратилась, Троє молодых людей, чуть старше меня, предъявили удостоверения сотрудников КГБ и начали проверять все входы и выходы. Я уже знал, что в тресте сидят еще две комитетчиков и проверяют все личные дела работников.

К счастью никого из наших не забраковали, и мне не пришлось в запарке искать новую посудомойку, или официанта.

К вечеру в сопровождении переводчика появился сотрудник МИДа Финляндии.

Высокий улыбчивый брюнет, совершенно не походил на типичного скандинава. Вместе с директором гостиницы и мной он осмотрел номера

для делегации, а также зал, где будет проходить встреча по протоколу.

Было видно, что делает он это для проформы.

-Конечно, на хрен ему об этом заботиться, - подумал я. - Ведь прекрасно понимает, что русские все сами сделают. Накормят, напоят, и спать уложат.

Единственno чем поинтересовался Энсио Хюннинен, что члены делегации будут пить. Я показал ему ящики с красной надписью "Экспорт, водка Столичная", и он удовлетворенно затряс головой. Финны знали толк в выпивке. В моем кабинете мы вчетвером провели дегустацию, распив одну бутылку.

После его ухода меня взяли в оборот москвичи. В отличие от финна они докапывались до каждой мелочи. Типа, почему в туалетах мало раковин для мытья рук, почему нет туалетной бумаги и в гардеробе ржавые крючки для одежды.

На все эти риторические вопросы, ответов у меня не было. Но все же большая часть вопросов была адресована не мне, а директору гостиницы.

В конце концов, оба проверяющих сами устали от обхода и намекнули, что было бы неплохо перекусить.

Сделать это было несложно. Но, в отличие от финика, нашим товарищам водку нужно было чем-нибудь зажевать.

Во время перекуса я поинтересовался, будет ли продолжен осмотр. После пары стопок, слегка осоловевшие собеседники глянули друг на друга и отрицательно покачали головами.

- Нормально все, - сказал старший. - Алексей Николаевич, у нас простой мужик, не то, что некоторые. Придираться не будет.

Домой я попал поздно вечером, уставший, как собака. Маман унюхала запах спиртного, но ничего не сказала, только сделала лицо. Но мне было не до чтения ее лица. Раздевшись и рухнув в кровать, поставил будильник на шесть часов.

В семь утра я уже подходил к дверям ресторана.

Открыл дверь и столкнулся нос к носу с хмурыми охранниками в гражданских костюмах.

Они вопросительно глянули на нашего вахтера и, тот услужливо сообщил:

- Это директор наш, Лександр Юрьевич.

Однако хмурые охранники не расслаблялись. Один из них, открыв папку со списком, буркнул:

-Документы.

Я достал паспорт и протянул ему.

Внимательно прочитав документ от корки до корки, он вернул его мне и более вежливым тоном предложил пройти.

В ресторане царила непривычная для этого времени тишина. Обычно, в огромной кухне стоял шум и гам, повара и кухонные рабочие оживленно переговаривались, гремели посудой. Сейчас же все работали молча, периодически поглядывая на охранника, сидевшего у запасного выхода и читавшего газету.

Как ни странно, никакого расписания прибытия делегации, ни времени обеда нам не сообщили.

-Будьте готовы накрывать столы в любой момент, - коротко инструктировали меня по телефону из обкома партии.

Утро прошло в ожидании. После двенадцати часов в двери ресторана начали колотиться посетители, объявление, что ресторан работает по заказу, их не останавливало. Поэтому у охраны появилась работа, гонять эту публику. Но ее подчеркнуто гражданский вид слегка поддавших граждан не впечатлял. Поэтому нашему кэгэбешнику, командующему охраной пришлось вызвать и поставить на вход пару милиционеров.

Косыгин и Кекконен подъехали к ресторану только около пяти часов. Несколько черных "Волг" и одна "Чайка", остановились у крыльца.

Из "Чайки" вышел здоровенный высокий финн с бритой головой, это и был финский президент. Чего я не ожидал так это того, что он будет одет для охоты.

Косыгин, выбравшийся из следующей машины, был в обычном костюме. Как ни удивительно, но дверь машины они открывали сами, никто для этого не бежал к ним с поклоном.

Они не дошли еще до входа в ресторан, а официанты уже принялись за работу.

Я вместе с Николаем Григорьевичем, директором гостиницы встретил членов делегации у входа. Наша самая симпатичная официантка стоявшая рядом с нами, держала каравай с солонкой.

Кекконен сразу направился к ней, отломил ломоть хлеба и макнув в солонку быстро съел.

-Сенькин, шедший рядом с Косыгиным, представил нас. Когда Алексей Николаевич пожимал мне руку, я заметил удивление в его глазах. К чему оно относилось было не очень понятно, то ли орденской планке и нашивке за ранение, или моей молодости.

Зато Кекконен сдавил мне руку, как медведь. От него несло костром и кровью.

- Кекконен с охоты что ли сюда приехал? - спросил я у знакомого

кэгебешника, зашедшего последним.

-А то! - зло шепнул тот мне. - С десяток лосей, сучара, грохнул с вертолета. Так и остались в лесу лежать. С одного только ляжку отрезал и все. Хер бы кто ему в Финляндии такое разрешил.

Расселись по местам все довольно быстро. Главами делегаций были сказаны тосты за дружбу финского и советского народа. Ну, а дальше все было, как обычно. Ничего особенного. Нормальная мужицкая пьянка. Косыгин особо не увлекался спиртным. Зато Урхо поднабрался прилично, Его пришлось уводить в номер под руки. Следующие два дня у делегаций прошли в интенсивных переговорах, поэтому мы больший уклон сделали на разнообразии блюд, а не на алкоголь. Жаль, что нашим отсутствующим поварам не удалось подсмотреть секреты кремлевской кухни. Хотя, что с них толку, таких продуктов у нас все равно не будет.

Лишь в последний вечер, после подписания документов, хозяева и гости снова пьянистовали. Однако на этот раз они уже не напивались. Даже поблагодарили персонал и меня лично за заботу и ласку.

Насколько я помнил из прошлой жизни, переговоры оказались плодотворными. Финны подписались на строительство города в Северной Карелии рядом с железно-рудным месторождением. Для меня же они обернулись трехдневным нервным марафоном. Поэтому я с нетерпением ждал, его окончания.

Зато следующим днем, когда последний московский гость покинул наше заведение, а вслед за ними и сотрудники органов, в ресторане появился Незванцев в кампании директора гостиницы, Николая Григорьевича Калинина.

-Юрий, все путем! - потирая руки, воскликнул он. - Мне звонил сам Сенькин, поблагодарил за работу. Сообщил, что Косыгин остался доволен.

-Кстати, Алексей Николаевич тебя отметил, заодно комплимент нам комплимент сделал, мол, молодцы ребята, находите молодые кадры. Так, что думаю, одной устной благодарностью обком не обойдется. А вообще, главное, что все обошлось без проколов. Посему, Александр Юрий, давай командуй, сейчас мы втроем отметим успешное окончание авральной работы. Надо слегка стресс снять, а то Григорьевич даже бессонницей страдать начал, - кивнул Незванцев в сторону директора гостиницы, стоявшего рядом. - Полагаю, у тебя там деликатесов еще на роту солдат осталось?

Я улыбнулся.

-Валерий Георгиевич, ну, зачем нам деликатесы, давайте по-простому, по рабоче-крестьянски, салатик мясной, солянку, лангерик в

сметане, водочка столичная охлажденная. Все с пылу с жару.

У Николая Григорьевича забурчал живот. Мы с Незванцевым засмеялись.

Тот слегка покраснел и сказал:

- Конечно, вам то, что накормили и напоили, и все дела. А у меня на каждом углу по кэгбешнику сидело. Гостиница, считай, эти дни только на делегацию работала. Замотался вконец, даже поесть нормально некогда было.

Валера воскликнул:

- Да ладно, Григорьевич, не журись, давай по-человечески посидим, вспрыснем это дело, ни одной головы не полетело, как-никак, только лосиные.

Я вышел в зал, нашел администратора и попросил накрыть нам столик в отдельном кабинете.

Через десять минут мы сидели за накрытым столом и закусывали водочку свежим салатиком. Из спиртного на столе стоял всего лишь скромный лафитничек на четыреста грамм. В нем плескалась Столичная, произведенная на экспорт. Рабочий день ведь еще не закончился, больше низзя.

После второй рюмки Калинин сделал мне и моему начальнику комплимент.

- Знаешь, Георгиевич, - обратился он к Незванцеву. - Я был немало удивлен, когда ты предложил кандидатуру Сапарова на должность директора ресторана. Конечно, мы уже знали его, как неплохого бармена, рядового работника, но, признаться, имелись сомнения, что он справится с руководством большим коллективом. Теперь могу сказать, что ты оказался прав.

Тут он повернулся ко мне.

- Александр Юрьевич, не обижайся на правду-матку, сам должен понимать, молод ты еще. Возьми моего младшего, к примеру, тому двадцать три года, так я бы ему самим собой руководить бы не доверил. Честно признаюсь, не ожидал от тебя такой прыти.

Незванцев, посмеиваясь, смотрел на разговорившегося директора, я же с тоской думал:

- Когда же вы перестанете мне молодостью в нос тыкать?

Хотя прекрасно понимал, сколько лет не проживи на белом свете, всегда найдется кто-нибудь старше и, с мудрым видом будет поучать неразумного юнца, даже если тому юнцу девяносто лет.

Долго мои собутыльники не засиделись и через полтора часа ушли

по делам, оставив меня тоже заниматься повседневными проблемами ресторана.

Перед самым Новым годом позвонила Женя. Звонким радостным голосом, она, как ни в чем не бывало, сказала:

-Саша, здравствуй, никак не могу встретить тебя в институте. Папа мне сказал, что видел тебя на каком-то совещании. Я так по тебе соскучилась, а ты все не заходишь. В общем, приглашаю тебя к нам на Новый Год. Из мальчиков будет Саша Глухов, и девочки с моей группы. Родители уехали в Москву. Приходи, пожалуйста, очень прошу.

Я молчал, не зная, что сказать. В принципе, я был не против, потому, как идти было некуда и не к кому. Родители шли в гости к друзьям, меня там особо не ждали. А так, провести вечер в кампании девчонок и талантливого парня певца и гитариста было совсем неплохо. Главное вовремя уйти, чтобы не остаться в постели Евгении Семеновны, подобное чревато совершенно ненужными проблемами.

-Хорошо, Женя, приду, - сообщил я в телефонную трубку, из которой послышался облегченный вздох.

Все было бы неплохо, если бы на следующий день не позвонила Клара с неожиданным предложением, провести Новый Год вдвоем.

- Сашенька, - прозвучал в телефонной трубке ее низкий волнующий голос. - Ты, наверно, забыл меня, не пишешь, не звонишь. А мне захотелось тебя увидеть. Может, сможешь приехать на пару дней. Встретим вместе Новый Год.

Когда женщина упрекает вас в том, что вы ей не пишете и не звоните, и в коем случае нельзя говорить, что она сама об этом просила. А нужно заверять ее, что виноваты, посыпаете голову пеплом, униженно моля о прощении.

Так я и поступил, усиленно соображая в это время, смогу ли оставить вверенное мне учреждение на пару дней.

На мои слова, что вряд ли удастся достать билет на поезд, в трубке послышался ехидный смешок.

-Директор ресторана не может купить билет? Не смеси, дорогой, придумай более вескую причину, если не хочешь приезжать, - засмеялась собеседница.

-Хочу,- хрипло сказал я в трубку. - Тебя хочу.

-Я тоже, - ответил мне задрожавший от страсти, женский голос в телефонной трубке.

Что-то от разговора с Кларой меня завело не по-детски. Появилось огромное желание сесть в машину и уехать в Питер прямо сейчас.

-А не пошло бы все на хрен, сегодня соберусь и поеду - подумал я и, сказав в трубку несколько слов, положил ее на телефон.

С Незванцевым удалось договориться не без проблем, он напирал на то, что в январе и так придется давать мне отпуск для сдачи сессии, поэтому пришлось слегка намекнуть на причину столь стремительного отъезда. После этого согласие было получено мгновенно. Однако быстро собраться в дорогу не получилось, удалось выехать в дорогу только в семь вечера. Меня немного мандражило, потому что поднималась легкая метель, которая вполне могла перейти в сильную. Мама, удивленная моим легкомыслием, возмущалась и даже всплакнула, но безуспешно.

Из города я выбрался быстро, и к моему удивлению, снега на трассе оказалось гораздо меньше, чем на городских улицах

Метель не утихала, и ехать приходилось при ближнем свете фар, хорошо, что встречных машин практически не было.

Когда доехал до Лодейного Поля, метель все же закончилась. В кабине было тепло, несмотря на мороз, и я в который раз похвалил себя, что заменил печку на волговскую. В Ленинградской области дороги чистили гораздо лучше, чем у нас и я прибавил скорость.

Как ни торопился, но на улице Наличной появился во втором часу ночи.

Собрав котомки с подарками и прочим барахлом, я закрыл машину и легкой рысцой понесся к знакомому подъезду.

Около двери квартиры меня одолело внезапное сомнение.

-Хм, а вдруг Клара не поверила мне, что приеду этой ночью, и у нее кто-то есть? Придется снова садиться за руль и катить в сторону дома.

Собравшись с духом и откинув крамольные мысли, я нажал кнопку звонка.

Как и ожидалось, пришлось позвонить еще раз. Лишь после этого за дверью послышались шаги, и тревожный голос Клары спросил, кто пришел.

-Сумасшедший, - услышав мой голос в ответ, воскликнула она и заскрипела замком.

Войдя, я опустил сумки на пол, ногой захлопнул дверь, скинул куртку, и легко подхватив женщину на руки, зашагал в сторону спальни.

Первого января я, измотанный до опупения, возвращался домой. Неожиданная оттепель, очистила дорогу, и по ней можно было ехать, как летом. Зато можно было полностью отдаться мыслям о будущем.

Однако меня пока еще не оставляли вчерашние воспоминания. Весь день мы с Кларой не вылезали из кровати, лишь прерывались на короткие

перекусы, благо, холодильник был полон разной снеди, мои разносолы туда не уместились, поэтому их пришлось съесть в первую очередь.

После первого телефонного звонка, раздавшегося около десяти утра, Клара выдернула вилку телефона из розетки и включила его ближе к двенадцати ночи, чтобы принять поздравления от коллег и родственников.

Немногим раньше мы все же выбрались из постели и дружно накрыли стол. Под звон курантов выпили шампанское и поцеловались.

- Спасибо, милый, - шепнула мне женщина. - Спасибо, что не отказал несчастной старушке и скрасил ее одиночество.

Я засмеялся.

- Что-то я не наблюдаю тут старушки, а вижу молодую красивую женщину, покоряющую мужчин одним взглядом. Разве не так?

Клара вздохнула и предложила наполнить бокалы. Она сидела напротив, в одном пеньюаре, сквозь который просвечивались розовые ареолы сосков не рожавшей женщины, и меня начинало вновь охватывать желание обладать ей.

Видимо оно достаточно хорошо отразилось на лице, потому что Клара воскликнула:

- Санчик, подожди немного, давай поговорим.

Но проговорили мы под приглушенный звук "Голубого огонька" почти два часа.

Увлекшись, моя любовница выложила целую подоплеку отношений в институте. Гадюшник там был еще тот. И хотя Клара не вдавалась в подробности, было понятно, что ступени карьеры дались ей нелегко, прежде чем она заняла свою нынешнюю должность и защитила диссертацию.

Затем она неожиданно переключилась на другую тему.

- Послушай, у меня в ГДР в Нойбранденбурге живет подруга, мы вместе учились. Она фанатка деревянной архитектуры. Ей не так давно попался на глаза альбом с церковью в Кижах, и она хочет летом приехать ко мне с дочкой, и уже вместе со мной съездить туда. Можешь мне что-нибудь посоветовать?

- А дочке, сколько лет? - неожиданно вырвалось у меня.

Клара засмеялась и погрозила мне пальцем.

- А ты шалун, оказывается! Дочке девятнадцать лет, она учится в художественном училище. Симпатичная, насколько немка может быть симпатичной. Но давай ближе к делу.

- Да нет никаких проблем, - сообщил я. - Позвони, когда соберетесь, я вас встречу, если нужна гостиница, будет вам номер, не хочется в

гостиницу, могу предложить дачу, для немок это вообще будет экзотика. Ну, и в Кижи тоже без проблем, там тоже можно будет на пару дней найти, где остановиться.

Понемногу разговор иссяк, и мы снова переместились в постель.

Позднее утро первого января 1973 года было хмурым, падал легкий снег. Настроение было под стать ему, почти такое же. Я ловил себя на мысли, что мне не хочется уезжать. Насколько я видел, Клара испытывала такие же эмоции. Провожая меня, она даже пустила слезу.

- У меня странное чувство сейчас,- сказала она мне в прихожей, - Саш, может, нам прекратить наши встречи, мне бы не хотелось привыкнуть к тому, что ты рядом со мной.

-Ого! - мысленно воскликнул я. - Ты уже не решаешь сама, а спрашиваешь у меня.

Вслух же ответил:

- Клара, зачем отказывать себе в исполнимых желаниях? Нам хорошо вместе, так, что пусть все идет так, как идет. Разорвать отношения можно в любой момент. Я приму любое твое решение, хотя, конечно, равнодушно его перенести вряд ли смогу.

Мы поцеловались, и я закрыл за собой дверь. Спускаясь по ступенькам, никак не мог отделаться от мысли, что Клара была бы совсем не против, если бы я остался у нее насовсем.

Так вспоминая прошедший день, я продолжал ехать по пустынному шоссе. В первый новогодний день было немного желающих составить мне в этом компанию.

Понемногу мои мысли переключились на будущее.

-Интересно, звонила ли Женя нам домой, - подумал я. - Плохо, конечно, что не удалось с ней поговорить перед отъездом. Благо, хоть ее отец был на месте, пришлось тому наврать, что появились срочные дела в Ленинграде, поэтому не смогу прийти на праздник.

Гордин сам уже сидел на чемоданах, поэтому много со мной не разговаривал, но пообещал оставить дочери записку.

В Петрозаводск я въезжал поздно вечером. Мама, однако, не спала, дожидаясь меня. Открыв дверь, она облегченно вздохнула.

-Ну, наконец, явился, не запылился, Ромео недоделанный. Или тебя лучше Казановой обозвать? Вчера днем твоя Женечка два раза звонила. Я ей русским языком еще в первый раз сказала, что ты срочно уехал в Ленинград, так она еще раз звонила, не поверила наверно с первого раза.

Хотя маман говорила все это строгим, недовольным голосом, было понятно, что Женю она, обламывала с удовольствием. Ну, не нравилась

Женя моей маме, хоть ты тресни, с самого первого раза, как она ее увидела.

Тут в наш разговор вмешался отец.

-Марина, хватит уж, болтать, двигайтесь к столу. Надо доедать остатки новогоднего стола.

Он ухмыльнулся, глядя на меня.

- Некоторым путешественникам необходимо хорошо подкрепиться, возместить, так сказать, потраченные калории.

Мама сердито фыркнула на него, но вслух ничего не сказала.

Втроем мы уселись за стол и приступили к трапезе, особо не налегая на спиртное. Завтра ведь у всех рабочий день.

Следующим утром, когда я только закончил небольшую планерку, в кабинете раздался телефонный звонок.

Подняв трубку, услышал знакомый голос Жени.

Признаться, я думал, она начнет свою речь с упреков. Однако не угадал.

-Саша, привет, - сухо поздоровалась девушка, - хочу попрощаться. Папу направляют на работу в Кишинев, так, что мы через неделю уезжаем.

- Вот и отлично! - чуть не вырвались вслух мои мысли.

-Даа, - промычал я в ответ. - С наступившим Новым Годом, Женя. К чему такая срочность?

-У нас так не в первый раз, - вздохнула та. - Мы привыкли. Жаль, что ты не смог придти позавчера, было весело.

Мы еще перекинулись парой дежурных фраз и закончили разговор. У меня от него осталось неприятное ощущение, как будто я что-то не доделал, или не понял.

Однако за рабочей суетой, разговор забылся, лишь вечером, прия, домой, я попытался его анализировать, стоило ли закрывать для себя этот вариант будущего, стать зятем партийного функционера.

Подумав, я решил, что стоило. Рано оковывать себя узами брака. А лучше вообще этого никогда не делать, хотя вряд ли это у меня получится.

Январь пролетел незаметно. Все-таки две сессии, это тяжко. Очень кстати пришла помочь Клары. Одни и те же дисциплины, я мог сдать в педе, а в Ленинград, предоставить только справку о сдаче. К сожалению, таких предметов было всего ничего, а главное история КПСС.

В феврале после сдачи сессий можно было бы расслабиться, но на вверенное мне учреждение наехала очередная проверка КРУ. В бухгалтерии, у кладовщика сидели дотошные проверяющие и копались в бумагах. В моем кабинете восседал глава этой команды и по списку вызвал к себе тех, кого ему нужно.

Хотя особых грехов за собой я не чувствовал, все равно мандраж имел место.

Копошились проверяющие неделю, потом отбыли, сообщив, что о результатах проверки известят.

Однако первым об этих результатах меня известил новый куратор от комитета. И помимо них, сообщил удивительную новость.

Улыбчивый румяный толстяк представился Олегом Ивановичем, затем, покопавшись в своих бумагах, сообщил, что проверка, грубых финансовых нарушений в использовании средств, не нашла. Конечно, мелкие огрехи имеются, но это уже лирика. Я поинтересовался, каким боком проверка имеет отношение к комитету госбезопасности, но ответа не получил. Вместо этого Олег Иванович рассказал, что комитет доволен сотрудничеством со мной, этому заявлению я немало удивился, потому, что с тех пор, как начал работать директором ресторана ничем особо комитет не радовал.

Видимо удивление было написано на моем лице, потому что куратор усмехнулся и сказал:

-Отсутствие информации тоже информация своего рода. Ладно, Александр Юрьевич, давай ближе к делу.

Так вот, в марте в Карелию приезжают киношники ГДР, они будут снимать фильм по роману Джека Лондона. А в главной роли будет играть Дин Рид. Слышал о таком?

Вопрос был риторический, кто в Советском Союзе не знал Дина Рида, высокого красавца американца, талантливого певца, покинувшего родину из-за коммунистических убеждений

Я глянул на собеседника с видом, недвусмысленно говорящим, а мне то, какое до этого дело?

Снисходительно улыбнувшись, тот спросил:

-Александр Юрьевич, вы знакомы с Кларой Щукиной?

-Знаком, она моя хорошая приятельница.

-Ну, да, ну, да - ехидно согласился комитетчик. - У вашей хорошей знакомой есть подруга в ГДР, а у подруги дочка. Эта дочь сейчас работает художником-оформителем в киностудии, именно с ее подачи немцы поедут снимать просторы Аляски в Карелии, и сейчас энергично собирают вещички для поездки.

Он помолчал немного и затем продолжил:

-Александр Юрьевич, дело весьма серьезное. Наши германские коллеги сообщили, что у них имеются сведения о возможном покушении на артиста.

Представляете, как мы удивились, когда узнали, что вы были одним из создателей этой ситуации.

-Да, я то здесь при чем, - пришлось возмутиться мне, хотя уже было примерно понятно причем.

- Вот-вот, именно, причем, - подтвердил Олег Иванович. - Распелся перед женщиной о красотах Карелии, вот и результат. Так, что в марте жди гостей. И сейчас будем совместно думать, как сделать так, чтобы этот визит прошел без сучка и задоринки.

Как ни странно, но через пару недель после этой беседы, за ужином, мама неожиданно спросила:

- Саша, ты не слышал случайно, правда ли к нам Дин Рид приедет?

Услышав вопрос, я не удержался от смеха.

-Чего смеешься? - обиделась мамам. - У нас на работе вчера целый день об этом говорили. Думаешь врачи?

- Не знаю, - попытался я отговориться. - Возможно, и приедет.

На этом наше обсуждение закончилось. Мысленно я продолжал смеяться. Оказывается, в Комитете тоже хватает болтунов. Иначе от кого в городе поползли такие слухи?

Еще через неделю слухи переросли в уверенность, так как в гостинице были забронированы места для кинематографистов из ГДР.

В начале марта месяца мне на работу позвонила Клара.

-Саша, здравствуй, я не помешала? Могу говорить?

Услышав положительный ответ, она быстро затараторила.

-Помнишь наш разговор. Так получилось, что Эрна приедет ко мне через пару дней. Я с трудом выбила отпуск на неделю за свой счет, мы собираемся посмотреть зимние Кипи. Ты сможешь нас устроить в гостиницу?

Мне не понадобилось много времени, чтобы сложить в уме приезд киношников и Клариной подруги.

- Конечно, смогу, - уверил я свою любовницу. - а ей, что место с киносъемочной группой не забронировали?

В телефонной трубке на несколько секунд воцарило молчание..

Затем Клара рассмеялась и сказала:

-Я должна была сообразить, что вы там уже в курсе. Понимаешь, у немцев омлет с яичницей не путают. Никто на маму художника - оформителя государственных денег тратить не будет. Эрна едет за свой счет. Поэтому появится у меня на пару дней раньше Софи.

- Софи, как я понимаю, дочь твоей подруги? - на всякий случай осведомился я.

- Ну, да, - нетерпеливо сказала Клара, - правильно понимаешь, в общем, тогда запоминай номер вагона и купе, приедем седьмого марта, перед праздником.

-Интересно, - подумалось мне, - В этот день же приедет и Дин Рид.

М-да, в комитете предусмотрели многое, но не все. Когда из поезда на перрон попытался сойти высокий симпатичный парень в меховой шапке, шагнуть ему было некуда. Все пространство перед вагоном заполнили девицы разного возраста. Сотрудники комитета просто потерялись в этом море девушек.

Дин Рид все же смог спуститься на землю и тут же был окружен вопяющими девчонками. Он возвышался, как башня над ними, и даже мне стоящему у входа в подземный переход была хорошо видна его растерянная физиономия.

Но тут поспели сотрудники железнодорожной милиции и окружив артиста плотным кольцом, повели его в сторону выхода с вокзала в город. Орущие фанатки последовали за ними, кроме двух, лежащих на утоптанном снегу и целующих следы своего кумира.

Вышедшие вслед за Ридом кинематографисты никакого интереса уже не вызвали, им пришлось самим тащить свои баулы с аппаратурой, потому, как носильщиков на вокзале Петрозаводска сроду не бывало.

Я в это время заходил в другой вагон, чтобы встретить своих гостей.

А те уже пробирались к выходу, так, что дальше тамбура мне идти не пришлось.

Клара поцеловала меня в щеку, а Эрна, кинув удивленный взгляд крепко, по-мужски пожала руку.

-Ужас, что творится, - воскликнула Клара, выйдя на перрон. - Саша, ты видел этот ужас. Кошмар! Что о наших девушках подумают иностранцы.

-А что они подумают? - насмешливая мысль пронеслась в моей голове. - То и подумают. А ведь все еще впереди, девяностые годы и песенка "Американ бой возьми меня с собой" и прочее, прочее.

Когда мы уселись в мою машину, Эрна снова метнула на меня удивленный взгляд и с сильным акцентом спросила:

- Александр, это ваша машина?

После моего кивка, она обратилась к своей подруге уже на немецком языке. Я, естественно, ничего не понимал, но было ясно, речь идет обо мне.

Уже перед гостиницей, Клара со смешком сообщила:

-Эрна очень удивилась, что у студента в Советском Союзе имеется машина, поэтому поинтересовалась, не сын ли ты крупного партийного

функционера. Но все вопросы у нее пропали, когда я сказала, кем ты работаешь.

Из Клариних слов стало понятно, что до этого она представила меня подруге, как своего студента и больше ничем не делилась.

-И очень хорошо, -подумал я. - Желательно, чтобы и дальше все так продолжалось.

Когда мы подъехали к гостинице, то обнаружили, что толпа девиц оккупировала все подъезды к ней. Пришлось остановиться там, где скопление поклонниц артиста было не таким сильным.

А вот пройти к дверям удалось не сразу. Наконец, я догадался обойти здание и зайти в гостиницу через заднюю дверь ресторана. Дежуривший там милиционер, узнав меня, вежливо отдал честь и пропустил без всяких вопросов.

Во вверенном мне заведении шла обычная работа. Приезд известного певца на ней не отразился. Нашему появлению персонал, однако, удивился. Пока мы пробирались к дверям, ведущим в вестибюль гостиницы, пришлось выслушать несколько ехидных комментариев, по поводу моего появления с черного хода.

-А, что душа в номере нет? - разочарованно спросила Клара, когда мы осматривали забронированный для нее номер.

- Душ на этаже, в конце коридора, - буркнул я, обиженный в лучших чувствах.

- Стараешься, стараешься, и все равно найдут к чему прицепиться, - бродили мысли в моей голове. - В этом вся суть женская выходит.

Но вслух только коротко пояснил, что номеров с душем в гостинице всего два, один занимает Дин Рид, а второй режиссер фильма.

-Ну, ладно, не злись, - теплая ладошка женщины погладила мне плечо.

В этот момент в номер бесцеремонно зашла Эрна. Кларина ладонь моментально исчезла с моего плеча. Немка явно все заметила, но ничем этого не показала.

Обе поблагодарили меня и сообщили, что я могу заниматься своими делами, а вечером они спустятся в ресторан, где с удовольствием выслушают, когда и как я планирую им показать зимние Кижи.

В принципе я уже договорился обо всем, только пока ничего им не рассказывал, во избежание лишних проблем.

Спустившись на первый этаж, я полюбовался на огромную толпу девчонок, собравшуюся у парадного входа в гостиницу, и подумал, что на приезд президента Финляндии такого ажиотажа не было.

После двенадцати часов я позвонил в ДОСААФ, Борис Ефремыч, услышав мой голос, сразу завопил:

-Санек! Привет! Подъезжай, мы тебе агрегат подготовили, шик, блеск, красота! Давай, в темпе вальса.

Через двадцать минут я уже въезжал в Досаафовский гараж.

Ефремыч встретил меня у проходной.

-Ну, привет, еще раз, чертяка!- воскликнул он. - Не забываешь старых друзей, молодец! Идем, поглядишь, что мы тут тебе приготовили.

Мы зашли в отдельно стоящий ангар, и мой взор сразу приковали огромные аэросани. Не знаю, что это была за марка, скорее всего, их собрали, как поется в одной песенке "из того, что было"

-Слушай, Ефремыч, а это вообще-то поедет? - спросил я осторожно.

-Ты, Сапар, не умничай, - сообщил перемазанный мазутой Петрович, сидевший на металлической лыже с горелкой в руке. - Поедет, да еще как. До Кижей за сорок минут доберетесь.

- Ты, Петрович, как с директором кабака разговариваешь?! - съехидничал Ефремыч. - Смотри, к нему в ресторан не попадешь никогда.

-Больно надо деньги на ветер пускать, - ответил тот. - Я и тут с мужиками посидеть могу.

- Так, что, когда едем? - деловито спросил Ефремыч, потирая руки, после того, как мы выбрались из салона аэросаней.

Я удивленно воскликнул:

- Борис Ефимович, ты, что сам собираешься с нами в Кижи прокатиться? Неужели больше некому этим заняться

- Ну, да, некому, - ответил тот. - Я никому из наших деятелей эти сани не доверю, а тебе и тем более. Так, что, давай признавайся, какой там у тебя расклад...

Через день мы вчетвером стояли на берегу Онежского озера в ожидании транспорта.

Время было уже около девяти утра и солнце уже выглядывало из-за леса на противоположном берегу Петрозаводской губы. Несмотря на март утренний морозец был хороший, почти тридцать градусов. Немки, одетые в тулупы и валенки, не мерзли, но были в ужасе от карельских морозов. В отличие от Эрны, ее дочь неплохо говорила по-русски и забрасывала меня кучей вопросов. Клара, одетая в норковую шубку и теплые сапоги, кутала руки в муфту и со странным выражением лица поглядывала в нашу сторону. Так она глядела на меня со вчерашнего дня, когда, договорившись с транспортом, я приехал в гостиницу, постучав, зашел к ним в номер и замер от неожиданности. За столом сидела красивая темноволосая девушка,

в достаточно фривольном халатике, вопросительно глядевшая на меня.

-Простите, я наверно ошибся номером, - смузенно сообщил я и хотел выйти.

-Подождите! Вы ведь Александр? - воскликнула та. Через несколько секунд выяснилось, что номером я не ошибся, а девушка оказалась дочкой Эрны, она дожидалась, когда мать с подругой вернутся из душа.

Когда обе дамы зашли в номер, мы с Анной-Софиею оживленно болтали.

Она выложила мне кучу интересных подробностей о предстоящих съемках, а затем принялась критиковать наших девушек, устроивших преследование Дина Рида.

Клара, зайдя в номер, укоризненно глянула на пустой стол, и включила в сеть электрочайник.

Вскоре в номере запахло дефектнейшим растворимым бразильским кофе. Немки положили себе в крохотные чашки по три чайных ложки порошка и сидели, отпивая микроскопические глотки черной, как деготь жидкости. Мы с Кларой на такой подвиг не были способны и положили по одной ложке кофе в чашки большего размера.

Зато пока мама с дочкой цедили свои чашечки, мы успели выпить по две, опустошив пачку немецких крекеров.

Во время беседы моя голова то и дело поворачивалась в сторону Анны.

Сейчас, рядом с юной немкой была хорошо видна разница в возрасте между ней и Кларой. Особенно, когда мой взор утыкался в слегка распахнутый халат девушки, где не было никаких признаков бюстгальтера. Осознав, куда смотрю, я отводил взгляд в сторону, но через несколько минут все повторялось снова.

Настроение у Клары явно испортилось и, было понятно отчего. Поэтому, я быстро рассказал, как и когда мы отправимся на экскурсию, после чего покинул бабский коллектив.

Однако остаток дня я неоднократно ловил себя на мысли, что думаю о немецкой художнице слишком много, для мимолетного знакомства.

Шум двигателя подкативших к нам аэросаней вырвал меня из размышлений.

Из открывшегося иллюминатора показалась голова Ефремовича в танковом шлеме. Он что-то крикнул и кивнул в сторону дверей.

Из-за гула и треска его не было слышно, но то, что нас приглашали на борт, было несомненно.

В скором времени мы забрались вовнутрь этого монстра, и расселись

по сиденьям. В его шестиместном салоне было немного теплей, чем на улице,

Убедившись, что мы готовы к поездке, водитель прибавил газу, Рокот за нашими спинами усилился, и сани плавно съехали на лед.

Поняв вскоре, что разговаривать в таком шуме невозможно, мои спутницы приникли к иллюминаторам, однако, и те вскоре покрылись изморозью и единственным окном, через которое было хоть что-то видно, оказалось лобовое стекло нашего транспорта, поэтому, вытянув шеи, пассажирки, уставились вперед по ходу движения, пытаясь увидеть хоть что-нибудь через него. Я же их примеру не последовал, все равно, кроме льда и далекой линии берега с левой стороны, ничего увидеть, пока не удастся. Вместо этого я разглядывал симпатичное лицо Анны-Софии, выглядывавшее из-под меховой оленьей шапки и нескромные мысли начинали бродить в моей голове.

Пока сани неслись по ровной поверхности Петрозаводской губы, ехать было комфортно. Но за Ивановскими островами начались торосы, иногда до двух метров высоты. И тут нас начало ощутимо трясти. Ефремович убавил скорость, выбирая лучший маршрут, сани виляли и качались, пробираясь среди ледяных нагромождений. На особо крутых ухабах женщины взвизгивали, а от Бориса Ефремовича доносились громкие непечатные выражения.

Но вот впереди на горизонте показалась многочисленные купола главной церкви Кижского погоста. Они поднимались все выше, и вскоре мы увидели низкий берег острова, сливающийся с белизной покрытого снежным покровом льда. У причала сиротливо стоял вмерзший в лед дебаркадер с рестораном, который в прошлом году руководство решило не перегонять обратно в Петрозаводск.

Наши сани без проблем выкатили на берег и остановились у въезда на территорию собора.

Ефремович выключил двигатель, и в салоне стало тихо.

-Ну, что, дамы и господа, мы приехали, прошу на выход, - повернувшись к нам, сообщил Никулин.

Я открыл дверь и спрыгнул, оказавшись по колено в снегу. Опустив ступеньки, помог спуститься своим спутницам.

Вслед за ними грузно спрыгнул в снег Борис Ефремович.

Наши дамы, между тем, застыли в восхищении.

Конечно, для них подобное зрелище было необычайным. Немки, выросшие в центре Европы в человеческом муравейнике, сейчас стояли на небольшом безлесном острове рядом со сказочными деревянными

зданиями, а вокруг до горизонта простиралась белоснежная равнина, сверкающая под лучами мартовского светила.

Ни одного человека кроме нас здесь пока не наблюдалось. Лишь в отдалении из одного из домов поднималась тонкая струйка дыма.

- Как красиво! - выдохнула Клара, стоявшая рядом со мной. - Саша, спасибо тебе за это чудо!

-Это не ко мне, - засмеялся я. - Благодари Бориса Ефремовича, если бы не он, то этого чуда мы бы не увидели.

Клара повернулась к механику и протянула ему руку.

Тот, сняв меховую рукавицу, осторожно пожал ее и смущенно ответил, что ничего особенного не сделал.

В это время Анна пришла к жизни и начала восторженно комментировать окружающее. Она говорила по-русски, иногда сбиваясь на немецкий язык, что очень рада, что не ошиблась, когда уговаривала своих коллег на съемки фильма в Карелии.

Не дождавшись конца ее пространной речи, я предложил пройти в собор. В него вела еле заметная тропинка, засыпанная снегом.

Когда мы пробрались к дверям, пришлось откidyвать от них снег, благо, что фанерная лопата стояла рядом.

Мы уже открывали дверь, когда сзади раздался мужской голос.

-Товарищи, что тут происходит?

Обернувшись, я увидел невысокого испитого мужичка с недельной щетиной. На нем был накинутый милицейский полушибок, из-под которого виднелась грязная майка и трусы, на ногах разношенные валенки.

-Ты сам то, кто такой будешь? - нахмурил брови Ефремыч, в то время, как немецкие мама с дочкой с ужасом разглядывали странного русского гуляющего в трусах в тридцатиградусный мороз.

- Я то пожарник, - гордо сообщил мужик. - А вот кто вы такие, надо уточнить. Почему без разрешения приехали и без спросу в церковь залезли?

Он строгоглянул на меня, и по мере узнавания его лицо принимало задумчивое выражение.

-Кхм, - задумчиво кашлянул он и совсем другим тоном доложил. - Товарищ Сапаров, здравствуйте, извиняюсь, что сразу не узнал, вы не волнуйтесь, нам разрешили в вашем ресторане проживать в зимнее время. Мы там порядок соблюдаляем.

До меня не сразу дошел смысл этой фразы, но через пару секунд все стало ясно.

- Вот говнюки! Устроились на житье у нас в ресторане. Сто процентов Незванцев понятия об этом не имеет, - беззлобно подумал я.

Еще выходя из аэросаней, я обратил внимание на утоптанную тропинку ведущую от дебаркадера в глубь острова. Сейчас же ее происхождение прояснилось.

-И кто же разрешил? - строго спросил я, смущенного мужичка.

Тот, усиленно моргая и заикаясь, невразумительно принялся объяснять, что бытовка у них холодная, поэтому они с разрешения городского командования перебрались на дебаркадер.

- Понятно, - подумал я. - Никого они спрашивали, скорее всего, сами устроились в подсобке на кухне. Там камелек небольшой есть, им и греются.

-Так я пойду? - просительно спросил пожарник, потерявший всю смелость.

- Иди, - махнул я рукой. - И готовьтесь, обязательно зайду посмотреть, как вы там живете.

Мужичок облегченно выдохнул, обдал нас запахом перегара, и повернувшись побрел обратно в жилье.

Ефремыч, не дожидаясь пока пожарный уйдет, громко засмеялся, отлично поняв, в чем дело. А вот немки и Клара, не соображая, что происходит, вопросительно глядели на меня. После объяснений Эрна с Анной удивленно глядели на меня.

-Как это так? Почему у пожарных нет своего жилья? - Спросила Эрна. - Это же невозможно! Прежде чем их сюда посыпать, нужно было позаботиться о том, где они будут жить?

Мы втроем дружно засмеялись.

-У нас все возможно, - наставительно сообщил Ефремыч и с удовольствием добавил. - Поэтому мы вас и победили.

Я исподтишка показал ему кулак, но Никулин сделал вид, что ничего не понял.

Надо признать, что до этого момента он вел себя достаточно прилично, хотя в тот день, когда я приехал его уговаривать на поездку в Кижи, он побагровел и громко начал орать.

-Сашка, ты с кем связался? С немчурой, фашистами! Не поеду я никуда! На хер мне они сдались, я их до сих пор ненавижу, и видеть не хочу, ни баб, ни мужиков. Я их танком давил, как гнид. После боя железной щеткой мясо из гусениц вычищал. И не уговаривай, не поеду и все! В прошлом году к нам приезжали двое, так я даже на работу не вышел, чтобы их поганые, фашистские хари не видеть. Как у нас в газете в войну писали - увидел фашиста, убей.

Лишь после того, как я сообщил, что дед у Анны был расстрелян

фашистами в Моабите, он сменил гнев на милость и нехотя сообщил, что так и быть поможет с транспортом. Однако беседу о приличном поведении пришлось все же провести

Но, даже с дочерью и внучкой соратника Тельмана, он не мог сдержаться, чтобы не уесть их прошлым.

Однако те отнеслись к подколке Ефремыча спокойно. Эрна согласно кивнула головой.

-Конечно, мы очень благодарны вам за избавление нашей страны от власти Гитлера и его партии. Вы наверно воевали хэрр Никулин?

Ефремыч молча мотнул головой, но продолжать разговор на эту тему не стал.

Нарушив неловкое молчание, я предложил начать осмотр собора.

Однако внутри смотреть собственно было нечего. Ни алтаря, ни икон в церкви не было. Только гора бревен и досок говорили о продолжающейся долгие годы реставрации. Но так казалось только мне и Ефремовичу. Женщины с восторгом разглядывали потемневшие от прошедших сотен лет бревенчатые стены и свежие осиновые лемеха, приготовленные для замены старых на куполах.

В общем, провели мы на экскурсии часа два, после чего, выпив кофе из термосов и заправившись бутербродами, отправились обратно в город.

Идти, разбираться с пожарными, поселившимися в ресторане, совершенно не хотелось.

-Позвоню Незванцеву, пусть он разбирается на своем уровне с их начальством, а мне чего встревать? - решил я.

Обратно, по накатанной колее мы добрались до города гораздо быстрее.

Аэросани, взревев, спустились на лед и умчались в сторону гаража, оставив нас на берегу. Во второй половине дня солнце уже ощутимо припекало, и между сугробов начинали пробиваться тонкие ручейки.

Мы шли до гостиницы пешком, и все это время я слушал от спутниц восторженные дифирамбы северным красотам, и рекомендации что надо делать все возможное, чтобы как можно больше людей узнали и увидели это чудо.